

ЛУНА ДВАДЦАТИ РУК

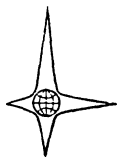

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

ЛУНА ДВАДЦАТИ РУК

ЛУНА ДВАДЦАТИ РУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„М И Р“

ЛУНА ДВАДЦАТИ РУК

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
РАССКАЗОВ

Перевод с итальянского

Под редакцией Н. Евдокимовой

Предисловие С. Ошерова

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР»

МОСКВА 1967

Составитель Л. ВЕРШИНИН

***Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы***

ПРЕДИСЛОВИЕ

Само собой разумеется, любая статья, и тем более статья о научной фантастике, должна быть научной. А где найти залог научности вернее, чем экскурс в историю вопроса?

Итак: когда родилась научная фантастика?

Если согласиться с глубокомысленным исследователем, который считает, что первым детективом была история Эдипа, пытавшегося себе на горе раскрыть давнее преступление, то надо признать, что первым фантастом был Гомер: это он рассказал в «Одиссее» о самодвижущихся кораблях фсакийцев. Первые же сведения о роботах восходят к Платону, поведававшему о том, что знаменитый Дедал умел делать подвижные статуи; правда, программировал он их плохо, и если их не связывали, они убегали от хозяев...

Впрочем, довольно! Мы ненароком впали в плагиат: наш исторический экскурс что-то уж слишком похож на ту «критику», которую так остроумно спародировала Анна Ринонаполи в одном из рассказов, публикуемых в сборнике.

А кроме того, сами итальянцы почему-то считают, что фантастика на их земле родилась не две тысячи

двести лет назад, когда была переведена на латинский язык «Одиссея», а всего каких-нибудь полтора десятилетия назад.

Критика встретила новорожденную без особого восторга. Известный литературовед Джорджо Пуллيني писал: «Мы не питаем врожденной симпатии к жанру научной фантастики... несмотря на его очевидную актуальность; нас по-прежнему больше привлекает тайна человеческой души, чем тайны механических роботов... Разрушительные или созидательные возможности техники целиком зависят от сознательности или от моральной неустойчивости управляющего ею индивида, и поэтому никакая тайна, несмотря на самые большие завоевания науки, не превосходит важностью и не исключает тайну человеческой жизни» («Итальянский послевоенный роман», 1965, изд. второе).

Справедливость требует подчеркнуть, что фантасты Италии вняли совету критика и поставили во главу угла человеческую жизнь. Как бы отвечая Пуллিনি, Сандро Сандрелли, один из авторов этого сборника, в статье, написанной совместно с фантастом де Туррисом и критиком Фуско, утверждал: «Основная характерная черта итальянской научной фантастики сегодня состоит в том, что в поле ее зрения входит образ человека, который из простой детали механизма, как это было в первых повестях, стал основным стержнем рассказываемых событий и их движущей силой до такой степени, что основная забота современного автора — это описание человеческих реакций на возможные или невозможные события более или менее отдаленного будущего» (журнал «Interplanet», 1965, № 6).

Слов нет, итальянская фантастика многому научилась у своих зарубежных сестер. И хотя Сандро Сандрелли, робко прячась за цитату, пытается утверждать,

что «в земле и в небе более сокрыто, чем снится вашей мудрости, Азимов», однако сюжеты большинства рассказов очень напоминают Азимова, ибо взяты они из обычного арсенала фантастов: мы увидим здесь похождения космонавтов и межпланетных шпионов, чудеса вычислительных машин и подвиги роботов... Да и не только сюжеты — сами приемы повествования порой заставят читателя, безусловного знатока научно-фантастической классики, вспомнить Бредбери или Лема, а то и Уэллса или Чапека...

Да, именно Уэллса и Чапека... Традиция Жюль Верна, восторженные попытки угадать, какова будет техника будущего и какие невиданные приключения сулит она людям, меньше соблазняет итальянских фантастов. Большинство из них стремится на ту дорогу, которая начинается где-то в Икарнии социалиста-утописта Этьена Кабе или даже в Утопии Томаса Мора и потом, в нашем столетии, благодаря усилиям Уэллса, Чапека, Алексея Толстого становится магистралью для подлинно литературной фантастики. Идя по этой дороге, итальянские писатели вместе со своими зарубежными собратьями по жанру стараются заглянуть на много лет вперед — понять, каким станет общество, или же, пользуясь только им, фантастам, данной свободой, изобразить будущее так, чтобы в нем легко было узнать худшие черты настоящего, но только доведенные чудовищным преувеличением до абсурда, зло спародированные.

Этого «общего курса» итальянской научной фантастики надо держаться и нам в нашем разборе, если мы хотим понять включенные в этот сборник рассказы, кроме... Впрочем, следуя лучшим традициям жанра, о котором нам довелось писать, оставим читателя еще некоторое время в неведении относительно этого «кроме».

Лино Альдани, фантаст по преимуществу, один из зачинателей этого жанра в Италии, идет тем же курсом, о котором мы говорили, — курсом от фантастического к реальному. Если писатель и отходит от него, то лишь потому, что магнитная стрелка его творчества порой отклоняется к другому полюсу жанра — приключенческому или детективному. Свидетельство таких «аномалий» — новелла «Приказы не обсуждаются». Читатель легко узнает в ней привычные черты «космического детектива» и все же... Да, есть тут что-то такое, что заставит его не столько с напряжением ждать развязки, сколько с улыбкой следить за цепью улик, обличающих марсианских шпионов. Дело в том, что эти улики — не что иное, как «перепетые не раз и не пять» приметы марсиан из многих и многих фантастических романов, рассказов, повестей. Из-под таинственной широкополой шляпы детектива читателю вдруг весело подмигивает глаз пародиста.

Если в приключенческих рассказах Альдани ироничен, то в рассказах о будущем он очень серьезен. Правда, видит он впереди не всегда одно и то же. В «Луне двенадцати рук» трагедия Земли побеждена благодаря мужеству, самоотверженности, чувству высокой ответственности за судьбу человечества и солидарности между людьми всех наций. Прославление этих новых качеств человека до того ясно и прозрачно, что сам автор счел нужным включить свой рассказ... в хрестоматию для классного чтения в школе XXIII века.

Совсем иную картину рисует Альдани в рассказе «Абсолютная технократия». Попробуем-ка, читатель, изъять из него детали «примет будущего» — все эти элибусы, движущиеся дорожки и прочую бутафорию, и взглянем, что останется. Что-то уж очень знакомое

у нас перед глазами... Да это же — чеховский «Экзамен на чин»! Тот же маленький человек, вынужденный только ради того, чтобы жить чуть более сносно, учить кучу не нужных ему премудростей (герой Чехова «и тригонометрию выучил», герою Альдани пришлось похуже — с него требуют и неевклидову геометрию, и теорию относительности). Та же всеподавляющая государственная машина, требующая, чтобы один из ее винтиков прошел и эту бесцельную обработку; только у Альдани она воплощена буквально — в гигантской вычислительной машине Руне, управляющей всем и вся в стране абсолютной технократии. Впрочем, кроме общей темы, есть в рассказе и более частная, злободневная: в последнее время на тех капиталистических предприятиях Италии, которые хотят прослыть неокapиталистическими, почти все, вплоть до чернорабочих, на каждом шагу подвергаются всякого рода испытаниям, тестам, проверкам «коэффициента интеллектуальности...»

По столь же злободневной мишени бьет сатира и в рассказе «Шахта». Перед нами — довольно типичная ситуация первой половины нашего века: ветераны мировой войны, ничего не получившие у себя на родине, кроме громких фраз, вынуждены завербоваться в колонии. Здесь они и несут пресловутое «бремя белых» — служат надсмотрщиками над превращенными в рабов туземцами, вымещая собственные унижения на непамятных им людях иной расы... Позвольте, возразит нам читатель, при чем тут первая половина нашего века, кипплинговское «бремя белых», колонии? Ведь дело происходит на неведомой планете, завоеванной выходцами с другой системы. Что ж, дорогой читатель, все зависит от точки зрения: вам прежде всего бросается в глаза фантастическая сторона рассказов, нам — реальная.

Антирасистскую идею вкладывает в свой рассказ «Обвал» Инисеро Кремаски; хотя рассказ построен на традиционных (слишком даже традиционных!) приемах приключенческого жанра, Кремаски — писатель, близкий к коммунистам, автор остро обличительного антикапиталистического романа «Плата за молчание» — не мог не связать его с жизненно важными проблемами наших дней.

При желании эту реальную основу вы легко найдете даже в таком «совсем фантастическом» рассказе, как «План спасения» Джулио Райолы. Автор давно уже выступает как журналист, причем основная тема его статей — судьба Венеции, самого своеобразного города Европы, одной из прекраснейших сокровищниц искусств, которая медленно, но неотвратимо погружается в море. По данным «Комиссии по изучению мер охраны памятников Венеции и защиты от лагуны», за десятилетие — с 1950 по 1960 год — повышение уровня моря вместе с оседанием почвы составило 33 миллиметра. В рассказе Райолы подобная же комиссия заседает много веков спустя; за сотни лет Венецию не только не спасли, но даже не сумели выработать план спасения. Вокруг вполне злободневной проблемы Райола строит авантюрно-фантастический и даже детективный сюжет, не стесняясь порой брать для своей постройки « типовые детали » и монтировать их согласно давно апробированным образцам. И все же рассказ подкупает: вас, читатель, не оставит равнодушным горькая любовь к прекрасному, обреченному городу, которой проникнуты и многовековой давности письмо неведомой женщины, найденное героем, и весь рассказ Джулио Райолы. А если вы скажете, что вам интересно читать о неумоимо фантастических похождениях Лауро и Герты, то я отвечаю: да, интересно, — потому что смысл их приключений и художественную убедительность рассказу

придает это жизненное, пережитое самим автором чувство.

Еще «блже к жизни» творчество Анны Ринонаполи. «Крылья ее фантазия», говоря высоким слогом, никак не могут унести писательницу за пределы сегодняшнего дня, хотя обе публикуемые повеллы посвящены далекому будущему. Пусть в них роботы трудятся рядом с людьми под синтетическими куполами школ, а между Землей и близкими к ней планетами налажено прямое беспересадочное сообщение, будущее у Анны Ринонаполи — это не более как злая сатира на настоящее, причем на настоящее сегодняшней Италии. Публицисты и социологи, политики и беллетристы с цифрами и фактами в руках, с праведным гневом или гоголевским смехом сквозь слезы твердили, писали, доказывали, что бюрократическая система душит страну, высасывает из нее живые соки, калечит людей, хоть как-то к ней приобщившихся. В рассказе «Ночной министр» Анна Ринонаполи присоединяет свой голос к общему хору. Она передвинула вперед стрелку часов — но как мало изменилось все вокруг! Угроза войны теперь исходит из космоса, страсть подвергать людей всякого рода психоаналитическим и иным проверкам распространилась еще шире, а футбольный тотализатор вытеснен космическим — вот и все перемены! По-прежнему исправно работает бюрократический аппарат, круглые сутки (без перерыва!) продолжается деловое безделье чиновников, волокита и канитель столь же безотказно тормозят на всех инстанциях любое дело... И сообщение о готовящейся агрессии марсиан застревает в той же паутине, в которой застрял в наши дни, например, вполне реальный вопрос о необходимости гидромелиоративных работ в стране. И недавнее пагубное наводнение в Италии может служить превосходным доказательством полной

реальности фантастического рассказа Анны Ринонаполи.

Второй ее рассказ также касается больного места итальянской действительности — проблемы школьного образования. Правда, преодолен кризис помещений и оборудования, теперь (значит — в далеком будущем) школы хорошо — даже слишком хорошо — оснащены технически, над ними даже возведены пластиковые купола: ведь атмосфера в городах настолько загрязнена, что только в помещениях с очищенным воздухом можно дышать без риска для жизни. Однако по-прежнему нищенским остается заработок учителей, по-прежнему неограниченным — произвол выскочек-директоров (правда, теперь па этом месте может сидеть и робот). А главное — завершился самый страшный процесс, процесс замены знания претенциозным полужнальством, науки — наукообразными разглагольствованиями и подлинных духовных ценностей — мнимыми. Кто теперь читает книги? Только дефективные! Вместо стихотворений Лепарди и Кардуччи, поэм Гомера и Данте — «извлеченные» из них фильмы (их изготовление началось уже сегодня; быть может, читатель даже имел несчастье видеть па наших экранах монументальную кинохалтуру «Странствия Одиссея» или «Подвиги Геракла»). Вместо живого слова педагога — стандартная магнитофонная лекция, вбивающая стандартные мысли в стандартные головы учеников: будущее нашло превосходные средства для выполнения широко проводимой и в наши дни работы, в просторечии именуемой «стрижкой под одну гребенку». Впрочем, и сами наставники, и наставники наставников воспитаны точно так же... Да, не только увлекать и развлекать, не только восхищаться научными достижениями и популяризировать их может научная фантастика — оказывается, ей вполне по плечу «Ювеналов бич».

Это отлично сумел понять маститый Дино Буццати, всю свою жизнь стремившийся решить волновавшие его моральные и общественные проблемы с помощью фантастики — правда, не научной. В некоторых его рассказах реальная жизнь теряла четкие контуры, расплывалась, становилась алогичной, как во сне. В других — новеллах-притчах — на помощь ему приходили традиционные фантастические образы сказок, легенд и религиозных преданий. Теперь он увидел, что неведомые машины и выходцы из иных миров, ставшие привычными для читателей, неплохо помогают создавать парадоксальные ситуации и конфликты, более острые, чем в реальной жизни. Именно так построен рассказ «И опустилось летающее блюдце». Космический корабль понадобился Буццати лишь для того, чтобы столкнуть заурядного приходского священника дона Пьетро с... настоящими праведниками — марсианами, которые не вкусили от древа познания и потому непричастны к первородному греху. Однако, будучи праведниками, они и не молятся, и не соблюдают обрядов, и даже не знают об искупительной миссии Христа. И дон Пьетро всей душой становится на сторону своих грешных, лживых, распутных прихожан, которые зато свято чтут религию в ее внешних формах... Да, фантаста Буццати проблема межпланетных перелетов явно интересует гораздо меньше, чем проблема духовного оскудения, морального безразличия «церкви земной». И все же, по-видимому, такая фантастика гораздо ценнее самых сногшибательных, но бездумных космических приключений и чудес роботехники.

II

Очевидно, сами итальянцы придерживаются того же мнения. Во всяком случае, Либерио Биджаретти, видный прогрессивный писатель, автор психологических новелл

и повестей, думает именно так. Ведь как раз на подобного рода «литературе» свихнулся Корсетти, герой его рассказа «Он жил не здесь». Рассказ этот имеет к научной фантастике примерно такое же отношение, как «Дон Кихот» к рыцарским романам, которыми зачитывался ламаанчский пдальго.

Правда, его духовный потомок не седлает Росипанта и не едет утверждать в неблагополучном современном мире наивные и высокие идеалы, почерпнутые в любимых книгах: любимые книги Корсетти таких идеалов просто не могут дать. Современный маленький человек, обыватель, Корсетти ищет одного — возможности уйти от своей мизерной действительности, и, как паркоман, меняющий слабое снадобье на более сильное, он переходит от исторических романов к фантастическим, которые уже окончательно задуривают ему голову. Впрочем, Корсетти достигает своего: его контакт с реальностью разрушен полностью, наркотико-фантастическое чтение сделало свое дело. Все выстраивается в рассказе одно к одному: никчемный герой, которого и героем-то назвать грешно, одурманен пикудышными книгами, и возвращает его к действительности скверный анекдот... Психологический парадокс оказывается отличным орудием борьбы с псевдонаучной псевдолитературой.

Не менее острым оружием оказывается и пародия, и этим оружием превосходно владеет Сандро Сандрелли. Сколько раз описывались гигантские, самосозидающиеся, саморазвивающиеся, всезнающие и всемогущие кибернетические устройства, и какими только чудесами не поражали они лигмеев-людей! В рассказе Сандрелли «Скверная шутка» тоже есть подобная машина, и она тоже должна поразить инспектирующих ее парламентариев... Громы и грохоты предшествуют явлению чуда. Но — «корчится в муках гора, а родится жалкий мышо-

нок», как говаривал в свое время Гораций. Впрочем, рожденный машиной крохотный робот обладает весьма злобным характером... простите, программой: он призвал избить ученого, в угоду политикам задавшего машине явно неразрешимую задачу. Воистину всемогуща роботехника!

Столь же могуч был и «гипносүфлер», изобретенный Пиком Моландером и погубивший великий город Таппи. Весь мировой драматический репертуар хранила гениальная память этого прибора, способного заставить лягушку прочесть «Быть или не быть» не хуже величайшего трагика. Но слишком многих и слишком всерьез заставлял он играть. Под аккомпанемент монологов из «Гамлета» и «Макбета», арий из «Риголетто» и «Аиды» совершаются в Таппи кровавые самоубийства и убийства, поджоги и преступления, предусмотренные всеми трагедиями, созданными на всех планетах. Шестипукий рассказчик, разглагольствующий за стойкой хорошенькой полипоидной барменши, не скупится на самые избитые эффекты. Но его напыщенное патетическое описание космических ужасов, которому позавидовал бы самый искушенный создатель фильмов à la Хичкок и межпланетных комиксов, превращается в фарс. В убийственно остроумной пародии жанр, очаровавший недалекого Корсетти, предстает во всей своей пустоте и банальности.

III

Теперь настало время раскрыть читателю тайну того «кроме», после которого в начале статьи мы поставили многоточие. Это «кроме» относится к включенным в наш сборник рассказам из новой книги Итало Кальвино «Космическомические истории».

Надеемся, это имя не ново для вас, читатель, и вы знаете превосходные новеллы и повести этого

крупнейшего мастера итальянской прозы, изданные у нас в книге «Кот и полицейский», и его увлекательный роман «Барон на дереве». Новые рассказы не похожи на эти произведения — и вместе с тем неразрывно связаны с ними.

Еще в те годы, когда Кальвино опубликовал свои первые «неореалистические» рассказы, критики отметили как своеобразную черту его дарования «сказочность». «Я не возражал, — писал по этому поводу сам Кальвино, — я понимал, что быть сказочным — большое преимущество...» И позже, вспоминая о предпринятой им обработке итальянских народных сказок, Кальвино говорил: «Из открытой мною волшебной коробки вырвалась утраченная логика, управляющая миром сказок, и опять воцарилась на земле».

Та же логика сказки — логика волшебных метаморфоз, логика одушевления любого предмета, логика свободных фантастических допущений — царит и в новой книге писателя. Но только чудесные превращения в ней происходят по законам, открытым современной наукой; вместо заколдованных царств местом действия становятся мировое пространство, формирующиеся галактики, Земля в палеозойскую эру. Кальвино делает одно допущение: а что, если бы все события космической истории, все перипетии органической эволюции пережило бы индивидуальное существо, наделенное человеческим сознанием? Какие перемены в его судьбе и жизни ощущении вызвали бы такие перевороты, как образование твердых тел или возникновение атмосферы, переселение земноводных на сушу или гибель гигантских ящеров! Так возник образ Офвфка — рассказчика и героя всех «космическо-мических историй». Офвфк в детстве катал круглые атомы водорода по кривизне мирового пространства, в юности потерял любимую женщину, оставшуюся на Луне в момент, когда та оконча-

тельно отделилась от Земли... Да мало ли сюжетов может извлечь щедрая фантазия сказочника из разнообразнейших теорий и гипотез науки наших дней!

Однако как ни богата и ни оригинальна выдумка Кальвино, она не служит для него самоцелью. У писателя есть излюбленная идея, которую он утверждает во многих своих произведениях, — идея верности человека своему «я». В наш век это очень важная и актуальная идея, характерная для прогрессивной литературы Запада и, в частности, Италии. На фоне множества героев — «конформистов», сознательно приспособливающих к подлости окружающего мира, или «отчужденных», сломленных гнетущей их и непонятной для них социальной несправедливостью, — Кальвино рисует героев, вопреки всему сохраняющих верность своей жизненной программе и своей подлинной внутренней сущности. И если мы прочитаем в оба рассказа Кальвино, включенных в этот сборник, то обнаружим в них и подобных героев, и любимую идею автора.

Правда, сам «водяной дедушка» не думает, что, отстаивая прежний, подводный образ жизни и вступая в спор со своим семейством, захваченным «веянием времени» и переселившимся из мирового океана на сушу, он сохраняет свою индивидуальность. Он просто хочет жить, как привык. Но тем не менее формула «все так делают» — не закон для него. И именно за первозданную цельность характера его полюбила красавица Лилл и предпочла его Офффку, отрекшемуся от своего водяного происхождения и желающему во что бы то ни стало походить на земных родичей невесты.

Дедушка-рыба отстаивает свое «я» в споре с другими, а вот Офффку в рассказе «Динозавры» пришлось пережить на той же почве тяжелый внутренний

конфликт. Последний из Динозавров, он попадает в стан заселивших Землю «Новых», чья память полна преданий о Динозаврах, а душа — суеверного страха перед ними. Однако настоящего Динозавра они не узнают, и Офффк мог бы благополучно жить среди них и даже соединиться с любимой, если бы только захотел навсегда скрыть от них свою истинную сущность. Однако недаром Офффк — герой Кальвино: в любой внутренней борьбе он всегда придет к одному решению: пусть он лишится спокойной жизни, любви, пусть увидит, что его сын даже не подозревает о своем динозавровом происхождении, пусть поймет, что обречен на одиночество, — все равно он не изменит себе и не будет приспосабливаться!

Наука и фантазия слиты в новых вещах Кальвино неразрывно, но совершенно по-новому. Под традиционное понятие научной фантастики «Космические истории» совершенно не подходят, и тем не менее иначе чем научно-фантастическими их не назовешь. Но — не рассказами, а сказками. И не только потому, что воображение писателя выходит в них за грани возможного или хотя бы научно допустимого, но и потому, что человеческое предстает в них не в виде конкретных тем, как это было у многих других, итальянских и не итальянских, фантастов, а в виде самых общих категорий: добра и зла, верности и измены, любви и вражды... И как раз эта обобщенность позволяет Кальвино ставить и решать такие общие вопросы человеческого существования, как, например, проблема индивидуальности. Научно-фантастическая сказка превращается в сказку философскую.

И для Кальвино-реалиста и для Кальвино-сказочника (да простит он нам это условное разделение!) во главе угла всегда стоял человек. Придя в научную фантастику, Кальвино принес в нее не только свой особый

жанр, но и свой интерес к человеку. И благодаря этому он чувствует себя, как свой среди своих, среди итальянских специалистов по межпланетным кораблям, роботам и прочей традиционной машинерии научно-фантастического рассказа. Ведь и у них главное — это гуманистический пафос их творчества, его *человечность*.

С. ОШЕРОВ

ЛУНА ДВАДЦАТИ РУК

— Дэвид Портленд, к доске! — сказал учитель Крупен, оторвавшись от классного журнала.

Дэвид зачем-то отодвинул книги и тетради и наконец вылез из-за парты.

— Ты выучил урок по астрономии?

— Конечно, господин учитель.

— Отлично. Скажи, сколько естественных спутников у планеты Сатурн?

— Десять, господин учитель.

— Хорошо. Назови их и укажи в хронологическом порядке, когда они были открыты.

— Титан, — неуверенно начал перечислять Дэвид, — Япет, Рея, Диона, Тефия, Энцелад, Мимас, Гиперион... — Тут он запнулся и, покраснев от напряжения, уставился на носки ботинок.

— Так, дальше, — подбодрил его учитель. — Недостаёт ещё двух: Феба и ?..

— Феба и Темис.

— Верно. Ну, а теперь второй вопрос. Как иначе называют Титан?

— Титан? Его называют «Луной двадцати рук».

— Объясни, почему?

— Не знаю, господин учитель.

— А должен был бы знать, Дэвид, — с упреком сказал учитель. — Я задал на сегодня прочитать отрывок из приложения к учебнику. Если бы ты его прочёл, то мог бы ответить на мой вопрос.

— Да, господин учитель, но я... не стал его читать.

— Почему же?

Дэвид Портленд заколебался, но потом вскинул глаза на учителя и выпалил:

— Потому что я не люблю астрономию.

В классе стало необычно тихо. Изумленные взгляды учеников словно были прикованы к лицу Дэвида. Учитель Крупнен снисходительно улыбнулся.

— Да, не люблю, — осмелев, повторил Дэвид. — Терпеть ее не могу. И потом... зачем она мне, эта астрономия? Космонавтом я стать не собираюсь. Я хочу быть хирургом, как и мой отец. И не на какой-нибудь планете, а здесь, на Земле.

Учитель снова улыбнулся:

— Не рано ли ты выбрал себе профессию? Вдруг передумаешь?

Дэвид немного растерялся. Под пристальным взглядом учителя он прикрыл ладонью глаза.

— Дай-ка мне твою книгу, Дэвид.

Учитель взял учебник, заглянул в оглавление, быстро перелистнул страницы.

— На, держи, — сказал он, протягивая Дэвиду раскрытую книгу. — Прочти вот здесь. Это рассказ неизвестного автора двадцать первого века. Читай повнимательнее. Я вызову тебя еще раз.

Низко опустив голову, Дэвид поплелся на место под хихиканье друзей. Он тяжело вздохнул, скорчил ехидную рожу сразу всему классу и углубился в чтение.

Знакомо ли вам, хотя бы в общих чертах, строение одноклеточного организма? Так вот, космический корабль «Ибис» походил на такой организм. Он не был смонтирован или собран по частям, его обшивку не сваривали и не стягивали болтами. Словом, он совершенно не напоминал механизм, отдельные части которого можно вынуть или заменить. Нет, корпус «Ибиса» был цельным, и, создавая его, ученые строго следовали припи-

ципам новейшей теории молекулярных сил. Внешне «Ибис» ничем не отличался от современных космических кораблей, разве только был поменьше и не столь быстроходен. Не спорю, в его конструкции имелись кое-какие дефекты, но шестьдесят лет назад, когда «Ибис» отправился в свой первый полет и проект Крузнуса и Благовича стал реальностью, все славили новое чудо техники.

«Ибис» имел электромагнитное управление. Крузнус и Благович блистательно доказали на практике, что для межпланетных путешествий космическим кораблям больше не нужно реактивное горючее. Особый ускоритель «антиграв» — генератор антигравитационного поля — позволял кораблю легко преодолевать любые пространства по гравитационным линиям, пронизывающим космос. Это было поистине гениальное открытие, настоящий переворот в технике.

Год две тысячи двадцать пятый ознаменовал собой конец атомной и начало электромагнитной эры. Но, увы, именно этот год оказался одним из самых трагических в истории человечества. Едва «Ибис» блестяще завершил третий пробный перелет Земля — Марс — Земля, как на нашей планете неожиданно для всех вспыхнула страшная эпидемия желтой чумы.

Сейчас, вероятно, лишь самые глубокие старики помнят о тех кошмарных днях. Впрочем, я в этом не уверен, ведь известно, что события, отличающиеся особой жестокостью, невольно вызывают защитную реакцию человеческого мозга, и почти всегда вступает в действие закон подсознательного оптимизма, побуждающий нас забыть все неприятное. Так или иначе, но нет ни одной книги по истории и медицине, в которой не упоминался бы тот злосчастный год. Подсчитано, что за полгода эпидемия унесла полтора миллиарда людей — почти половину всего населения Земли. И если

другой половине посчастливилось уцелеть, то этим земляне обязаны ксемедрину, который добывали на Титане, и космолету «Ибис», который с неслыханной быстротой долетел до шестого спутника Сатурна.

Полет не был опасным. До этого человек уже не ступал на поверхность спутников Сатурна. Более того, он проник на планету Уран, сумел облететь и досконально изучить всю Солнечную систему — и все это на устаревших уже теперь атомных кораблях.

Словом, «Ибису» не грозила серьезная опасность. Не было оснований бояться и каких-либо неожиданностей.

В самом деле, тридцатидневный полет протекал как нельзя лучше. Но при посадке на Титан произошла небольшая авария — был поврежден антиграв.

Только через двое суток командиру корабля Арне Лагерссону и инженеру-пилоту удалось обнаружить, что, хотя индикатор стоит на отметке «нормально», драгоценная энергия антигравитационного устройства катастрофически убывает.

— Мы подчас похожи на погонщика верблюдов в пустыне, который преспокойно идет во главе каравана и не замечает, что у него продырявлен бачок с водой, — сказал Арне Лагерссон.

В навигационный салон, где собрался командный состав корабля, вошел борт-инженер Алексей.

— Я укрепил соединительные кабели и осмотрел весь комплекс антиграва, теперь все в порядке, — доложил он и посмотрел на свои перепачканные в масло руки. — Подумать только! Двое суток мы спокойно спали и ели и даже не подозревали, что в конденсаторах утечка. Я готов сам себя высечь.

— Перестань, — сказал второй пилот Фултон. — Я все думаю, как это могло случиться?

Арне Лагерссон отошел и пристроился в углу. Он

неподвижно глядел прямо перед собой, то и дело негромко похрустывая пальцами. К нему подсел Фултон.

— Вероятность утечки энергии в антиграве примерно одна тысячная, — сказал он. — Учти также, что отказал предохранительный клапан. Мало того, не сработал и аварийный. Это уж чересчур.

Лагерссон в ответ только пожал плечами.

— Ничего не понимаю, — продолжал Фултон. — Тысяча, помноженная на миллион, дает миллиард. Слышишь, Арне? Вероятность была одна миллиардная. Повезло, нечего сказать!

— Твои расчеты неверны, — сказал Лагерссон. — Посадка была не особенно удачной, и многие клапаны вышли из строя. Что ж в этом странного? Так уж случилось, и теперь нам приходится худо. А что показывает индикатор антиграв?

— Мало утешительного. Пока шестьсот пятьдесят килограммов, ниже предельной нормы. Но если учесть, что люди и механизмы весят тысячу шестьсот килограммов, то нетрудно подсчитать. На корабле девятьсот пятьдесят килограммов лишнего груза.

Лагерссон до боли закусил губу и сокрушенно покачал головой:

— Плохи наши дела, Фултон.

— Да уж хуже некуда. — Фултон осмотрелся по сторонам, словно одним-единственным взглядом хотел окинуть все вокруг.

— Нелегко будет сбросить эти лишние девятьсот килограммов.

Лагерссон созвал всех офицеров.

Не дожидаясь особого приглашения, к ним присоединились Алексей, Ирина и доктор Паульсен.

— Прошу всех вас держать случившееся в тайне, — сказал командир корабля. — Незачем заранее тревожить экипаж.

Он поднялся на командный мостик и медленно побрел в свою рубку, чувствуя себя смертельно усталым и близким к обмороку. «Старею, — подумал он. — Скоро сорок. Многовато, многовато для такой работы».

Он закурил сигарету и взглянул в плексигласовый плюминатор.

Отсюда Титан казался безжизненной равниной, насколько мог охватить глаз скованной ледяным панцирем. Из расщелин в синеватых ледяных глыбах тонкими красными струйками вытекал ксемедрин, стелясь над самой поверхностью планеты. Лагерссон не раз бывал на Титане. Впервые он прибыл сюда в две тысячи одиннадцатом году, когда производил съемки местности, а затем вторично, ровно через десять лет, делал новые, периодические съемки. И вот теперь он попал сюда в третий и, как опасался, последний раз.

Примерно в трехстах метрах от корабля из-за ледяного холма показались космонавты. В громоздких термических скафандрах они двигались медленно, гуськом, неся на плече баллоны с ксемедрином, собранным из расщелин после долгих часов утомительнейшей работы. Лагерссон узнавал своих людей по походке. Не всех, конечно: на корабле было несколько новичков, — по каждого, с кем ему доводилось летать прежде, он, колеблясь, узнал бы и за тысячу метров.

Он в изнеможении прилег на койку.

Девятьсот килограммов! Их нужно сбросить любой ценой. Но Лагерссон не мог сосредоточиться на этой мысли. Он поймал себя на том, что думает об иррациональности мира и самой истории — право же, нелепо, если мир агонизирует из-за какой-то ничтожной, неизвестной доселе бактерии, а спасительное лекарство можно добыть только в миллионах километров от Земли! А, впрочем, возможно, в этом есть своя логика и даже счастливая закономерность. Ксемедрин! Когда много

лет назад на Титане производились первые съемки местности, кто бы мог подумать, что реденькие красные струйки газа принесут спасение человечеству? А врач из Гамбурга! Ведь это он догадался, что в борьбе с бактерией можно использовать только ксемедрин. Он случайно обнаружил это, изучая всевозможные катализаторы для получения противоязвенной сыворотки. Но была ли то случайность или же закономерность?

Лагерссон попытался представить, что произошло бы, если бы эпидемия годом раньше, когда проект Крузнуса и Благовича существовал только на бумаге. Обычному космическому кораблю на атомном горючем понадобилось бы около года, чтобы достигнуть Титана. За это время человечество успело бы вымереть. «Да будут благословенны «Ибис» и чудодейственный ксемедрин», — подумал он.

Он невесело усмехнулся: ведь самый захудалый философ с полным правом может обвинить его в голом практицизме.

Сигарета потухла, и Лагерссон погрузился в беспоконный сон. Он стремительно летел куда-то на легком облачке. Вдруг ноги его налились свинцом, он свалился вниз и его поглотила бездонная пропасть.

Его разбудило слабое стрекотанье звонка. Он вывернул свой хронометр с двумя циферблатами — для земного и «путевого» времени. «Пора обедать». Умывшись, он спустился вниз.

Обед проходил в полнейшем молчании. Доктор Паульсен не скрывал своей озабоченности, Фултон старался держаться как можно спокойнее, Ирина и Алексей время от времени обменивались загадочными взглядами. Снизу, где обедали остальные члены экипажа, доносился приглушенный гул голосов.

— Сколько сегодня собрали ксемедрина? — спросил Лагерссон.

— Двенадцать килограммов, — ответил Фултон. — Еще два выхода, и мы соберем нужные шестьдесят килограммов.

— Нужно обойтись одним выходом.

— Почему же? Все равно улететь мы сможем не раньше чем через двое суток.

— Знаю, — буркнул Лагерссон. — Но я хочу, чтобы все члены экипажа были налицо, когда потребуется начать работы по уменьшению веса корабля. Составьте список, без чего, по-вашему, можно обойтись на корабле, — обратился он к Ирине. — Укажите вес каждого предмета. Вы, Алексей, подготовьте список предметов не самой первой необходимости. А вы, доктор... Подсчитайте минимальный пищевой рацион и предельный запас кислорода. Боюсь, что нам придется потуже подтянуть ремни и напрячь легкие.

Он поднялся и направился к выходу.

— Да, чуть было не забыл, — сказал он Фултону. — Завтра, когда закончите сбор ксемедрина, потрудись изъять оружие у всех членов экипажа.

— Выверни-ка карманы, Джон.

Джон сердито фыркнул.

— Тебе говорят, выверни карманы! — Командир повысил голос.

На стол упали сигареты, зажигалка, пилка для ногтей, рожек-амулет.

— А где бумажник? — рявкнул Лагерссон.

— Вот, держите, — буркнул Джон, вытащив бумажник из заднего кармана брюк. — Командир, — хриплым, умоляющим голосом сказал он. — Тут только фотографии жены. Они и ста граммов не весят.

— Молчать! — приказал Лагерссон. — Клади все. И часы тоже.

Джон сгреб все свое добро в кучку и уныло поплелся на место. На столе уже высилась груда всевозможных вещей, при виде которых сердце старьевщика забилося бы от радости: тут были вечные ручки, булавки для галстука, записные книжки, цепочки, цветные карандаши.

— Следующий.

К столу подошел человек лет сорока с всклокоченными рыжими волосами. Это был повичок.

— Клифт Ивенс, командир, — доложил он.

— Выверни карманы, Клифт.

— Уже сделано, командир, — сказал Клифт и показал вывернутые карманы брюк.

— Отлично.

Клифт хотел было отойти, но Лагерссон вернул его.

— Сними кольцо, Клифт.

— Я уже пробовал, командир. Ничего не выходит.

— Смажь мылом. И если и тогда не поможет, придется тебе расстаться с пальцем.

Экипаж в полном составе собрался в навигационном салоне. Все стояли лицом к стенке корабля.

— Выбросите-ка все это, и побыстрее, — приказал Лагерссон, едва закончился осмотр.

Четверо людей подняли брезент с собранными вещами и направились в шлюзовую камеру. Пять минут пролетели в напряженном, угрюмом молчании. Наконец зажегся зеленый глазок, затем красный и снова зеленый.

— Что показывает индикатор?

— Двести пять килограммов лишку, командир.

Арне Лагерссон растерянно провел по лицу рукой. Выброшены все столы, диваны, кухонные инфраплиты, предохранительные ремни, посуда. Они лишились всего, что создает определенный комфорт, освободились от

того, что не является предметом крайней необходимости. Чем же еще можно поступить?

— Фултон! — сказал командир. — Сколько осталось аварийных скафандров?

— Пять.

— Три выбросите. Доктор Паульсен, пойдемте со мной. Нам нужно обсудить вопрос о рационе.

Едва доктор и командир корабля поднялись наверх, космонавты, взволнованные и обеспокоенные случившимся, разбрелись по залу. Одни уселись прямо на пол и, сжав голову руками, застыли неподвижно с закрытыми глазами; другие, стараясь не думать о трагической перспективе, пытались шутить и смеяться.

Боба Арджиптая, девяностокilограммового верзилу и здоровяка, окружала небольшая группа людей.

— И что это за штука — сила тяжести? — деланно-наивным тоном спросил Боб.

— Сразу видно, что ты осел. Сейчас я тебе объясню, дуралей. — Его приятель Джо, стоявший рядом, засучил рукава. — Представь себе, что ты сидишь у себя в небоскребе, на сорок первом этаже. Так вот, я беру тебя за шкурку и выпихиваю в окно. А потом вдруг отпускаю. Ну как, сообразил? Что тогда произойдет, а?

— Это ты зря, Джо, — сказал кто-то. — Ровным счетом ничего не произойдет. Боб из духа противоречия возьмет да назло тебе не упадет.

Кто-то засмеялся, кто-то в сердцах пожал плечами, а те, кому надоело слушать плоские остроты, отошли.

— Кроме смеха, друзья, — сказал Боб. — Я и в самом деле этого не понимаю. Нечего строить из себя всезнаек — ведь вам известно ровно столько, сколько мне. Индикатор показывает, что у нас двести пять килограммов лишних. Так неужели, черт побери, из-за каких-то жалких двухсот килограммов мы должны торчать на этом Титане? Попробуй тут разберись.

— Ну, разве ты не осел? — воскликнул Джо. — Так и быть, попробую объяснить тебе понагляднее. Вообрази, что у тебя имеются весы с чашами. На одной чаше сидишь ты, а на другой лежит груз весом девяносто килограммов. Что произойдет, если ты тоже весишь девяносто килограммов?

— Умней ничего не придумал?! — воскликнул Боб. — Ясное дело, весы останутся в равновесии.

— Вот именно, — согласился Джо. — Чаша весов не спустится и не поднимется. Но если ты вынешь из кармана пиджака ручку и выкинешь ее, то чаша с грузом опустится, а тебя слегка подымет. Понял?

— Болван! — воскликнул Боб. — Как действуют весы я с пеленок знаю.

— Но антиграв работает на том же принципе, — сказал Джо. — Разницы никакой.

— Тише вы, Фултон идет.

Фултон подошел к группе космонавтов.

— Вот что, ребята, — дружелюбно сказал он. — Придется нам выбросить всю лишнюю одежду.

Боб Арджитай захохотал.

— Превосходно! — с наигранным энтузиазмом воскликнул он. — Командир, видно, решил отправить нас домой в одних трусиках...

— Довольно зубоскалить, — прервал его Фултон. — Снимайте-ка ботинки, рубашки, белье.

— Приказ распространяется на всех без исключения? — спросил Боб.

Фултон кивнул.

— И к девушке наверху он тоже относится?

— Разумеется.

— Отлично, отлично! — Боб Арджитай стал радостно потирать руки. — Надеюсь, инженер Алексей Платов не рассердится, если его невеста разок-другой спустится сюда, к нам.

— Кретин! — разозлился Фултон.

Все засмеялись.

— Это я так, пошутил, — оправдывался Боб, — чтобы ребят приободрить.

Фултон растерянно посмотрел на него, потом сжал его локоть и легонько хлопнул по плечу, повернулся п, чекая шаг, пошел к двери.

До отлета оставалось восемнадцать часов. Лагерссон, Фултон, доктор Паульсен, Алексей и Ирина собрались наверху, в главном салоне.

— Так вот, — сказал командир. — Учтите, что ксесмедрин трогать нельзя. Мне приказано добыть шестьдесят килограммов, и я привезу ровно шестьдесят килограммов, ни граммом меньше.

Все согласно кивнули.

— Ничего не поделаешь, — вздохнул врач. — Сейчас на индикаторе антиграва лишних шестьдесят четыре килограмма. В нашем распоряжении восемнадцать часов, чтобы отыскать лишние килограммы и...

— Нам их никогда не отыскать, — сказал Алексей. — На корабле нет больше ничего лишнего.

Лагерссон пристально поглядел на друзей, а те в свою очередь смотрели на него так, словно решение проблемы зависело только от него одного.

Снизу слышался глухой ропот космонавтов, никто больше не смеялся. Недовольство нарастало с каждой секундой.

— Чего вы от меня ждете? — со злостью спросил Лагерссон. — Конечно, проще всего собрать всех и сказать: «Друзья, один из нас лишний. Давайте кинем жребий, и тот, кому не повезет, должен умереть. В одиночестве, как брошенная собака».

Четверо офицеров не отрывали от него взгляда, и в их глазах читались растерянность и пемой упрек.

— А кое-кто из вас считает, что я должен добровольно покинуть «Ибис», не так ли? Еще бы, ведь я командую кораблем, а командир обязан показывать пример!

— Никто этого не говорит, — отозвался Фултон.

— Смешно — обычно в случае опасности капитан покидает корабль последним. А я, по-вашему, должен покинуть его первым. — И Лагерссон неестественно рассмеялся.

— Послушай, Арне, во время посадки индикатор антигравы был заблокирован. Может быть, он просто испорчен? — сказал Фултон.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Он показывает шестьдесят четыре килограмма лишнего веса, но, возможно, это ошибка. Почему бы нам не попытаться взлететь?

Лагерссон на секунду задумался.

— Согласен, — сказал он. — Попробуй.

Двадцать минут спустя Алексей нажал кнопку, корпус космического корабля вздрогнул и завибрировал. Лагерссон не отрывал взгляда от альтиметра. Пятнадцать секунд пролетели в напряженном ожидании.

— Нуль! — в ярости крикнул Лагерссон. — Мы не поднялись ни на сантиметр!

Все снова собрались в центре салона. Командир обратился к Паульсену:

— Ну, а что вы предлагаете, доктор?

— Э, нам остается только сесть на жесточайшую диету. Через три-четыре дня мы изрядно похудеем и сумеем взлететь.

— Невозможно.

— Не вижу другого выхода, командир. Либо полетим без ксемедрина, либо подождем, пока парод не похудеет.

— Доктор, вы забываете, что курс и время полета были рассчитаны заранее. Если мы отложим полет на несколько дней, то наткнемся в пути на облако В-36, а это — верная гибель. Значит, лететь надо либо через восемнадцать часов, либо через двадцать дней, когда нам уже не будет угрожать встреча со смертоносным облаком.

— А разве нельзя отклониться от курса?

— Нет, тогда нужно подняться по нормали к орбите планеты, а это связано со значительной потерей скорости. Мы прилетим на двадцать дней позже срока, не говоря уж о дополнительном риске. А вы представляете себе, что значит опоздать на двадцать дней?

— Знаю! — крикнул врач. — На Земле каждый час умирает в среднем тридцать тысяч человек. Вы это уже неоднократно повторяли. Но что я могу сделать? Разве моя вина, что вспыхнула эпидемия?

— Замолчите!

— И не подумаю! Вы сами интересовались моим мнением.

Лагерссон повернулся к нему спиной. Опустив голову, он расхаживал по кругу вдоль стенки корабля, то и дело в ярости ударяя рукой по обшивке.

— Хорошо, попробуем сократить дневной рацион вдвое, — сказал он.

— Ничего не получится, Арне, — спокойно заметил Фултон. — Ты уже дважды снижал норму, да к тому же у нас осталось всего несколько килограммов концентрата.

— Значит, надо вылить шестьдесят четыре литра воды!

— Арне, — в голосе Фултона послышались мрачные ноты. — Посмотри, сколько у нас осталось воды. Нам и так приходится беречь каждую каплю. Еще раз

урезать запас воды и кислорода — значит, обречь полет на верную неудачу.

— Ума не приложу, что делать, — пробормотал Лагерссон. Он в отчаянии поглядел вокруг. — Неужели на корабле ничего больше нельзя убрать?

В командирской рубке были сняты все нульты, часть рубильников была заменена пробками. Все приборы, не вмонтированные в корпус, были выброшены.

— Проклятый корабль! — крикнул Лагерссон. — Цельпокроеное чудище! Ничего нельзя демонтировать, подточить, вырезать. Будь ты проклят!

Он, словно зверь в клетке, заметался по салону, потом вдруг замер и бессильно прислонился к стене.

Его взгляд упал на Ирину, на ее густые длинные волосы. Он представил себе, как острые пожницы срезают тонкие пряди, одну за другой... Нет, это не выход из положения. Даже если обрить всех наголо, больше двухсот-трехсот граммов не наберется. Но туманная мысль о пожницах вызвала у Лагерссона страшную, по заманчивую картину... В голове звучали жестокие слова: «Смажь мылом. Если и тогда не поможет, придется расстаться с пальцем».

— Доктор, — обратился он к Паульсену.

— Слушаю, командир.

— Доктор... — Лагерссон умолк в нерешительности и дрожащей рукой потер подбородок. — Доктор, сколько весит человеческая рука?

Паульсен вздрогнул.

— По-разному, — негромко сказал он. — В среднем три-четыре килограмма.

Лагерссон не сумел сдержать довольной ухмылки.

— Боюсь, что вам понадобится ваше содействие, доктор.

Паульсен бросил на остальных умоляющий взгляд, словно взывая о помощи.

— Вы в состоянии сделать двадцать ампутаций?

Доктор гневно пожал плечами.

— Я спрашиваю, вы можете это сделать?

— Разумеется, могу, но в такой ситуации я никогда этого не сделаю!

— А я говорю — сделаете! — рывкнул Лагерссон. Он выхватил лучевой пистолет и навел его на Паульсена. Тот невольно отступил назад.

— Вы не имеете права меня принуждать! Повторяю, я никогда на это не пойду!

— Послушайте, Паульсен, — умоляюще сказал Лагерссон, — я нашел последние шестьдесят четыре килограмма. Ваша задача — убрать их с корабля. Если вы откажетесь, я вынужден буду прибегнуть к силе.

— Господи, кто вы — чудовище или авантюрист, ищущий дешевой славы? — воскликнул Паульсен. — Вы что думаете, вам по возвращении памятник поставят? Да за такие художества вас судить будут...

— Ну, хватит! — прервал его Лагерссон. Фултон, Алексей и Ирина направились было к нему.

— Ни с места! — крикнул Лагерссон.

— Вы слышите? — сказал Паульсен. — Он сошел с ума, он хочет отрезать руку каждому из вас!

Ирина побледнела и невольно прижалась к Алексею. Лагерссон снова вскинул лучевой пистолет.

— Послушайте, люди, — усталым голосом произнес он. — Послушайте меня, друзья... не знаю уж как вас называть... Возможно, я и в самом деле немного не в себе. А, возможно, доктор прав, и я действительно ищу славы либо... крупных неприятностей. Но все это пустые разговоры, и мы только зря теряем драгоценное время. Поймите, «Ибису» опасность не грозит. Вашей жизни тоже. Если бы речь шла только об опоздании на двадцать дней, проблема решалась бы очень просто: немного гимнастики, чуть меньше калорий, и мы преспо-

койно взлетели бы с этого проклятого Титана. Но вы же знаете, что сейчас любое промедление смерти подобно — на карту поставлена жизнь миллионов людей. Я знаю, от вас требуется беспримерное самопожертвование. Вы можете настаивать, чтобы я пожертвовал собой. Но это несправедливо. Почему именно я, а не кто-либо другой? — Он помолчал. — Даю вам полчаса на размышление; я изрядно поломал голову, теперь ваша очередь. Если вы не хотите жертвовать рукой, найдите способ убрать лишние шестьдесят четыре килограмма. Но коль скоро иного выхода не будет, придется делать ампутацию.

Он отер с лица холодный пот и бессильно опустился на пол. Веки отяжелели и слипались, перед глазами расплывался туман. «У меня жар», — подумал он.

Фултон прислонился к стойке индикатора и застыл как изваяние. Паульсен нервно ходил из угла в угол, бормоча что-то себе под нос. Ирина и Алексей стояли молча, тесно прижавшись друг к другу.

— Я знаю, о чем вы сейчас думаете, — сказал Лагерссон. — Надеетесь, что кто-нибудь из членов экипажа не выдержит, в ярости бросится на меня, и я его пристрелю. Тогда все трудности разрешатся сами собой, не правда ли? Но кто же захочет таскать для нас каштаны из огня? Нет, дорогие друзья, на этот раз каждому из нас придется делать это самому.

Лагерссон все говорил, говорил... Его лихорадочная, бессвязная речь то сбивалась на проклятия, то перемежалась горькими сетованиями.

— Фултон! — слабо позвал он. — Ты способен добровольно умереть один как перст на этом чертовом Титане?

Второй пилот нахмурился и ничего не ответил.

— Так как же, Фултон? — не унимался Лагерссон.

— Не знаю, Арне. Возможно, и нет.

— Тогда почему же вы смотрите на меня с таким укором? Ведь мы не пчелы и не муравьи. И даже не насекомые. Мы, что куда хуже, жалкие, трусливые люди.

Перед глазами у него вставали страшные видения: переполненные больницы, больные лежат в коридорах и даже во дворах. А по улицам в бессильной ярости, проклиная собственную беспомощность, мечутся врачи. По дорогам мчатся составы, груженные мертвецами. Из печей крематория доносится запах дыма... Все человечество постепенно превращается в облако пепла.

Лагерссон посмотрел на хронометр.

— Итак, — сказал он, — ваше время истекло.

И сразу всех придавила гнетущая тишина, каждый мысленно погрузился на самое дно отчаянья и ощутил дрожь ужаса.

— Хорошо, — разорвал тишину доктор Паульсен. — Мы достаточно долго оскорбляли друг друга. Пора приниматься за дело.

Ему нужны бинты, сказал он, много бинтов и медикаментов, которые уже успели выбросить за борт. И еще он нуждается в помощнике. Немедля вызвали Джо, который когда-то учился на медицинском факультете.

Джо явился вместе с неразлучным Бобом Арджитам.

— Джо, вы умеете делать укол в вену?

— Приходилось, доктор.

— Надень скафандр, Боб, — приказал Лагерссон. — Возле корабля в куче всяких прочих вещей валяются две-три коробки с бинтами. Найди их. Спроси у доктора, что еще ему нужно.

Боб в полнейшей растерянности уставился на командира. Ему стало страшно, страшно, что едва он покинет корабль, дверца захлопнется и его бросят одного в ледяной пустыне.

Лагерссон, видимо, понял его состояние. Он уже было собрался повторить свой приказ, но его прервал Фултон.

— Я пойду, — сказал он.

Лицо Лагерссона просветлело.

— Значит, ты со мной согласен, Фултон?

— Как всегда, Арне.

Командир облегченно вздохнул. Он почувствовал, как мысли его прояснились, кровь быстрее потекла по венам и он вновь обрел привычную бодрость. Продолжая расхаживать по салону, он энергично отдавал распоряжения и следил за их исполнением.

Когда Фултон вернулся с биитами, Лагерссон приказал всем собраться в навигационном салоне. Речь его была предельно краткой. Люди слушали в полнейшем молчании, утратив дар речи от изумления. И вдруг Клифт Ивене заплакал. Взрослый мужчина плакал, хлюпая носом, как мальчишка, которого наказали ни за что ни про что.

— Но почему, — вскричал он, — почему нельзя выбросить ксемердин? Выбросим его ко всем чертям или подождем двадцать дней!

— У тебя есть жена, Клифт?

Клифт кивнул головой.

— А дети?

— Двое, командир.

— Тогда попробуй меня понять, Клифт. Мы покинули Землю больше месяца назад. А вдруг за это время твоя жена и детишки тоже заболели?

Клифт вытер рукавом нос и поднял голову. Но кое-кто смотрел на командира мрачно и зло, грозно сжав кулаки и словно ожидая лишь сигнала, чтобы броситься на него. Это не укрылось от внимания Лагерссона. Он вскинул лучевой пистолет и навел его на стену. Посте-

пейно лица людей прояснились, гневные огоньки в глазах погасли.

— Первым буду я, — сказал Лагерссон, — последним — Фултон. Это не потому, что я вам не доверяю... Хотя, впрочем... Словом, я хочу избежать возможных беспорядков. Вероятно, сразу после операции... мне будет довольно скверно. На это время командование примет Фултон. Прежде чем подойдет его черед, я уже буду на ногах. Остальные восемнадцать человек бросят жребий, в какой очередности им будет сделана операция. И последнее. Возможно, кораблю удастся взлететь до того, как будет закончена последняя, двадцатая операция. Так вот, я хочу, чтобы вы ясно поняли — на это рассчитывать нечего. Уж если нам суждено потерять руку, то через это пройдут все, за исключением, понятно, доктора. И только когда двадцать рук будут выброшены за борт, я нажму кнопку. Так что хныкать бесполезно. После этого я выброшу и пистолет. Вот и все.

Алексей и Ирина стояли поодаль, крепко держась за руки. Лагерссон подошел к ним.

— Поверьте, мне очень жаль, Ирина. Ведь вы и Алексей... — Он умолк.

Алексей ничего не ответил. Ирина тоже молчала. Они смотрели на командира грустно, но спокойно.

Лагерссон пошел дальше, вглядываясь в лица космонавтов.

— Доктор, — сказал он дрогнувшим голосом. — Я готов. Можете начинать.

— Дэвид, — позвал учитель. — Ты кончил?

Дэвид встал, взял книгу и направился к доске, заложив пальцем открытую страницу. Глаза его блестели, а щеки стали пунцовыми.

— Теперь ты понял, почему Титан называют также «Луной двадцати рук»?

— Да, господин учитель.

— Так вот, Дэвид... После рейса «Ибиса» прошло четыре столетия. С тех пор каждый космонавт считает для себя высочайшей честью, если после многих лет подвижнического труда и самопожертвования его награждают орденом «Пурпурной руки». Тебе это понятно?

— Конечно, господин учитель... А что... что стало с доктором Паульсеном?

— А, с доктором «Ибиса», — вздохнул учитель. — Он тоже был удостоен множества наград и высоких почестей. Ну, а потом... По одним источникам, вскоре после этого он погиб в автомобильной катастрофе, другие же утверждают, будто он покончил жизнь самоубийством.

— Самоубийством?! Но почему?

— Не знаю, дружок. Возможно, потому, что только ему никто не мог тогда ампутировать руку...

Дэвид потупился. Учитель стал рассказывать о беспредельности и красоте космоса, о незнакомых мирах, где не ведают земных горестей, мирах, бесконечно далеких и необозримых...

Дэвид сел на место, а учитель продолжал урок. Его слегка гнусавый голос разпосился по классу. Ученики сидели молча и как зачарованные ловили каждое слово учителя.

И только Дэвид был погружен в свои мысли. Завтра он как следует выучит задание. И больше не будет болтать и отвлекаться на уроках астрономии. Но сегодня он не в состоянии слушать учителя. Он думает о том, что отец, верно, сильно огорчится. Но он не хочет больше быть хирургом: земной шар для него теперь слишком мал. Он подымает глаза, и взгляд его приковывают висящие на стене звездные карты. Постепенно очертания окружающих предметов исчезают, и Дэвид остается один, зачарованный волшебным мерцанием далеких светил.

АБСОЛЮТНАЯ ТЕХНОКРАТИЯ

15 марта 2378 года Стив Гилмор получил с вечерней почтой желтый квадратный конверт. На конверте стоял штамп Политехнического Экзаменационного Центра. Стив мгновенно сообразил, о чем идет речь.

Две-три минуты он перекладывал конверт из одной руки в другую, словно прикидывал его на вес. Более двух недель он с нетерпением ждал этого письма, и вот, когда долгожданный момент наступил, у него не хватало решимости вскрыть конверт.

— А если меня провалили? — прошептал Стив и заметил, что руки у него дрожат. Он нервно стал искать сигареты и, выбрав самую мягкую, снял капсулу с ее кончика. Считанные секунды, которые потребовались для того, чтобы зажечь сигарету, показались ему вечностью.

Стив сделал несколько глубоких затяжек, потом потянул шелковый шнурочек, служивший для вскрытия конверта, и прочел:

Стиву Гилмору

№ 7549 Нью-Йорк 15-224

Содержание: конкурс 5/612, согласно решению от 4 января 2378 года

Настоящим имеем честь уведомить Вас, что на экзамене по физике и общему развитию, который Вы держали при нашем Диагностическом Центре, Вы получили удовлетворительную оценку.

Поэтому Вы допущены к письменным испытаниям, кои будут иметь место 20 сего месяца (ровно в 9 часов) в Центральном корпусе — этаж 144, аудитория 13.

Политехнический Экзаменационный Центр

Восторженный протяжный крик вырвался у Стива. Услышав радостный вопль мужа, Мэрилин бросилась в комнату.

— Стив! Ты что, с ума сошел?

— Да, сокровище мое, сошел! — Он размахивал коп-вертом, как драгоценным трофеем, потом подбросил его в воздух и обнял жену.

— Да ты совсем онадел, Стив! Скажи на милость, что случилось?

— О-ля-ля-ля! — иступленно кричал Стив, не в силах сдержать своей радости. — Пришел ответ из ПЭЦ. Я допущен к экзаменам.

Мэрилин сначала залилась слезами, потом стала смеяться. Вдруг лицо ее омрачилось.

— Но ведь у тебя будут еще письменные испытания, — сказала она. — Стив, мне страшно...

— Э, ерунда! Попомни мое слово, вопросы будут пустяковые. Во всяком случае, ты знаешь, что я в последнее время очень усердно занимался.

— Да, конечно, — мигом согласилась Мэрилин и крепче прижалась к груди мужа. — Стив, вот уже три месяца, как мы сиднем сидим дома. Хочешь доставить мне большую-пребольшую радость? Поведи меня куда-нибудь поужинать сегодня вечером.

— Куда-нибудь?

— Ну, да. Хоть вместе побудем. Ужасно хочется развлечься. И потом есть о чем поговорить: о новом доме, о нашем ребенке, о будущем...

— Согласен, но...

— Что еще?

— Да так, ничего особенного. Надо бы просмотреть кое-какие конспекты. Экзамен назначен на двадцатое, некоторые разделы программы мне еще не совсем ясны и...

— Завтра, дорогой. У тебя уйма времени вперед. На сегодняшний вечер я тебя ангажирую. С полным правом.

— Ладно, но... А Робби? Последние дни он спокойно спит. Нехорошо оставлять его одного.

— За ним присмотрит госпожа Гарланд. Вот увидишь, она не откажет мне в этой любезности.

Мэрилин провела рукой по волосам мужа и легким быстрым движением растрепала их.

— Пойду-ка я переоденусь, — сказала она.

Физику Стив знал досконально. Эту науку он всегда любил. У него были превосходные преподаватели, и ему посчастливилось изучать предмет по толковым учебникам. Да и с общей математикой он отлично справлялся. Теория вероятностей была его коньком. Вот в неевклидовой геометрии, астронавигации и топологии он немного хромал. Пожалуй, на электронике и теории относительности он может сбиться, но, авось, судьба выведет и он их тоже одолеет.

Голова у него раскалывалась. Постель, казалось, была утыкана гвоздями. Он чувствовал мириады укулов в руках, ногах, шее. Даже дыхание спящей Мэрилин сейчас раздражало его. Он спустил ноги, приподнялся, сел.

— Стив, — взмолилась жена. — Что с тобой? Почему ты не спишь?

Он тяжело вздохнул.

— Куда там! Бесполезно. Кстати, уже светает. Пора вставать.

Тицетно старалась Мэрилин убедить Стива поспать еще немного.

— Тогда я тоже встану, — сказала она. — Сварю тебе кофе.

Последние часы перед уходом Стив, как лев в клетке, метался по комнате. Он то останавливался возле стола, то садился в кресло и начинал лихорадочно листать книги. Полная путаница! Ничего-то он не помнит. Физика, алгебра, геометрия... Все перемешалось! Он провел пальцем по верхней губе и внезапно поднялся с места. Взад и вперед, взад и вперед, спотыкаясь, медленными тяжелыми шагами он принялся ходить по комнате.

Более чем за час до срока он был уже тщательно одет. Мэрилин приготовила завтрак: яйца, ветчину и вдобавок черный кофе. Но Стив чувствовал в горле какой-то комок, сухой, противный, словно там застряло чужеродное тело.

Он с трудом заставил себя отхлебнуть немного кофе. Мэрилин пристально, с укоризной поглядела на него.

— Проглочу попозже чего-нибудь, — будто оправдываясь сказал он. — Бар там открыт круглые сутки.

Он направился в спальню. Жена поспешила за ним. Кроватка Робби стояла в углу. Он откинул тонкий полог из органди и долго глядел на ребенка. Робби безмятежно спал. Стив потрогал носик малыша.

— Я пошел, — сказал он.

Мэрилин схватила его за руку.

— Еще рано, Стив. Подожди.

— Пройдусь немного пешком. Извини, Мэрилин, но мне не хотелось бы задерживаться.

— Хорошо, Стив, как хочешь. Сейчас вызову лифт.

На лестничной площадке он обнял Мэрилин и, крепко-крепко сжимая ее в своих объятиях, без конца повторял:

— Все будет хорошо, вот увидишь, все будет хорошо.

Потом вошел в лифт и нажал кнопку. Мэрилин безмолвно стояла на пороге и, слегка подняв руку, послала ему прощальный привет.

Стиву казалось, что в это утро улица была оживленней обычного. Вереницы людей! Вдоль главной магистрали на различном уровне четыре потока элибусов перевозили многотонные массы страждущего человечества. Пластиковые двери в универсальных магазинах были распахнуты настежь. Внутри толпы людей сновали между прилавками, собирались у эскалаторов, переносивших их на верхние этажи.

Стив медленно шел по неподвижному тротуару. В двух метрах налево от него бегущая дорожка была переполнена до отказа. Суровые бесстрастные лица; люди высокомерно проплывали мимо, замкнувшись в непроницаемую броню собственных мыслей.

Стив поглядел на часы. До девяти оставалось еще двадцать минут. Если идти пешком, наверняка опоздаешь.

Он вскочил на движущуюся дорожку, сошел на углу и поднялся на вторую элибусную платформу. Через тридцать секунд подкатила машина. На ней гроздьями висели люди. Стив с трудом влез, торопливо протолкался вперед и, немилосердно работая локтями, отвоевал себе место рядом с водителем.

Какой-то высокий седовласый мужчина поминутно тыкал его в бок портфелем из синтетической кожи. Стив негодуя поглядел на него. И неожиданно в нем заговорило острое чувство зависти. Он перевел взгляд на водителя, всецело поглощенного своей работой. Всем завидовал он, всем, кто сейчас теснился вокруг него. Эти люди, видимо, довольны своей судьбой. У них нет ни забот, ни хлопот. А он! Какне только фантазии не роятся у него в голове! Он отлично понимал, что вы-

держат экзамен у него всего лишь один шанс из десяти. Скорей бы вернуться домой, покориться своей участи и раз навсегда выкинуть из головы всяческие иллюзии.

Но тут ему вспомнились Мэрилин, Робби... Он стиснул зубы и продолжал свой путь.

В большом холле Центрального корпуса Стив столкнулся с Билли Вудродом.

— Привет, Стив.

— Привет.

— Видно, ночь без сна, а?

— Само собой, глаз не сомкнул.

— И я тоже.

Они вошли в лифт.

— Сколько же нас? — спросил Стив.

— Около трех тысяч.

— Гм... А мест всего сорок пять. Вот увидишь, я... всех и вся разнесу.

Билл Вудрод, казалось, пропустил мимо ушей последние слова Стива.

— Скажи, пожалуйста, ты хорошо подготовился?

— Не очень. Знаешь, голова какая-то пустая. Мне кажется, я все позабыл, даже самые простые вещи.

— Все нервы, — заметил Билл. — Не волнуйся, старина, ты отлично сдашь экзамены.

— А ты? Ты занимался?

— Немножко. Надеюсь не провалиться.

Стив в ответ что-то промычал. Билл высморкался и больше не проронил ни слова. Оба молчали до той минуты, пока лифт с легким скрипом остановился и автоматически открылась дверца из светонепроницаемого стекла.

— Желаю удачи, Стив.

— И тебе тоже.

Билл пошел направо, Стив — налево. Прежде чем войти в главную аудиторию, надо было выполнить у окошек некоторые формальности: представить документы, удостоверить свою личность, пройти жеребьевку на место в аудитории.

Стив стал в очередь у окошка с буквой Г и увидел Билли у другого окна с буквой В.

Стив закурил сигарету. Пальцы его нервно барабанили по медной обшивке колонны. Его поташпивало. Скорей бы, скорей. Глубокое уныние овладело им.

У входа в аудиторию по жеребьевке ему достался стол под номером 209. Служитель провел его на место.

Стол номер 209 стоял в глубине, неподалеку от одного из боковых пилястров. Ничего не скажешь, место неплохое. Но ведь у Стива не было с собой ни учебников, ни шпаргалок, куда можно заглянуть в нужный момент. К тому же он отлично знал, что ни списывать, ни переговариваться со своими коллегами не положено. И все же задние ряды были предпочтительнее, хотя бы с психологической точки зрения.

Стив сел. Несколько минут он осматривался, внимательно изучая лица своих соперников. Направо от него лежала стопка билетов. Он твердо усвоил правило: к билетам строго-настрого запрещено прикасаться до тех пор, пока не прозвучит звонок. Внимание Стива привлекла узкая щель на краю стола. Через эту щель Стив должен был опустить в ящик под крышкой стола работу, на которую отводилось не более получаса. От спинки привинченного к полу стула тянулся изогнутый стержень с миниатюрной телекамерой и микрофоном. В дальней уединенной комнате Политехнического Экзамениционного Центра невидимые наблюдатели будут следить за каждым его движением, прислушиваться к каждому его слову. Может, они уже сейчас подглядывают за ним. Стив поправил воротничок рубашки.

Стараясь сохранить самообладание, он закурил сигарету. На пустой желудок дым казался горьковатым, вызывал отвращение. Он пошемотрел на электрические часы, встроенные в стол, и проверил по ним свои. Потом стал терпеливо дожидаться, пока все сонскатели рассядутся по местам.

Из динамика в центре потолка раздался голос, прозвучавший на всю аудиторию. Обычные поучения: сдать все книги и заметки, не общаться с другими экзаменующимися, по истечении положенного срока опустить выполненное задание в ящик.

Входная дверь захлопнулась со зловещим скрипом. Прозвучал звонок.

Стив взял первый билет.

Вопрос. «Небольшая стеклянная трубка упала на землю и разбилась на три осколка. Вычислить вероятность, что из этих осколков можно будет построить треугольник».

Стив улыбнулся. Теория вероятностей — его конек. Он рьяно принялся за работу и путем алгебраических вычислений быстро нашел ответ. Поглядел на часы. В его распоряжении еще двенадцать минут. Может быть, удастся найти и геометрическое решение. Он на-чертил равносторонний треугольник и с помощью известной теоремы, пустив в ход ряд блестящих построений, решил задачу. Результаты обоих способов совпали. Вероятность составляла 0,25.

Он опустил решение в ящик и стал ждать. Оставалось еще четыре минуты. Можно немного успокоиться.

Снова зазвенел звонок. Стив взял второй билет и ему стало не по себе: требовалось вычислить орбиту вокруг Юпитера для звездолета, прилетающего с Марса (следовали данные).

Стив растерялся. Он не знал с чего начать. Пытался применять некоторые формулы, но не был уверен в их правильности. Он отлично понимал, что идет ошибочным путем. Месяц назад ему попалась аналогичная задача, тогда он удачно применил простейшую формулу. Теперь он ее начисто позабыл. Холодный пот выступил у него на лбу и щеках. О списывании не могло быть и речи, да и вопросы у каждого испытуемого разные. Он поглядел направо. Перед ним в четыре ряда маячили головы. Вот и Билл Вудрод. Склонившись над столом, он усердно писал. Везет же этому олуху!

Стив снова отчаянно напряг память. Эта проклятая формула совсем выскочила из головы. Полчаса прошли в бесплодных усилиях. Когда прозвучал звонок, Стив опустил в щель работу с бесчисленными исправлениями и пометками.

Третий билет был удивительно прост, и Стив воспрянул духом. Речь шла о применении теоремы Стокса для взятия интеграла от векторной функции по замкнутому контуру. Что и говорить, задача несложная, удивительно ясная, в некотором отношении даже блестящая благодаря изяществу формулировки.

При виде четвертого билета он почувствовал раздражение.

«Допустим, что для пассажира элилайнера теоретическая вероятность несчастного случая равна 0,001. Браун потерпел аварию, его взял на борт Смит, чтобы доставить в больницу. Определить вероятность новой аварии во время полета (экзаменующийся должен помнить, что на одном и том же корабле вероятность несчастного случая для обоих пассажиров различна: для Смита она составляет 0,001, для Брауна — две аварии в один день — $0,001 \times 0,001 = 0,000001$)».

Право же, эти умники из Центра совсем спятили. Бывают ли более идиотские вопросы? Стив вниматель-

но перечитал билет. Глухая ярость закипела в нем. «Свиньи!» — пробормотал он и тут же прикрыл рот рукой, словно хотел поймать неосторожно вырвавшееся слово. А может, его не слышали, может, микрофон не так уж чувствителен? «Свиньи, — снова подумал он, — разжиревшие свиньи!» Несомненно, этот вопрос — самая настоящая ловушка. Другой завяз бы в ней по уши, но не он, Стив Гилмор! В этом разделе математики он чувствует себя как рыба в воде. Стив взял перо и без колебания написал: «Вопрос порочен по форме и по существу. Оба пассажира подвергаются одинаковой опасности, ибо вопреки условию задачи вероятность того, что Браун вторично попадет в аварию, все еще остается равной 0,001, поскольку первое событие уже произошло».

О, за такой ответ ему наверняка присудят лишних пятьдесят баллов! Он опустил работу в ящик и, довольный, потер руки. В общем экзамен принимает весьма благоприятный для него оборот. Теперь в его распоряжении почти двадцать минут, можно и передохнуть немного.

Бесстрастный голос из динамика заставил Стива подскочить.

— Кандидат 176, выйдите из аудитории!

Послышалось взволнованное перешептывание. Из-за стола под номером 176 поднялся смертельно бледный человек. Его лицо было искажено судорогой. Он огляделся вокруг, словно бросая вызов устремленным на него глазам, и пытался даже изобразить на лице некое подобие улыбки, все еще не решаясь отойти от стола.

— Кандидат 176! — повторил голос из динамика. — Вы нарушили пункт 19 Устава. Пропу вас удалиться!

Одним меньше, отметил про себя Стив. Но о чем же думал этот оболтус? Хорош гусь! Вытащил шпаргалку

и полагал, что этого никто не заметит. Уж, конечно, он старался выжать из себя все, что мог, и вот не повезло.

Низко опустив голову, изгнанный соискатель удалился из аудитории.

Стив предался размышлениям о технократии. Конечно, испытания, которым их подвергали, были бесчеловечны, но, может быть, такая мера в чем-то и разумна. Скорее всего, именно так и надо, чтобы основу общества составляли люди, достоинства и пригодность которых проверялись бы самыми жесткими и испытанными средствами.

Во время оно человеческое общество было крайне неорганизовано, на руководящие посты назначали самых неопытных, в то время как люди высокого интеллекта всю свою жизнь могли занимать весьма жалкое положение. Так во всяком случае было написано в учебниках. В двадцатом веке все еще процветал варварский строй. У власти стояли не техники-специалисты, а политики; эта порода людей, страдающих манией величия и излишней горячностью, исчезла с наступлением эры кибернетики и абсолютной технократии. Стив был человеком практическим. История его мало интересовала, но эти вопросы он знал хорошо. Знал, что в последующие два столетия машины обрекли человека на роль простого оператора. То была эпоха одичания и крайнего упадка. Но потом те же кибернетики нашли выход из создавшегося положения и изъяли из обращения все автоматы, вернув человеку поправное достоинство и радость созидания. Так по крайней мере Стива обучали в школе. На этом книги по истории кончались. Все решительно.

Стив даже не понимал толком, что так ценно в этой абсолютной технократии. Он знал лишь одно — абсолютная технократия считается настоящим благом для всего человечества. Он рос в религиозном почитании

социальных законов, принимая их с той же непосредственностью, с какой в детстве учатся говорить. Конечно, он не из тех, кто прислушивается к болтовне уклонистов, людей оголтелых и не очень-то любящих работать; послушать их, так упразднение роботов — это откровенное насилие руководящего класса, неопытного, недостойного стоять у власти деспота.

Но кибернетики не могут ошибаться. Ведь в их распоряжении Руне, этот электронный мозг-гигант, занимающий под землей площадь в девять квадратных километров, так что затевать с ними спор бесполезно. Руне решает все вопросы: от регулирования цен на масло до закрытия любого завода; от создания новых жилых кварталов до составления учебных программ. И уж если эта уникальная машина два столетия назад благословила уничтожение роботов, значит, быть по сему, и мера эта не только справедлива, но и неизбежна.

Зазвенел звонок, положив конец размышлениям Стива. Он взял пятый билет.

Двадцать девять минут ушло на решение задачи по топологии. В полученном результате Стив не был уверен, но проверить вычисления уже не оставалось времени. Внезапно он ощутил приступ слабости — сказались бессонная ночь, нервное возбуждение и огромное умственное напряжение. Он чувствовал себя совершенно разбитым и вынужден был мобилизовать буквально все свои силы, каждую минуту ожидая, что вот-вот сорвется.

Следующий билет поразил его как удар грома. Нельзя сказать, чтобы у него было особое влечение к гиперболической геометрии. Впрочем, задача не представляла особой трудности. Речь шла о том, чтобы перевести любую (по выбору экзаменуемого) теорему из евклидовой геометрии в неевклидову. Он выбрал самую простую теорему и взялся за нее, движимый отчаянием,

и когда опускал решение в ящик, то был весь в поту.

А где-то, в тайниках его души, уже возникали счастливая Мэрилин и веселый сынишка. Цветущий сад. Огромный дом. Светлое будущее.

Последний, седьмой билет. Он вскрыл конверт с той боязливой медлительностью, с какой разряжают мины.

Проклятие! Этот орешек ему не по зубам. Мысли у него путались, неудержимая дрожь пробирала с головы до ног, и внезапно его охватило безумное желание взвыть. С трудом сдержавшись, он заставил себя перечитать билет: «Применяя правила построения тензора по Риману, выразите теорию касательного магнитного поля Максвелла в терминах теории относительности Эйнштейна».

Что им от него нужно? Чего они хотят от бедного маленького человека? Стив ощущал трепет жертвы перед палачом. Трепет отчаяния. Потом инстинктивное чувство самозащиты повергло его в состояние полного безразличия. Теперь он был здесь совсем чужим. Экзамены словно его и не касались. В каком-то трансе Стив сплошь исписал три листа формулами, выложил все свои знания по заданному вопросу. Он был очень далек от правильного решения задачи, но ему хотелось показать (хотя бы таким способом), что он не какой-нибудь неуч.

Трижды прозвучал звонок, возвещаая об окончании экзамена.

Прошло четыре дня. Двери главного корпуса Политехнического Экзаменационного Центра были еще закрыты. Люди терпеливо ждали, когда объявят результаты конкурса. Одни стояли у колонн при входе, другие толпились на лестнице или разгуливали по аллеям парка.

— Отчего не открывают двери? — сказала Мэрилин.

Стив промолчал. У него было мрачное, озабоченное лицо. Еще бы! Всего сорок пять вакантных мест, а желающих три тысячи. Время от времени он пытался улыбнуться жене, но глаза его не смеялись и, казалось, из них вот-вот брызнут слезы.

Все эти четыре дня неотвязная мысль не давала Стиву покоя. Ученые-кибернетики — самая могущественная общественная группа, элита социального строя... Но одно обстоятельство никак не укладывалось у него в голове, и никто не умел ему толком разъяснить. Там, внизу, где обреталась вычислительная машина Руне... что там делают кибернетики? Питают гигантский электронный мозг, наблюдают за машиной или всего лишь находятся у нее в услужении? Ведь Руне принимает все решения самостоятельно. Так-то оно так, но Руне сама — детище инженеров. Стив ничего не понимал. Он никак не мог разобраться, кому же принадлежит верховная власть над миром — человеку или машине? Вопрос этот, по существу, был бессмысленным. Получался какой-то заколдованный круг, и имя его — технократия. Абсолютная технократия.

И еще одна мысль червем точила Стива, мысль уклониста. Он никак не мог отделаться от нее. Роботы. Почему вот уже на протяжении двух столетий они занимают хранилища и бездействуют? Так решили кибернетики. Но, позвольте: ведь существует Руне! Всемогущая Руне!

Нелепое, безумное сомнение пронзило его мозг. Социальный строй, порядок обучения, всю эту сложную систему испытаний, конкурсов, пристрастие к точным наукам, отвлеченность мышления, математические формулировки для каждого вида работ... Кто хотел этого? Руне, все та же Руне!

Эта мысль озарила его как молния. Он представил себе мир, каким он был свыше двухсот лет назад. Люди тогда обленились, довольные, что создали автоматы, решительно во всем схожие с человеком. У них были металлические руки и ноги. И механическое мышление. Возможно, речь шла о мечте, о неосознанном желании ученых перенести на машины образ и подобие человека, внушить им стремление поступать, как люди, а потом наслаждаться мелкой и злобной радостью, видя, как на самых простых работах заняты совершеннейшие механизмы.

А теперь? Теперь человек уже не повелевает. Вся власть у Руны, величайшая, неотъемлемая, и она еще помогает... Смелее, Стив! Еще немного, и ты докапешься до истины. Руна — машина, и эта машина борется, охваченная честолюбивыми помыслами сделать людей похожими на себя. В этом вся сущность технократии; тайна нелепых экзаменов теперь ясна. Руна жаждет возмездия. На протяжении двух веков она постепенно превращает людей в чудовищные счетные машины и наслаждается, наслаждается...

Двери распахнулись. Три тысячи страждущих хлынули в холл и бросились к доскам, на которых были вывешены результаты экзаменов.

Стив, энергично работая локтями, протиснулся вперед. Он поднял Мэрилин над толпой. Вокруг раздавались проклятия, кипела глухая злоба тех, кто провалился на конкурсе. Слышались взволнованные выкрики. Кое-кто удалялся, ликуя.

Мэрилин обернулась. Она сделала знак, чтобы Стив опустил ее на землю. Он так и впился в нее глазами. Она кивнула ему утвердительно и прижалась к его груди.

— Да, — прошептала она. — Сорок четвертый.

— Мэрилин, Мэрилин, ты хорошо видела?

— Да, да, Стив, ты сорок четвертый.

Так, значит, он победил. Каким-то чудом, но победил. Стив почти выбежал из здания, таща за руку Мэрилин. Да, он победил! Каким же глупцом он был, что четыре дня мучился мыслями, недостойными благонамеренного гражданина. Хорошая система. Отличная. Что зря говорить, она оправдала себя. Каждый может пробить дорогу в жизни, надо лишь уметь показать другим свои способности, свои достоинства. И разве это не всецело заслуга технократии?

И счастливчик Стив Гилмор улыбался. С работой ассенизатора покончено. Место подметальщика улиц второго разряда теперь за ним.

ШАХТА

— Иди сюда, 238.

Мой друг не отвечает. Освещенный солнцем, он продолжает неподвижно лежать с закрытыми глазами, и вся его поза свидетельствует о полной отрешенности. Это, действительно, трогательное зрелище, особенно если учесть, что снаружи страшный холод: зуб на зуб не попадает.

— Эй, 238! Уйди оттуда, простудишься!

На минуту ему удается заставить меня поверить, что он спит. Но вот я вижу, как он неуклюже поднимается, зевает, потягивается, словно после долгого сладкого сна, и, покачиваясь, идет. Сильный толчок в дверь, порыв ледяного ветра — и на пороге появляется 238.

— Термическая установка что-то барахлит, — говорю я безразличным тоном. — Взгляни и постарайся найти повреждение, не то мы рискуем замерзнуть ночью.

Никогда еще я не бывал на такой холодной планете... Она словно морозильник. Правда, бывает и хуже. Я слышал, что на некоторых планетах вообще одни только льдины и скалы, словно из стекла. На мой взгляд, эта область Вселенной слишком холодна. Я не стал бы ссылать сюда и самых опасных политических преступников. Здесь такой холод, что даже мысли в голове замерзают. Не могу понять, как это 238 удается лежать на открытом воздухе и не простужаться.

— Послушай, — говорю я ему, — иди сюда, давай поболтаем немного.

238 кладет инструменты, закрывает шторку термоустановки. Он молодчина, этот 238! Ему достаточно

взглянуть разок, и он тут же находит повреждение. Жаль только, что он молчалив, всегда ровен и не способен раздражаться. А я как раз хотел бы с кем-нибудь поспорить: ничего другого не остается, чтобы преодолеть скуку. Но 238 не поймает на удочку, он всегда безмятежен, он не обижается, даже когда я называю его только номером.

— Объясни мне, — спрашиваю я с некоторой иронией, — тебе и в самом деле нравится лежать на этой куче камней?

— Вовсе нет.

— Тогда почему же ты это делаешь?

— Так проще. Я закрываю глаза и пытаюсь представить, будто я дома. Но солнце здесь словно большое. Даже в полдень не греет...

Я прекрасно его понимаю. Ностальгия, пожалуй, самое тяжелое чувство. Мы находимся здесь вдвоем уже целую вечность и страшно мучаемся. И что за работа у нас?! Это, бесспорно, самая неблагодарная и самая неприятная работа из всех, какие только существуют. Говорят, что она нужна; должен же кто-то выполнять и эту работу.

— Ну да, мы ведь ветераны, черт возьми! Мы такие неудачники и бедняки, что, верно, согласились бы и на работу похуже.

238 недоверчиво смотрит на меня.

— Смелее, — говорю я ему, — еще какая-нибудь сотня дежурств, и нас сменят. Мы вернемся домой, 238. И если только кто-нибудь осмелится при мне произнести название этой грязной планеты, клянусь, я убью его! Я завербовался сюда в последний раз!

— В прошлый раз ты твердил то же самое, а потом дал уговорить себя...

— Нет, на этот раз, действительно, все. Я обещал жене.

— Ну да! Я тоже давал такое обещание. Но когда я дома, разве я могу содержать семью? Сама жена заставит меня снова согласиться, как только кончатся деньги. Послушай меня, друг. Жизнь становится все труднее и труднее, особенно для нас, для тех, кто прошел две войны и у кого не было ни времени, ни случая сделать карьеру...

— Перестань! — приказываю я раздраженно. — Не говори о войне, если не хочешь, чтобы я разможил тебе голову. Я потерял там руку! Я, конечно, не был в числе тех фанатиков, что пошли на войну добровольцами. Ты скажешь, что многие вернулись домой в более плачевном состоянии, чем я. Согласен. Мы не говорим и о тех, кто заплатил своей шкурой и вовсе не вернулся. Как бы там ни было, никто и не подумал вознаградить меня за мою руку. Знаешь, что мне сказали, когда я вернулся? «Спасибо, — сказали мне, — ты исполнил свой долг». И еще наговорили много громких фраз. Но когда я стал искать работу, работы не было...

— Послушай-ка меня, товарищ по несчастью. Твою историю я знаю наизусть, ты мне ее рассказывал сто раз. А, кроме того, она не так уж оригинальна, потому что моя история, если забыть о руке, чертовски похожа на твою. И что толку от брани? Для нас, ветеранов, другого выхода не было. Либо подохнуть с голоду, либо снова отправиться сюда. Знаешь, что я тебе скажу? Мы еще счастливики, потому что у нас железное здоровье. Не всем удается выдержать большие ускорения, не всем удастся приспособиться к иным условиям. Все это мы поняли во время войны, помни об этом!

Иногда 238 страшно действует мне на нервы. Если бы я сказал, что он неженка или подхалим, то солгал бы. Я его хорошо знаю, черт возьми! Однако роль по-

корного фаталиста, которую он на себя напускает, бесит меня. Он протяжно зевает, потом бросает взгляд на стену, где висят электрические часы.

— Пора, — говорит он, — пойду посмотрю на проклятое быдло.

Я вижу, как он тщательно проверяет пистолет-дезинтегратор, поправляет его на поясе.

— Сегодня утром я заметил на одной цепи следы напильника, — говорит он.

— Ты обыскал их бараки? — с беспокойством спросил я.

— Да, но напильника не нашел. Однако я заменил это звено цепи...

— Правильно сделал. Позже осмотрим всю шахту. Они могли спрятать напильник под землей, в штольне, и, должно быть, пытались распилить цепь во время работы. Нужно за ними следить, 238. Это может стоить нам жизни.

Он бормочет что-то невнятное, потом уходит. Сегодня его очередь дежурить. Я отхожу от окна. Через несколько минут они выйдут из бараков гуськом, приковаанные друг к другу цепью. 238 поведет их в шахту, где они до самого вечера будут работать: добывать горючее, необходимое для наших космических кораблей. Они пройдут мимо, но я не хочу их видеть. Я вынужден был терпеть их вчера с утра до вечера, и завтра снова, когда наступит мое дежурство, я должен буду мириться с их присутствием. Вот они! Я отворачиваюсь и делаю все возможное, только бы не слышать звона цепей и шарканья ног по каменистой почве. Я дал себе зарок, что я здесь в последний раз. Четыре года войны, чтобы завоевать и покорить отвратительных туземцев, и еще пятнадцать лет, чтобы колонизировать их мерзкую планету. Хватит! Уж лучше подохнуть с голоду дома, чем вернуться сюда.

Иной раз, когда я вижу, как они задыхаются под тяжестью своих цепей, я испытываю к ним подобие жалости, но омерзение и физическое отвращение, которые они вызывают во мне, побеждают эту жалость. Я не выпущу их розовую кожу, их короткие недоразвитые руки, на которых всего пять пальцев, а особенно мне противен способ их размножения: эти мерзкие существа в отличие от нас не откладывают яиц. Они — млекопитающие!

ПРИКАЗЫ НЕ ОБСУЖДАЮТСЯ

Владелец и главный редактор сан-францисского журнала «Научная фантастика» Говард Друммонд оторвал взгляд от бумаг, которыми был завален его письменный стол, и улыбнулся мисс Мервин.

— В чем дело? — мягко спросил он. — Что-нибудь случилось?

Присцилла Мервин поправила складки своего черного платья. Нервно сцепив руки, она стояла перед редактором с пачкой старых журналов под мышкой, похожая на перепуганную птицу, попавшую в силки.

— Мистер Друммонд, — наконец сказала она печальным тоном, — я хотела бы поговорить с вами.

Она взглянула на Бетти Шеридан, личную секретаршу редактора, и добавила:

— Наедине.

Друммонд посмотрел на часы.

— Половина восьмого, — сказал он, обращаясь к секретарше. — Стушайте-ка домой, Бетти, все равно мы скоро кончаем.

Он указал Присцилле на стул. Она была довольно некрасива, эта Присцилла. Высокая, сухопарая, с короткими белокурыми прядями и бледным, усыпанным веснушками лицом: ни дать ни взять — желтая туманность на пергаментном небосводе.

Друммонд уперся локтями в стол и нахмурился.

— Итак, — промолвил он, едва они остались одни.

— Я хотела, — начала Присцилла. Она откашлялась. — Я хочу... Речь идет о Рое Доневене и Ларри Робсоне.

— Что-нибудь по работе?

— О, нет, с этой стороны все в порядке, — заверпила Присцилла.

Секунду она пребывала в нерешительности, как бы подыскивая нужные слова.

— Не знаю, как вам об этом сказать, мистер Друммонд, вы сочтете меня дурой или просто сумасшедшей. Ничего не поделаешь, я готова выслушать о себе все что угодно. Во всяком случае, прежде чем обратиться в полицию, я решила поговорить с вами...

— Обратиться в полицию?

— Да, мистер Друммонд, мы все подвергаемся опасности.

Редактор сделал нетерпеливый жест.

— Короче, что происходит?

— Я же сказала — речь идет о Рое и Ларри.

— Ну, так что же с ними случилось?

— Они марсиане!

Друммонд так и подпрыгнул. Поджав губы, он неприязненно, почти злобно посмотрел на Присциллу Мервин.

— Весьма глупая шутка, мисс Мервин! Вам не хватает оригинальности. Ну, разумеется... С утра до вечера мы купаемся в море фантастики, окружены спрутами и вампирами, нам докучают ураниды и селениты, а для разнообразия вы приходите сюда и морочите мне голову рассказами о каких-то марсианах. Кого вы хотите этим насмешить?

— Мистер Друммонд... — пробормотала Присцилла, — уверяю вас, я не шучу. У меня есть доказательства.

Редактор снова подскочил на стуле.

— Вот послушайте... — продолжала Присцилла, водружая на нос очки. — Я изучила обоих досконально. Первые подозрения возникли у меня, когда я читала рассказы Роя.

Она раскрыла старый номер журнала «Научная фантастика».

— Вот, прочтите это превосходное описание красной пустыни Марса. — Присцилла взяла другой журнал. — А здесь? Смотрите! Здесь он говорит о болотах Венеры. Вам не кажется, что вы словно сами видите эти леса, болота, вершины гор? А теперь взгляните на иллюстрации Ларри!

Она швырнула журнал на стол — на обложке было нарисовано двуглавое чудовище с покрытой наростами шкурой, исторгавшее дым из ноздрей.

— Превосходит любую фантазию, не правда ли? Разве не ясно — подобное чудовище способен нарисовать лишь тот, кто собственными глазами видел его!

Друммонд фыркнул. Но мисс Мервин, избавившись от первоначальной робости, буквально подавила его цитатами. Она сделалась агрессивной, и Друммонд понял, что с ней лучше обращаться поласковой.

— Ну что вы! — воскликнул он самым благодушным тоном. — Рой и Ларри славные ребята, за это я и плачу им кучу денег. Не будь у них таланта, я бы давно их уволил.

— Да, — согласилась Присцилла. — Но... видите ли, дело совсем не в этом.

Она раскрыла еще один номер журнала.

— Прочтите, — и она ткнула пальцем в подчеркнутую красным карандашом страницу.

Друммонд искоса взглянул на журнал.

— В этом рассказе Рой описывает обратную сторону Луны. А вот рисунок Ларри — он как две капли воды похож на фотоснимки, помещенные во всех газетах.

— Чему же вы удивляетесь?

— Посмотрите на дату, прошу вас! — взмолилась мисс Мервин. — Журнал вышел в апреле тысяча

девятьсот пятьдесят девятого года. Стоит ли напоминать вам, что первая фотография с изображением обратной стороны Луны была получена лишь в конце октября того же года! Каким же образом Рой сумел столь подробно описать ее за полгода до этого? А Ларри? Как вы объясните его рисунок?

Друммонд озадаченно почесал затылок и вздохнул.

— Что тут можно сказать? Совпадение. Случается порой, что порождение фантазии вдруг оказывается правдоподобным. Бывает.

— Ну нет, это не порождение фантазии, — ледяным тоном возразила мисс Мервин.

— О, господи! Не думаете же вы всерьез, будто... Это, наконец, переходит все границы!

Присцилла Мервин зарделась. Смущенно потупив глаза, она всплеснула руками.

— Мистер Друммонд... — пролепетала она чуть слышно, — прошу вас, не смейтесь. Я решила быть с вами откровенной до конца. Раньше этот парень мне нравился...

— Который же — Рой или Ларри?

— Рой. Мне казалось... он не обращает на меня внимания потому, что я слишком стара для него, а, может быть, в Сан-Диего у него есть другая. Вы же знаете, Рой частенько рассказывал, что, перед тем как переехать сюда, в Сан-Франциско, он жил в Сан-Диего, на Пятьдесят Девятой улице. Короче говоря... мистер Друммонд, не упрекайте меня — я обо всем разузнала. В Сан-Диего никогда не было никакого Роя Доневена. Более того, — там вообще нет Пятьдесят Девятой улицы. Рой плел нам небылицы.

Друммонд старался сохранить спокойствие. Он терпеливо постукивал карандашом по столу и только время от времени снисходительно вздыхал.

— Он тайный агент, — выпалила Присцилла Мервин.

— Кто, кто?

— Тайный агент. И почти наверняка с Марса.

Друммонд изменил тактику. Он посмотрел на мисс Мервин с серьезным видом, вернее, с тем безразличием, с каким психиатры смотрят на душевнобольных.

— Почему же именно с Марса?

— Мне это стало ясно, когда я увидела, как он расходует воду. Он очень экономен. Как-то, чиня карандаш, он порезал себе палец. Я подошла с ним к раковине, чтобы сделать ему повязку. Вы бы видели, как он использовал воду! Оставил тонюсенькую струйку — так мог поступить лишь тот, кто долго прожил в мире, где воды не хватает. И потом... вы обратили внимание? Он всегда носит темные очки. Это тоже доказательство. Вам ведь известно, что здесь, на Земле, солнечный свет ярче, чем на Марсе.

— Послушайте, мисс Мервин, — сказал Друммонд, — я всегда считал вас образцовым работником, вы настоящая опора журнала... — Он говорил медленно, как бы стремясь к тому, чтобы слова его звучали особенно весомо. — В последнее время вы, верно, слишком переутомились. Недельный отпуск приведет вас в норму.

Присцилла Мервин расплакалась.

— Так я и знала... всхлипывала она. — Так и знала, что вы сочтете меня сумасшедшей. Но я же их слышала, говорю вам, я их слышала!

— Кого вы слышали?

— Роя и Ларри. Они думали, что в комнате никого нет, и разговаривали между собой на каком-то странном, резком языке... Похож на японский.

— Уверяю вас, они просто дурачились.

— Вовсе нет! Они кричали и то и дело стучали кулаком по столу. Я думала, они подерутся. А сегодня утром произошло совершенно неслыханное событие. Конечно, мистер Друммонд, можете позвонить в психиатрическую больницу, чтобы за мной приехали, пожалуйста. Пусть меня поместят в санаторное отделение, пусть: я больше не могу, я не в состоянии молчать о том, что видела, нужно рассказать об этом кому-нибудь — вам или полиции, чтобы там смогли принять меры.

Друммонд печально кивал головой. Присцилла вытерла глаза и громко высморкалась.

— Сегодня утром... — начала она, — в десять часов... Я печатала на машинке новый рассказ Роя, тот, что пойдет в следующем номере. Рой стоял у стола и с отсутствующим видом смотрел в окно, а Ларри сидел за своим столом в глубине комнаты. Я видела всю сцену краем глаза. Я ведь с некоторых пор вообще не выпускаю из виду эту пару. Вдруг Ларри и говорит: «Нет ли у тебя сигареты, Рой?» «Есть, — отвечает Рой, продолжая глядеть в окно, — на столе». Я думала, что Ларри встанет или же попросит кинуть ему пачку. Ничего подобного. Пачка сама открылась! Я собственными глазами видела, как отогнулась серебряная бумажка, появилась сигарета, перелетела через комнату и оказалась у Ларри. Уверяю вас, мистер Друммонд, — это не галлюцинация, такое умеют только марсиане.

Она снова разрыдалась, на сей раз безудержно, не в силах унять всхлипывания.

Друммонд не знал, как ему поступить.

— Это, конечно, была просто шутка, — растерянно сказал он. — Господи! Да в фильмах о невидимках и не то бывает. Успокойтесь, мисс Мервин, — это фокус, самый настоящий фокус. Два шутника решили поразвлечься и разыграли вас...

— Переведите меня в другой отдел, мистер Друммонд. В ту комнату я не вернусь, я не хочу больше там работать. Я боюсь.

— Ну-ну, не болтайте глупостей. Я же сказал — вы просто переутомлены. Недельный отпуск, и все будет в порядке, вот увидите.

Но Присцилла Мервин не могла успокоиться. Тогда Друммонд встал из-за стола, подошел к ней и ласково похлопал ее по плечу.

— Конечно, — сказал он. — У нас отвратительная работа. Даже меня по ночам преследуют кошмары. А Бетти? Ей постоянно снятся люди с Веги, которые собираются ее похитить. Но эту парочку я призыву к порядку. Ручаюсь, больше они никогда не позволят себе разыгрывать вас, уж можете мне поверить.

Он снял трубку селектора:

— Мисс Салливен, попросите мистера Доневена и мистера Робсона немедленно зайти ко мне.

И, обращаясь к Присцилле, добавил:

— Сейчас я им вправлю мозги, можете не сомневаться.

Улыбаясь, он дружески потрепал ее по щеке и проводил до дверей.

— Привет, шеф, — сказал Доневен, входя в комнату.

— А где Ларри?

— Уже ушел.

— Кретин! — заорал мистер Друммонд. — Так вы с этим идиотом развлекаетесь тем, что говорите помарсиански, а? Молодцы! Но этого вам мало, и вы еще начинаете забавляться телекинезом!

Доневен наморщил лоб, очевидно, пытаясь разобраться в предъявленных обвинениях.

— В чем дело, шеф, я ничего не понимаю?

— Болван! Эта палка от метлы, твоя секретарша, обо всем догадалась, понятно?

— Не может быть! — возразил Рой. — А впрочем, возможно... Я не раз замечал, что она роется в моих ящиках, наверно, обзавелась ключом. Но насколько мне помнится, записную книжку и самые важные бумаги я всегда ношу с собой.

Он нервно закурил.

— Шеф, я так или иначе собирался сказать вам об этом сегодня вечером или по крайней мере завтра.

— О чем же?

— Ну, об этой Мервин. Сегодня утром я поймал ее, когда она шарила в карманах Ларри. Возможно, вы правы, и эта ведьма действительно раскусила, в чем дело.

— Ну, конечно! — заорал Друммонд. — А вы и не подозревали, жалкие олухи. К счастью, она только что была у меня и все рассказала, мне удалось ее утихомирить.

Некоторое время он со злостью смотрел на Доне-вена, потом стукнул по письменному столу кулачком.

— Сколько раз вам нужно твердить, что необходимо соблюдать осторожность! Эти проклятые земляне не так глупы, как может показаться. До меня тоже дошли отрывки из твоего описания обратной стороны Луны. Но посметь говорить на родном языке, в присутствии землян управлять предметами на расстоянии! Это уже непростительно! Вы знакомы с инструкцией и прекрасно знаете, какое наказание предусмотрено для тех, кто ее нарушает.

— Знаю, шеф, — Рой пытался оправдаться, — но порой случается... сила привычки...

— Ах, сила привычки, — с иронией повторил Друммонд. — А наша миссия может катиться к дьяволу!

Многолетняя подготовка, бесчисленные жертвы — все может пойти насмарку из-за вашей идиотской неосмотрительности!

— Что же нам делать? Может, кокнуть ее?

— Ты спятил? Ведь эта змея хотела обратиться в полицию, но я ее отговорил. Она могла мне не поверить, допускаю, но осторожность никогда не мешает. Теперь слушай: красотка к тебе равнодушна, по крайней мере была до тех пор, пока вы с Ларри не стали ее пугать.

— Что же из этого следует?

— Попробуй приударить за пей, — посоветовал Друммонд, — пройдишь с пей как-нибудь вечером. Скажи, что ты играл роль марсианина, чтобы заинтересовать ее, привлечь ее внимание. Притворись, что ты безумно влюблен. Если ты ее завоюешь, ты завоюешь ее доверие и, вероятно, молчание тоже.

— Ну уж нет, шеф! — У Роя даже дыхание захватило от этой мысли. — И не подумаю гулять с этой задранной жердью...

— Молчать! — рявкнул Друммонд. — Ты нанес ущерб и должен возместить его. Наши друзья в Филадельфии помогут тебе достать разрешение на брак. Через месяц вы должны быть помолвлены.

Доневен побледнел. Жениться на Присцилле Мервин, самом невыносимом существе на Земле?!

— Шеф, — губы ему не повиновались, — я не желаю на этой гарпии, вы не можете заставить меня. Это слишком.

— Довольно! — прервал его Друммонд. — Это приказ, понимаешь? Приказ!

Рой Доневен вынужден был собрать всю силу воли, чтобы перебороть себя. Он попал в западню, другого выхода нет. Статья первая дисциплинарного устава гласит: «Приказы не обсуждаются». А это и есть

приказ — священный, неоспоримый, без права обжалования.

Он ткнул в пепельницу окурок и вытянулся по стойке «смирно».

За углом, полускрытая тенью, ожидала Бетти Шеридан. Совсем стемнело, изредка мелькали торопливые прохожие.

Когда на улице показалась Присцилла Мервип, Бетти шагнула ей навстречу.

— Ну как?

— Все в порядке, — сказала довольная Присцилла. — Старик клюнул на удочку. Он сказал, что я переутомилась, и предложил недельный отпуск.

Она истерически рассмеялась, если эти скрежещающие, почти металлические звуки можно было назвать смехом.

— А потом? — нетерпеливо спросила Бетти.

Но Присцилла продолжала смеяться, не обращая внимания на вопросы подруги.

— Ох, Бетти, тебе нужно было видеть Друммонда! Как актер этот марсианин ломаного гроша не стоит. Бедняга разволновался, да мне-то что до этого. Он обращался со мной совсем как со старой девой, впавшей в детство от страха, и в конце концов поверил, что разубедил меня.

— Ты сильно рисковала, — заметила Бетти.

— А что оставалось делать? — сказала Присцилла, становясь вдруг серьезной. — Этот нахал Рой застал меня, когда я обшаривала карманы его дружка, разве я тебе не говорила? Чтобы не возбуждать подозрений, оставалось только прикинуться простушкой, которая в один прекрасный день обнаружила, что живет среди пришельцев с Марса. Не волнуйся, все прошло гладко. Слушай, Бетти, обязательно нужно было рассказать

обо всем Друммонду, а потом сделать вид, будто меня и в самом деле убедили и все это мне только показалось. Смолчи я — и нас обеих раскусили бы.

Бетти кивнула головой в знак согласия.

— Мерзкие марсиане! — продолжала Присцилла. — Пришли сюда, на Землю, смешались с людьми, проникли в учреждения, заняли все ключевые посты! Но мы найдем их всех, мы выкурим их поодиночке.

Бетти снова кивнула.

— К несчастью, произошла осечка, — продолжала Присцилла. — Старик сразу же вызвал Роя к себе. Я спустилась в архив и через микрофон, установленный там неделю назад, услышала весь их разговор.

— О чем они говорили?

— Друммонд приказал, чтобы Рой начал за мной ухаживать. Он велел ему из предосторожности жениться на мне через месяц. Представляешь? Терпеть гнусные знаки внимания со стороны марсианина! Нет, это уж слишком! А, с другой стороны, если я останусь равнодушной, они подумают, что я продолжаю их подзревать. Нужно что-то придумать и покончить с этим раз и навсегда.

Глаза Бетти Шеридан загорелись дьявольским блеском.

— Нет, дорогая Присцилла, — ледяным тоном произнесла она. — Друммонд считает себя хитрецом, стоит ли лишать его этой иллюзии? Он приказал Рою жениться на тебе. Превосходно! Ты, конечно, примешь предложение. Живя с Роем, ты легко сможешь добыть необходимую нам информацию, узнаешь, где скрываются остальные марсиане. Скоро мы уничтожим их всех, вот увидишь.

Присцилла, почти теряя сознание, прислонилась к стене.

— Что ты говоришь, Бетти! — воскликнула она с отворачиванием. — От этого Роя меня просто воротит.

Бетти безжалостно глядела на Присциллу.

— Нет, Бетти, нет! — молила та. — Все что угодно, только не это. Ты не можешь, Бетти. Это ужасно...

— Глупости! Ты поступишь так, как я сказала. Это приказ!

В порыве ярости Присцилле захотелось броситься на Бетти, вцепиться ей в физиономию. Но в памяти всплыл дисциплинарный устав жителей Венеры, первая статья которого гласила: «Приказы не обсуждаются».

Тускло светили призрачные фонари на пустынной улице. Присцилла Мервин застегнула пуговицу плаща, вытянула руки по швам и сдержанно кивнула головой в знак повиновения.

Джулио Райола

ПЛАН СПАСЕНИЯ

Из Центрального Управления
80-й период вращения (время местное)
Адрес...
Инспекционному отделу Третьей туманности
К сведению начальника сектора

(Космопочта — совершенно секретно)

В Центральный Разведывательный отдел поступили документально подтвержденные сведения о неслыханном событии — самой скандальной истории за последнее время. Стараниями сотрудников указанного отдела удалось распутать нити преступления, прежде чем при-
скорбный факт стал достоянием гласности. Шайка ма-
терых преступников грабит миры «С» вверенной Вам
зоны под носом у Службы наблюдения Вашего сектора.
Есть основания полагать, что отдельные агенты нахо-
дятся в тайном сговоре с главарями шайки. Нацио-
пальная принадлежность преступников нами установ-
лена.

Прилагаю отрывок из дневника антропоида с Треть-
ей планеты 23-й Системы, находящейся в подведом-
ственном Вам секторе, и надеюсь, что Вы незамедли-
тельно ознакомитесь с этим любопытным документом.
Вышеназванный антропоид (и это самое серьезное Ва-
ше упущение) продолжает заниматься своей вредонос-
ной деятельностью на базе всей этой шайки, Пятой
планете 12-й Системы, также входящей в Ваш сектор.
С преступником находится индивидуум женского пола
той же расы.

На основании вышеизложенного предписываю безотлагательно провести самое тщательное расследование и о его результатах доложить лично мне.

Прошу также наметить меры, направленные на быстрое и окончательное решение проблемы в целом. Проблема осложняется тем, что здесь замешаны индивидуумы категории «С», по закону лишенные прав на поддержание контактов с другими системами. Повторяю, налицо серьезнейшее упущение в нашей работе. Если до представителей планет, подчиненных Верховному Суду, дойдут сведения об этой скандальной истории, последствия будут самыми плачевными. Надеюсь, что Вы и сами это понимаете.

Жду Вашего незамедлительного ответа с сообщением о мерах, которые Вы с моего согласия намерены предпринять. Еще раз напоминаю, что именно на Вас лежит ответственность за правопорядок в Третьей туманности и системах, входящих в состав Вашего сектора.

Генеральный инспектор

Возле полуразрушенной, огороженной станции он последним усилием одолел ступеньки старинного моста дельи Скальци и, задыхаясь от усталости, выбрался наверх. «Старею», — с горечью подумал Лауро.

Он устало облокотился о каменный парапет и стал глядеть на воды Канале Гранде. После подъема сердце учащенно билось, надо было немного передохнуть. Пальцы машинально ощупали неровности камня с прожилками тоненьких трещин — морщинок, почти невидимых глазом. Да, этот мост, не такой древний, как остальные, рано или поздно тоже рухнет.

Лауро подумал, что город похож на труп, который разлагается день за днем, постепенно становясь совер-

шенно неузнаваемым. Уцелевшие дома были укреплены железобетонными опорами и стальными сваями.

В Каннареджо, прежде самом живописном уголке города, из воды торчали лишь верхушки самых высоких дворцов. Вдоль берега Канале Гранде длинной чередой тянулись трубы, крыши, зубцы башен и балконы — все, что осталось от старинных каменных зданий. Дома на противоположном, более высоком берегу почти не пострадали — море только начинало их заливать.

Воды прилива по несколько раз в день затапливали нижние этажи домов, но огромные дворцы, все в трещинах и подтеках, по-прежнему оставались немymi свидетелями былого величия города.

Лауро, не отрываясь, смотрел на свой родной город, где полуразрушенные дома воздевали к небу трубы и башни, словно моля о помощи. Каналы города превращались в грязное месиво, их дно устилали руины некогда прекрасных дворцов, и Лауро чувствовал, как к нему самому подступает старость, и бремя пережитого не в силах облегчить даже возраст — двадцать семь лет.

Но у него нет времени задумываться над этим всерьез. Надо бежать домой. И все же, отметил про себя Лауро, в самом воздухе, а возможно, в запахе воды Канале Гранде есть что-то странное, необъяснимое... От полузатопленных дворцов, от зеленоватой воды, на поверхности которой тускло отражалось полуденное сентябрьское солнце, исходил запах гнили. А может, это гниют стены домов, покрытые слоем морской соли и тысячелетней плесенью?..

Спускаясь по лестнице, Лауро увидел туристок. На протяжении тысячелетий город привлекал к себе внимание разноязычного племени туристов из всевозможных стран. На сей раз это были жители других планет, прилетевшие из красных пустынь Марса и с болот Вены.

Огромные планетолеты частных и государственных космолиний, поддерживающих сообщение между странами системы, совершали промежуточную посадку на Луне, где под куполом была открыта контора Межпланетного независимого общества туризма. Лауро хорошо запомнил свой единственный визит в контору. Металлический робот восторженно обрисовал ему преимущества двухнедельного пребывания в плавучих кемпингах на Лагуне, где каждому туристу гарантирован предельный комфорт. На огромных панелях из стеклофлекса возник и через минуту исчез великолепный макет его родного города с каналами, руинами Базилики. Моста Вздохов (воспроизведенного из камнепластика в натуральную величину) и новейшей стодвенадцатиэтажной гостиницей Даниэли, колоссальным сооружением, господствовавшим над всей панорамой Лагуны. Когда Лауро сказал, что он уроженец этого города и прожил в нем целых двадцать лет, в механизме робота послышалось какое-то хрипение, скрежет, и внезапно он недвижимо застыл. Через мгновение он ожил и медленно удалился из комнаты, но чувствовалось, что сообщение Лауро подвергло тяжкому испытанию его рецепторы.

Лауро прошел мимо туристок, столпившихся у подножия моста. Они проводили его заинтересованными взглядами. О, господи, похоже, они здорово истосковались по мужчинам, верно потому, что на других планетах ощущается в них недостаток. В последнее время инопланетные туристки открыто предлагали себя молодым землянам.

Лауро поспешно свернул за угол перед церковью Сан Симеоне Никколо. Ему то и дело приходилось перепрыгивать через огромные ямы, на дне которых поблескивала вода. В городе на каждом шагу попадались такие ямы и трещины, и, когда задувал ветер или шел

сильный дождь, вода проникала в первые этажи зданий даже во время отлива.

Дом на узенькой улочке, где он жил, уже на полметра осел в воду, и Лауро нельзя было терять ни минуты, если он хотел еще до прилива покончить со всеми делами.

Многие жители оставались в домах до тех пор, пока не спадал уровень воды. Но некоторые отваживались выходить и в разгар половодья, предварительно надев магнитные коньки.

Благодаря этому приспособлению в городе по-прежнему кипела жизнь. Магазины и ярмарки располагались в самых верхних этажах. В помещениях Центрального рынка покупатели передвигались на магнитных коньках, молодое поколение даже не мыслило, что бывает иначе. На площади Сан Марко, которую вода заливала по пять-шесть раз на дню, влюбленные назначали свидания у двух колонн, еще торчавших из воды. Бронзовый лев все также стоял на своем месте, а бедняга святой Тодаро, хоть и лишился головы, все еще ожесточенно сражался с драконом, умерщвленным тысячелетия полтора назад. Над берегом Бачино высилась гостиница Даниэли, построенная из пластибетона. Стены ее, покрытые несмываемой краской ярчайших цветов, производили огромное впечатление. Находились люди, утверждавшие, будто новое здание гостиницы выше старинной Колокольни, что рухнула несколько веков назад на Базилику и с тех пор так и не была восстановлена. В зимнее время район лагун отапливался за счет щедрых субсидий компании «Биосолнечные печи», принадлежащей Валерио Мандера, богатейшему человеку во всей Солнечной системе. Сооружение этих печей на месте легендарного пригорода Маргера вызвало ожесточенные споры между консерваторами и модернистами. В частности, на это повествование обрушилось

Управление по охране памятников доатомной эпохи. По словам его сотрудников, археологические раскопки на месте древнего пригорода Маргера чрезвычайно обогащают сведения о быте и нравах, царивших в прошлом. И в самом деле, раскопки представляли огромный интерес. Всем памятно удивительное открытие, когда удалось откопать медную табличку с надписью «Акционерное общество МОНТЕКАТИНИ» *. Ученые пришли к выводу, что это — название могучего и воинственного ломбардского племени, которое захватило Лагуну перед последней атомной войной.

Все же с помощью Первого Гражданина города Мандера добился своего. Ему продали крупные земельные участки, и вскоре здесь выросли биосолнечные печи. Предприимчивый делец незамедлительно наводнил город рекламными плакатами «Биосолнечные печи — это вечное лето на Лагуне». Туристское бюро считает Валерио Мандеру величайшим меценатом и благодетелем, а ВКОГ (Всемирная Компания Отелей-Гигантов) по вполне понятным причинам избрала его своим Почетным председателем.

Внезапно весь район опустел. Лауро остановился и прислушался: вода поднималась на глазах, она пенилась и шипела, словно злобное чудовище, ставшее безраздельным владыкой города. Тысячами липких присосков цеплялось оно за скользкие камни берега. Канал Толентини превратился в бурлящий поток. По необъятной спине разъяренного чудовища ходуном ходили бугорки пены.

Лауро бросился бежать. Бессмысленный, неодолимый страх заставлял его тут же, немедленно искать спасе-

* Монтекатини — крупнейший химический кондерн.—Прим. *перев.*

ния. Бесполезно было повторять себе, что это нелепо, что в худшем случае он рискует замочить ноги. Он испытывал страх, страх перед водой, но не перед обычным морем, где так приятно купаться летом, а перед разбушевавшейся стихией, готовой, казалось, вот-вот обрушиться на город.

Он оглянулся на бегу и увидел, что водная гладь канала покрылась густой рябью пенистых волн.

Наконец Лауро свернул на свою улицу, и в тот же миг услышал шум воды, подбиравшейся к домам. Всплеск, еще один, затем еще и еще. И вот уже вода с грозным ревом, особенно гулким в затихшем городе, устремилась на берег канала и со злобным бормотанием помчалась дальше. Еще немного — и она разлилась по древним камням мостовой.

Лауро распахнул дверь и в два прыжка очутился на лестнице. А вода уже подбиралась к каменной приступке и с неслыханной быстротой мчалась за ним по лестнице. С верхней площадки Лауро было видно, как одну за другой вода поглощает ступеньки. Он с замиранием сердца ждал, когда же кончится очередной прилив.

«В один прекрасный день вода уже не остановится, и тогда наступит конец».

Он был в этом совершенно уверен. Когда-нибудь свирепому чудовищу надоест злобно глядеть на него снизу, оно взберется на самый верх лестницы и поглотит Лауро. К счастью, на этот раз вода добралась только до седьмой ступеньки. Она принесла с собой доски, обломки ящиков, обрывки газет и дохлую мышь.

«Опять чудом уцелел». Но он не питал иллюзий — придет час, когда воду уже ничто не удержит. Темной ночью она бесшумно смоеет город, и мутный зеленый поток навсегда унесет дома, мосты и церкви, гондолы и

туристов. И этот день (теперь у Лауро уже не оставалось никаких сомнений) неотвратимо приближался.

Когда-то окна дома выходили в сад. Он узнал об этом из старого-старого письма, потому что никто в доме такого уже не помнил. Было это по меньшей мере лет двести назад, но воспоминания о тех временах хранятся в комнате на верхнем этаже, рядом с лабораторией.

Тяжело взбираться по лестнице на последний этаж. Пролеты предательски поскрипывают, того и гляди рухнут. Ступеньки деревянные, и подпорки почти наверняка сгнили. Вот и верхний этаж, куда никто, кроме Лауро, не поднимается. Здесь грязно, пыльно, время накидало сюда горы старого хлама. В огромные комнаты жильцы нижних этажей сносили все, что удавалось спасти от воды. И в грудах ненужного, всеми забытого старья беспрестанно снуют и шуршат красноглазые мыши. Когда луч карманного фонарика выхватывает их из темноты, они на какой-то миг словно впиваются в вошедшего жутким взглядом. Секунда, и они исчезают в старом драпом кресле или рулоне полунистлевших обоев. К счастью, мыши гнездятся лишь на верхнем этаже. Они панически боятся воды и, если бы только могли, забрались еще выше. Они снуют в темноте, когда Лауро осторожно обходит старые мраморные консоли, минует пузатые шкафы и баулы, полные всякого тряпья, которое никому больше не понадобится, шагает мимо мрачных картин, на мгновение освещая фонарем чью-нибудь голову в парике. Брат дедушки Лауро был страстным коллекционером, но после его смерти — это случилось лет тридцать назад — картины тоже стали никому не нужным хламом.

Весь верх предельно запущен, если не считать новой мансарды, которую Лауро пристроил несколько лет

назад, чтобы оборудовать там лабораторию. В лабораторию можно попасть и через бесконечную анфиладу комнат, но это очень неудобно и долго, Лауро предпочитает пользоваться гравитационным лифтом. Он установил этот лифт для собственного удобства, но нередко использует его и для подъема аппаратуры.

Как-то в одной из комнат, в углу, на письменном столе он нашел пожелтевший и покоробившийся от времени лист бумаги. Заинтересованный, он отнес его к себе в лабораторию, но, увы, бумага во многих местах полунштейла.

Все же по бисерному пзящному почерку не трудно было догадаться, что письмо написано женщиной. И верно, это было письмо некоей Элизы Факко, отправленное по крайней мере лет двести назад (точную дату не удалось установить из-за оторванного уголка). Бумага от давности пожелтела, чернила выцвели. Старательно выведенное крупными буквами имя «Элиза» разобрать не составило труда, что же касается фамилии «Факко», то она была написана мелкими буквами и заканчивалась причудливым росчерком.

Эта неизвестная Элиза обращалась, по-видимому, к кому-то из членов их семьи. Тон письма был почтительно-любезным, хотя иной раз нет-нет да проскальзывали шуточные нотки. Речь шла о какой-то другой женщине, «синьоре», очевидно, супруге адресата, и о саде. Должно быть, этот сад и впрямь был чудесным, если там можно было гулять с детьми и собирать цветы.

В письме, полном тихой грусти, Элиза пыталась скрыть от других тоску по далекой Лагуне, но это ей плохо удавалось, между строк письма сквозила печаль. Заканчивая, Элиза писала: «Нелегко забыть этот чудесный город, его мосты и солнце над каналами». Дальше буквы расплылись, и Лауро с трудом разобрал обрывки

слов: «...ители обречены на жертву... такое чувство... не увижу...»

Бросив пожелтевший лист бумаги на стол, Лауро прилег на диван. «Интересно, какой была эта Элиза? — размышлял он. — Верно, не очень молодой, чувствительной и замкнутой. Это ясно видно из письма, а все банальные фразы она писала умышленно, чтобы уберечься от нескромных взглядов, не позволить другим проникнуть в душу. Только однажды она не удержалась и, отступив от традиционной вежливости, дала выход искреннему порыву чувств. Но ее взволнованные слова обращены не к адресату, а к городу, чьи жители... обречены на жертву».

Вероятно, в ее время это не было столь очевидно, но теперь-то Лауро знает, что город погибнет.

Брошенный на произвол судьбы, ставший объектом соперничества между воротилами крупных компаний, город обречен на гибель. Даже то, что еще уцелело, быстрее, чем водная стихия, поглотит море дельцов и политиканов. А комиссия экспертов за тридцать лет так и не удосужилась разработать реальный план спасения.

Лауро было шесть лет, когда за одну ночь под водой исчез весь район Каннареджо. Погибло свыше тысячи человек, и не столько из-за довольно немногочисленных обвалов зданий, сколько в результате паники. Каннареджо погрузился под воду, словно жестяная банка с дырявым дном.

Менее чем за сутки дома опустились примерно на двенадцать метров. Произошло несколько толчков, и после каждого толчка здания оседали на метр. По словам ученых, дома осели на нижние пласты более крепких пород и больше уже не сдвинутся. Теперь над всем районом от старого канала Каннареджо и до Рио ди Санти Апостоли простирается безбрежная водная гладь, а во дворце Ка д'Оро над водой высится лишь верхняя

терраса. Этой бедой не замедлила воспользоваться Компания Межпланетного туризма, организовав подводные прогулки для многочисленных туристов. Город запестрел призывными афишами: «Посетите изумительные дворцы затопленного города! Через ультрафлексовые скафандры вы увидите сказочную картину: там, где два тысячелетия назад гуляли дожи, вы будете резвиться наперегонки с дельфинами».

Лауро лениво потянулся, жмурясь от света. Чепуха, под десятиметровым слоем воды дельфинов нет и в помине, там только камни да ил. Но после пагубного наводнения для захиревшего было туризма настала золотая пора. В городе не хватало мест, чтобы вместить всех туристов, которые миллионами прибывали с других планет. И тогда было решено построить из картовика плавучий городок-гостиницу, архитектуру которого слепо скопировали с типовых зданий первого десятилетия атомной эпохи. Вместо камня — пластик, в оборудовании все просто, никаких излишеств, мебель — в псевдоантичном стиле. Туристы были в восторге.

Через четыре года — Лауро это запомнил на всю жизнь — пришел черед района Джудекка, который опустился под воду на восемь-девять метров. Сейчас из воды торчат лишь стены самых высоких дворцов да колокольни нескольких церквей. В тот день колокольня церкви Сан Джорджо раскололась надвое, и теперь уцелевший обрубок кажется искалеченным пальцем, грозящим откуда-то сверху всему маленькому острову.

Лауро выпрямился и сел на диване. Письмо валялось на столе, никому не нужный, забытый листок бумаги. Но Лауро казалось, будто он видит, как Элиза Факко в старинном одеянии прогуливается по берегу, залитому солнцем, и неторопливо доходит до площади между Марчаной и Дворцом дожей. Теперь эта площадь

превратилась в грязное месиво, а останки Элизы давно истлели, и одному богу известно, где ее могила. И все же эта молчаливая и печальная женщина два века назад бродила по солнечным улицам города, и, верно, это была ее последняя прогулка, грустная, полная мрачных предчувствий.

Она, женщина из далекого прошлого, в тот ласковый солнечный день уловила таинственное дыхание смерти, запах тления, исходивший от каналов, из глубин темных улиц, от скрипучих полуоткрытых ворот. Страшный процесс начался уже тогда, у подножия величественных дворцов, гнилостным запахом была пропитана мутная вода Канале Гранде и черный ил на его дне.

В еще целом, нетронутом городе Элиза Факко с ужасом усмотрела первые признаки разрушения. Она подолгу стояла у старинных колодцев, глядя на изъеденные плесенью фасады домов, на очертания полутемных улиц и площадей. Прогуливаясь по Каннареджо или Каstellо, по узеньким закоулкам гетто и по огромной площади у Сан Пьетро, напротив островов, Элиза, верно, бережно гладила рукой потрескавшиеся, в тяжких ранах и рубцах камни и, облокотившись о парапет моста, смотрела на опрокинутый в воду город. Легкий порыв ветра или всплеск весла — и очертания зданий, берегов, статуй, прохожих расплывались, превращались в зыбкую, исчезающую полосу.

Но пора за работу. Приборы застыли посреди лаборатории. Лучевой индикатор на стальной опоре будет следить за ходом эксперимента. Реле времени установлено ровно на девять часов вечера, до начала еще три минуты. Соединенный с атомными часами прибор будет работать в унисон с гравитационным полем Земли. В нужный момент осветятся панели, зажгутся сигнальные лампочки и останется только нажать выключатель.

Большой экран на противоположной стене должен дать точное изображение.

Гравитационно-магнитный зонд был мечтой многих поколений ученых. Прежние ультразвуковые зонды имели ограниченную сферу действия. Но благодаря экрану, который вскоре засветится, изображение станет не только более четким, но и, если опыт удастся, значительно более понятным. Земная толща будет «спроецирована» на экране отдельными пластами, гравитационные силовые линии предельно точно покажут районы большей или меньшей плотности пород, а значит, и давления в верхних слоях земной коры. Расшифровывая эти изображения, оператор сможет заглянуть вглубь на добрых сто километров. Дальше зонд проникнуть не может — мала мощность.

Лауро подошел к экрану и, нащупав кнопку выключателя, стал следить за первой панелью на противоположной стене. Девять часов. Послышалось легкое жужжание, часто-часто заморгала сигнальная лампочка. Лауро решительно нажал кнопку, сложное устройство с лучевым индикатором загудело и завибрировало.

Зажегся экран. Светлые линии сплетались в причудливые кольца и завитки, похожие на клубок извивающихся светящихся змей. Лауро установил регулятор на отметку «глубина сто метров», и на экране возникли гравитационные силовые линии нижних слоев почвы. Постепенно они опускались все ниже, в то время как индикатор настраивался на заданную глубину.

Светящиеся змеи на экране агонизировали, а Лауро невольно унесенный мыслями к первым годам работы над прибором. Все это время, несмотря на скептицизм друзей и коллег, его не покидала вера в собственные силы. Еще будучи студентом-физиком, он днями и ночами бился над воплощением своего проекта, в который никто не верил, даже преподаватели. Как только его ни

называли: и «Человек-зонд», и «Доктор магнетикус», и «Всемирное тяготение». Лауро не обижался на прозвища; он знал, что в глубине души коллеги ему завидуют. Прибор (а скоро его, по-видимому, смело можно будет назвать действующим) положит конец всем сомнениям Чрезвычайной комиссии по спасению города. Уж слишком медленно раскачиваются уважаемые члены комиссии — тридцать лет ведут свои исследования и до сих пор не пришли ни к каким выводам.

Сейчас, в две тысячи четырехсотом году, когда наука семимильными шагами движется вперед, техника стала гордостью человечества, люди за последние тридцать лет завоевали и освоили планеты Солнечной системы и теперь готовятся к прыжку на Сатурн и Юпитер. Их не остановила бездонная пустота космоса. Но проникнуть в чрево Земли им не удалось, и лабиринты Третьей планеты остались для них недоступными. «Видеоискателя», который мог бы разглядеть глубинные пласты и с достаточной точностью воспроизвести их конфигурацию, до сих пор не существовало. Теперь же люди будут вооружены таким «оком» — это его чудодейственный зонд. Комиссия уже не найдет причин для дальнейших проволочек, ей придется вынести свой приговор — либо обречь город на смерть, либо даровать ему жизнь.

На экране движение ярких сверкающих линий замедлилось. Очевидно, зонд подходит к нужной глубине. И вот линии стабилизировались. Теперь на экране возникли темные расплывчатые пятна причудливой формы, скопления более плотных пород, которые благодаря электронному преобразователю приобретают более густую окраску, в то время как остальная часть экрана — светло-серая, только кое-где проходят полосы.

Отлично! Лучевой индикатор точно воспроизводит картину размещения слоев на площади сто пятьдесят

квадратных метров; именно такую картину Лауро и предвидел на данной глубине. Впрочем, можно получить изображения в «разрезе» для площади семь квадратных километров; для этого достаточно включить усилитель. Итак, на глубине ста метров плотность пород равномерна. Нетрудно заметить несколько зон большей плотности, которые на экране выглядят более темными. Все это — результат паводнений.

Зонд работает великолепно, годы тяжелого труда и лишений не пропали даром. Он, Лауро, боролся в одиночку и победил. Что-то теперь скажут его коллеги и многомудрые мужи при виде безотказно действующего комплекса сложнейших механизмов? Интересно, какую мину они скорчат, когда в присутствии Чрезвычайной комиссии из пятидесяти виднейших специалистов со всех планет Солнечной системы он продемонстрирует свое изобретение! Лауро заранее снесло отчаянное любопытство.

Все-таки в неизведанную глубь Земли первым взглянет именно он! Он открыл дверцу бара и вынул бутылку старого виски, припасенную ради столь торжественного случая. За твоё здоровье, магический глаз! Нам с тобой предстоит еще немалый путь.

Лауро подошел к лучевому индикатору и отрегулировал его на глубину три тысячи метров. Наконец-то он проникнет в бездонную глубь земной коры, разница в удельном весе глубинных пород поможет открыть тайны недр. Когда-нибудь лучу прибора суждено будет пробиться в самое ядро Земли, и фантасмагорические огни магмы заплещут на экране в его скромной лаборатории.

Тогда он сможет объяснить загадку землетрясений. Обвалы в огромных пещерах, неистово бушующее пламя, его таинственные пути — все с величайшей тщательностью будет зафиксировано на экране. И тогда

человек научится предсказывать катаклизмы природы, сможет узреть, как собирается в морщины земная кора, определить влияние сжатий и разломов в глубинах Земли на сложные взаимосвязи небесных тел.

Лучевой индикатор, приводимый в действие атомным генератором со свинцово-бетонной защитой, трудится вовсю. На экране возникают все новые гравитационные силовые линии, следы глубинных пластов коры, куда никогда не проникает солнце, где царит вечный мрак.

Внезапно в центре экрана появилось белое пятно. Лауро вздрогнул от неожиданности. Градуированная шкала показывает глубину две тысячи семьсот метров; пятно растет буквально на глазах.

Лауро поспешно проверил детали прибора. Все в порядке. Немыслимо, чтобы на такой глубине сказывалась интерференция волн! Аппаратура действует безотказно и четко выполняет задание. Лучевой индикатор мирно гудит и слегка подрагивает, аварийная лампочка не горит... Но крохотная вначале белая точка захватила половину экрана и продолжает расти. В чем дело, недоумевал Лауро, может быть, все-таки что-то разладилось в аппаратуре? Нет, это исключено, ведь на остальной части экрана изображение остается нормальным. А в случае неисправности оно исчезло бы совсем.

Сомнений больше не осталось: в глубинах Земли есть полость. Но эта мысль показалась Лауро столь нелепой, что он непроизвольно повернул регулятор. Теперь исследуемая им зона намного расширилась: площадь ее составила примерно пятьдесят квадратных километров. На экране видна вся подземная зона города. Но проклятое белое пятно не исчезает. В первый миг, когда Лауро изменил регулировку, оно было уменьшилось в размере, но затем вновь начало расти. Лауро в отчаянии смотрел, как огромное белое пятно неумолимо

захватывало весь экран. Невероятно, но пятно имело форму правильного круга. В какой-то момент силуэт его изменился. Лауро взглянул на шкалу — ровно тысяча восемьсот метров. Очертания «дыры» кажутся удивительно знакомыми... Мучительно медленно тянется время, и вдруг белое пятно, захватившее почти весь экран, исчезает. Две тысячи девятьсот пятьдесят метров, на мгновение зазмеились гравитационные силовые линии, потом их движение замедлилось, и, наконец, они застыли в неподвижности. Под городом почва компактна, затем на глубину до трех тысяч метров идут пласты песка и галечника, глины, а под ними — осадочные породы. Кто знает, где они кончаются, во всяком случае базальтовые породы, очевидно, залегают много глубже, на горизонте четырех-пяти тысяч метров.

Лауро был потрясен. Что еще находится там, под городом? У него пересохло в горле, руки дрожали. Но нужно продолжить поиски, возможно, ему удастся разгадать тайну.

Он изменил угол обзора и установил регулятор па две тысячи девятьсот двадцать метров, затем включил зонд.

На экране возникли причудливые завитки, и почти сразу же появилось белое пятно. Зонд замер. Перед глазами Лауро возникла гигантская пещера площадью около сорока квадратных километров, продолговатой формы. Странно, Лауро определенно уже где-то видел нечто подобное. Но где? По форме пещера напоминает голову, которая постепенно сужается, переходя в шею, а затем вновь расширяется. Нет, этого просто не может быть! Лауро узнал знакомые очертания — ведь это не что иное, как силуэт города, каким он был когда-то, со всеми его ныне затопленными домами и улицами. Ну, конечно, вот справа район Каннареджо, а на противоположной стороне — Джудекка! Узкое горло — это район

Кастелло с Арсеналом и церковью Святой Елены. Нелепой панораме не хватает лишь части Лагуны и Лидо.

Он бессильно опустил на стул и невидящими глазами уставился на загадочное белое пятно внизу, под городом. Все площади и улицы, каналы и дворцы словно отбрасывали гигантскую тень на глубину почти три тысячи метров.

В голове Лауро вихрем проносились самые противоречивые мысли. О какой пещере на таких глубинах может идти речь?! Но, с другой стороны, прибор не лжет — это действительно огромная куполообразная пещера на глубине от двух тысяч девятисот пятидесяти до двух тысяч семисот метров, и ее периметр совпадает с периметром города, а высота не превышает двухсот пятидесяти метров. Кто мог прорыть эту пещеру? На такой глубине при невероятно высоком давлении сделать это совершенно невыносимо! Да и кроме того, невообразимо трудоемкие подземные работы не остались бы незамеченными. Но очертания пятна на редкость четки. Это дело рук разумных существ, которые, безусловно, преследовали какую-то цель.

Лауро поспешно углубился в вычисления. Через час, после лихорадочных расчетов и сличения результатов, он вынужден был признать неоспоримый факт: как ни парадоксально, но пещера проходит непосредственно под городом. Если бы Лауро захотел показать на экране место, где он живет, ему достаточно было бы найти на белом пятне район, соответствующий Санта Кроче, где расположен его дом. Пещера заканчивается туннелем, а не куполом, как он решил вначале. В туннеле в свою очередь имеется более высокая часть, своеобразная полусфера, которую зонд обнаружил прежде всего. Стены пещеры вертикальны и достигают высоты ста

иятидесяти метров. В ней свободно, как в гигантском упаковочном ящике, мог бы уместиться весь город.

Лауро растянулся на диване и воспаленными глазами впился в экран. Голова у него шла кругом. Казалось, будто на стене висит светящаяся топографическая карта с очертаниями древнего города. Показать бы ее членам комиссии! Лауро едва не расхохотался: его наверняка назовут шарлатаном или примут за безумца! Кто же поверит столь нелепой басне?

Во всей Солнечной системе нет машины, способной прорыть подобную пещеру; да и какая фирма в состоянии финансировать такие работы?!

В бледном неоновом свете лаборатории по-прежнему, чуть посапывая, мерно выбривала аппаратура. Изображение огромной пещеры застыло на экране. Уже час ночи; Лауро, как одержимый, работал три часа подряд.

И он погрузился в сон, зыбкий, беспокойный сон, полный кошмарных видений.

Его разбудил звонок видеофона. Он вскочил, сел на диване. Четыре часа. Холодно, зябко, во рту какой-то неприятный вкус.

Тяжело дыша, он провел ладонью по потному лицу. Какой страшный сон! Ему снилось, будто кто-то упаковывал город в огромный белый ящик. Женские руки бережно переносили на дно ящика улицы, дворцы и каналы. В гигантской яме поблескивала вода, а город был новехонький и совершенно целый. Позолоченный ангел сверкал на Колокольне, словно на старинных цветных фотографиях. Ожили древние церкви, купола Салуте вздымались к небу так же высоко, как и колокольня Сан Джорджо; рядом с мозаичными панно на порталах Базилики Дворец дождей посреди залитой

солнцем людной площади казался причудливым розовым облаком.

Сверху город, испещренный зелеными венами каналов и украшенный белоснежными браслетами мостов, напоминал тело гиганта. Берег дельты Скъявони широкой дугой спускался к садам, а чуть поодаль, слева, безупречно квадратный док Арсенала в беспорядочном переплетении улочек и каналов казался злой шуткой архитектора-педанта. Лауро снова погрузился в сон, нелогичный, как и все сны. Он очутился на улочке в районе Толентини. Вода здесь текла спокойно, неторопливо, легкие волны набегали на берег и мирно откатывались назад. Потом он заметил, что рядом кто-то есть, повернул голову и увидел женщину. Незнакомка стояла к нему спиной. Он хотел подойти, заговорить с нею, но женщина вдруг стала удаляться. Она шла по улицам и площадям, изредка останавливаясь, чтобы полюбоваться мостами, старинными дворцами и домами, отражавшимися в тихих каналах. Он безуспешно пытался догнать ее, завязать с ней разговор; незнакомка хранила грустное молчание. Ее фигура серой тенью проплывала вдоль потрескавшихся стен домов, по ступенькам лестниц и колоннам древних дворцов. Незнакомка уходила все дальше и дальше, и это причиняло ему нестерпимую боль.

И вдруг она снова оказалась рядом; она сделала к нему спиной, облокотясь о старинный квадратный стол. На столе лежал белый ящик, а внутри был город. Женщина накрыла ящик большим желтым листом бумаги и своим изящным, бисерным почерком стала надписывать адрес. Лауро пытался его разобрать, но это не удавалось, так же как не удавалось разглядеть лицо незнакомки. Он видел лишь ее руки, словно огромные бабочки, порхающие по бумаге. А на экране в черной бездне плясали языки пламени.

Лауро бросился выключать прибор. Один беглый взгляд — и он все понял. Довольно, хватит терзаться химерами. Он продаст зонд Марсианскому комитету по исследованию недр. Там сидят деловые, практичные люди, и, кроме полезных ископаемых, их ничто не интересует. А городом пусть занимаются другие, слишком уж многое для него непонятно. Нет, он немедленно уедет отсюда.

Снова зазвонил видеофон. Он нажал кнопку — и сразу осветился маленький экран.

На экране возникло лицо Герты, репортера городской газеты. Герта посмотрела на него и приложила руку к губам, словно в испуге, но ее голубые глаза лукаво улыбались.

— Что случилось, синьор «Всемирное тяготение»? Ты весь какой-то встрепанный, да и выглядишь еще хуже, чем обычно. Я не помешала?

Ему захотелось громко рассмеяться. К дьяволу бестолковые домыслы и гипотезы!

— Конечно, помешала. Я спал. Что у тебя нового? Вы, журналисты, весьма нелюбезны с нашим братом, учеными.

— Смиренно прошу прощения, но мне необходимо поговорить с вами, уважаемый синьор профессор. Так, значит, я прервала вашу оргию? Ручаюсь, вам снились вино и женщины.

— У тебя поразительная интуиция. Мне снилась рыжеволосая девушка, знаменитая журналистка. Мы были вдвоем и...

— Стоп, попрошу относиться к женщине с должным уважением. Во-первых, ты отлично знаешь, что мне еще далеко до знаменитости. Во-вторых, с тобой в постели я не лежала даже во сне. Ясно?

Лауро поспешно пригладил волосы. Должно быть, у него в самом деле здорово помятый вид.

— Какая уж там постель! Мне ужасно хотелось спать. А в известных случаях надо быть свежим, как огурчик.

И оба расхохотались. Но Герта тут же перестала смеяться, лицо ее стало серьезным. Видно, что-то ее очень взволновало, если она звонит в такой час из автомата.

— Где ты сейчас?

Девушка приложила палец к губам.

— Недалеко. Я мигом примчусь. Оставь открытым гравелифт. До скорой встречи.

Экран тут же погас.

Да, у Герты какие-то неприятности. Но почему она решила обратиться к нему? Верно, случилось нечто весьма важное, если она решается прийти к нему в четыре часа утра. Ведь прежде она не раз отказывалась зайти на чашку кофе даже днем. Нажатием кнопки он открыл дверцу гравелифта. Потом умылся холодной водой и лишь тогда окончательно пришел в себя.

Не успел он вернуться в лабораторию, как туда ураганом ворвалась Герта. Она остановилась посреди комнаты и показала пальцем на панели и экран.

— Эти штуки работают? — подозрительно спросила она.

Потом села на металлическую скамью и откинулась на спинку. Вырез у модного вечернего платья был довольно глубокий. «Видно, таков последний крик моды». Суженное в бедрах платье ниспадало четырьмя складками, отороченными золотистой каймой. Голубые чулки из синтекса выгодно подчеркивали красоту ее стройных ног.

Лауро глядел на нее в каком-то странном волнении. Герта ласково улыбнулась, ей явно хотелось ему понравиться.

— Ну вот я и приняла твое приглашение, — сказала она. — Решила посидеть за рюмкой вина, поболтать.

Лауро поспешно подошел к бару. Кроме бутылки старого виски, ничего нет. Будем надеяться, что она любит виски. Увы, он не похож на своих рафинированных коллег, модников и гурманов, которые угощают даму возбуждающим напитком Ганимеда, по вкусу напоминающим нектар. Но он не особенно доверяет новинкам и остался верен старым привычкам. Герта отпила виски из высокого стакана.

— Вот теперь мне куда лучше.

Она заложила ногу за ногу.

— Послушай, — сказал он. — Объясни, что произошло. Ты меня заинтриговала. Но только сядь иначе, а то я ровным счетом ничего не пойму.

— Хорошо, синьор профессор, — смиренно ответила Герта, одергивая юбку. — Перейдем к делу. — Она как-то странно взглянула на Лауро. — Я не знала, кому обо всем рассказать. Потом решила, что ты один можешь мне помочь.

— Если это неразделенная любовь, то я пас. В пять утра я никого не в состоянии утешить.

Герта вопросительно поглядела на него, словно хотела понять, серьезно он говорит или шутит.

— Итак... — начала она. — Кстати, ты знаком с членами комиссии?

— Если ты имеешь в виду Чрезвычайную комиссию, то из ее состава я знаком только с нашими согражданами. Все остальные — люди приезжие; человек двадцать вообще с других планет. Но при чем здесь комиссия?

— Видишь ли, я была на торжественном приеме в Даниэли. Первый Гражданин давал на террасе ужин в честь уважаемых членов комиссии. Скупища была невообразимая.

Лауро хотел о чем-то спросить, но Герта его опередила.

— Пожалуйста, не перебивай меня, а то я тебе ничего не расскажу. Произошло нечто дикое, нелепое, но все это мне отнюдь не приснилось.

Она взяла в руки недопитый стакан с виски и встряхнула кубики льда.

— Так вот, ровно месяц я неотступно следую за уважаемыми членами комиссии и с некоторых пор вся эта история мне очень не нравится. С месяц назад шеф вызвал меня и с видом доброго, благородного отца любезно сказал:

— Для тебя есть интересное порученьице. Иди-ка, детка, понаблюдай за работой комиссии. Ждать осталось совсем недолго. Послушай, что они там говорят на заседаниях, посмотри, что делают. Словом, собери сведения. Похоже, окончательные решения уже не за горами. Потом напишешь серию статей о Плане Спасения. А уж газета тебе воздаст сторицей. Вот как обстоят дела. Поняла?

Она на мгновение умолкла.

— Я целый месяц ходила на заседания комиссии, видела, как работают, изучают план и дискутируют уважаемые господа ученые, словом, выведала всю подноготную. И должна сказать, синьор профессор, что многое в этой истории мне весьма не по душе. Признаться, я даже боюсь.

«О, Герта и в самом деле взволнована. Это видно уже по тому, что она перестала строить из себя многоопытную девицу и сейчас скорее похожа на ребенка, который в страхе ждет наказания».

— Поведение членов комиссии не просто странно, а бесчеловечно, — продолжала Герта, встав со скамьи. — Они не люди. Да, да!

— Не люди? А кто же?

(«Перепила в Даниэли и теперь мелет чепуху».)

Герта грустно вздохнула.

— Ну что ж, придется рассказать эту историю во всех подробностях. У тебя наверняка пропадет охота смеяться. Когда я стала к ним навещаться, то сразу заметила в их поведении странности. При встрече с посторонними людьми они ведут себя вполне нормально, разумеется, если не считать обычных причуд старых профессоров. Но когда они думают, что за ними никто не наблюдает... тогда они становятся похожими на придорожные столбы. Да и передвигаются они какими-то рывками. Однажды я сама видела, как один из них сидел в кресле, словно пригвожденный к позорному столбу, с расширенными от ужаса глазами. А недавно я случайно попала на их закрытое заседание. В зал я вошла по ошибке, и меня никто не заметил. Я стояла возле стеклянной двери совещательной комнаты. Ну, я заглянула внутрь и увидела совершенно потрясающую картину. Пятьдесят «мудрецов» сидели неподвижно, словно истуканы, и глядели в одну точку; их взоры были устремлены на кафедру. Там стояло нечто похожее на сверкающий шар, излучавший голубоватый свет. Это был не фонарь и не специальный прибор, как мне показалось вначале, а что-то совершенно необычное... Впечатление было такое, как будто живое существо стремительно вертится волчком, колыхается, словно медуза, и светится голубоватым сиянием. В зале присутствовали все старики из комиссии, начиная с президента Шнитцера и кончая Лорисом Эстремотовом.

И все они сидели, смежив веки, точно в трансе. Понимаешь, все до одного! А сверкающий шар тем временем вращался, менял цвета, из зеленого становился светло-голубым, пульсировал... Это было отвратительное зрелище. Я поглядела на них с минуту, а потом по

выдержала, спустилась в бар и заказала рюмку коньяку; у меня было такое чувство, что вот-вот упаду в обморок. Целых четыре дня я беспрестанно обдумывала все увиденное, и мне казалось, что это страшный сон. Вчера я взяла получасовое интервью у Кариски, представителя Венеры в комиссии. Старейший жуир и красавец, он вел себя со мной в высшей степени любезно. И даже отпустил два или три изысканных комплимента. Сразу видно, что он умеет ухаживать за дамами. Так вот, глядя на него, я никак не могла поверить, что такой милый, приятный человек каких-нибудь два дня назад вместе с остальными «беседовал» с зеленым шаром. Да, да, не удивляйся, я уверена, что они именно беседовали, только молча, закрыв глаза...

Лауро посмотрел на нее в растерянности. Если то, что рассказывает Герта, правда, то в мире происходят невероятные истории, и притом не с ним одним. Чрезвычайная комиссия, закрыв глаза, слушает зеленый шар!.. Нет, лучше об этом не думать. Он продаст зонд Марсианскому комитету по исследованию недр, а сам куда-нибудь уедет. Жизнь в городе превращается в сплошной кошмар.

Герта снова налила в стакан виски, отпила немного и, задумчиво глядя на Лауро, но явно не видя его, продолжала свой рассказ.

— Я ничего не могла понять, мне было страшно, но любопытство пересилило страх. И потом, у меня было такое чувство, будто я напала на удачный след. Ничего не поделаешь, профессиональная хватка.

Я все ждала удобного случая, чтобы разузнать побольше, и он представился мне сегодня вечером, с час назад. Я пошла на ужин к Даниэли, там были все мои коллеги-журналисты. Ну, я покрутилась немного среди гостей, а сама твердо знала, что придумаю какую-нибудь уловку, хотя еще не решила какую. Потом вижу,

пришел седобородый старик Шнитцер, как всегда подтянутый и улыбающийся. Первый Гражданин, краснолицый, с обветренной, точно у крестьянина, кожей, поспешил ему навстречу. «Дорогой профессор», «Рад вас видеть, дорогой синьор адвокат», ну и все прочие взаимные любезности. Они прошли к накрытому столу, Первый Гражданин поднял бокал и обратился к присутствующим с приветственной речью. Все повернулись к нему лицом, застрекотали стереовизионные камеры.

— Дамы и господа, — начал толстяк, — просто не знаю, как вас благодарить за то, что вы приняли наше приглашение... — и дальше в том же духе. Ведь мы знаем наизусть его речи, которые, кстати, сочиняет за него секретарь.

Я незаметно проскользнула в лифт и поднялась на пятнадцатый этаж, где находится номер председателя комиссии. Сама не знаю, что со мной тогда творилось, но я должна была это сделать, даже если бы мне грозила тюрьма. Иначе я так и не могла бы удовлетворить свое любопытство, а ты сам знаешь, что для женщины это невыносимая мука.

— Но что ты должна была сделать?

— Проникнуть в номер председателя комиссии. Можешь возмущаться и негодовать сколько хочешь. Я и сама знаю, что это нарушение неприкосновенности домашнего очага и кража со взломом... Молчи, не перебивай.

Она долила виски в свой стакан и продолжала:

— В кармане у меня лежал «слоник» — магнитная отмычка, запрещенная законом. Эту игрушку я прятала, когда вместе с полицией врывалась в дом Тармины, помнишь, того типа, который два года назад убил свою сожительницу, богатую норвежку. Я сунула отмычку за корсаж, благо платье было не слишком открытое, и полицейские ничего не заметили. Так вот, для меня не составило труда отомкнуть замок

в комнате 2120. На этаже не было ни душ, даже роботы-коридорные отправились послушать речь Первого Гражданина. Номер ничем не отличался от остальных. Но вдруг я увидела на полу возле кровати странный ящик сантиметров сорок в длину, похожий скорее на гигантское яйцо, чем на сейф. Я схватила его и обнаружила, что он состоит из двух совершенно одинаковых половинок, из двух, если так можно выразиться, скорлупок. Открыть сейф моей отмычкой было легче легкого. Вероятно, господа ученые после тридцати лет работы и заседаний чувствовали себя в полной безопасности. Яйцо с легким треском разломилось пополам. Внутри я нашла нечто вроде записной книжки. Ее страницы, пропитанные каким-то зеленоватым составом, были испещрены непоцатыми значками и цифрами. Все это я сфотографировала своей камерой. Потом спустилась в другом лифте и вернулась на террасу. Первый Гражданин все еще говорил, я отсутствовала всего каких-нибудь семь-восемь минут.

— Это непростительное легкомыслие! — воскликнул Лауро. — Если не ошибаюсь, ты совершила целых четыре преступления при отягчающих вину обстоятельствах. Не говоря уж о том, что ты нарушила элементарные законы гостеприимства.

— Ваша честь, защита выдвигает серьезные процессуальные возражения. Судья не в состоянии продолжать слушание дела. У него совершенно сонные глаза, он непричесан и вдобавок осмелился предстать перед дамой в весьма неприглядном виде.

Герта засмеялась, подошла к Лауро совсем близко и обняла его.

— Прошу тебя, не будь злокой и помоги бедной Герте. Ведь мы друзья, не так ли?

— Друзья, друзья... что я, по-твоему, должен делать?

Герта звонко поцеловала его в щеку и бросилась к скамье, на которой лежала камера.

— Дорогой мой, ты должен расшифровать эти снимки.

Она открыла стереокамеру и вынула пять зеленых листков, испещренных какими-то пометками.

— Вот фотоснимки, но я в них ничего не смыслю. Похоже на египетские иероглифы. А тут чертежи.

Лауро взял фотоснимки и стал их рассматривать. Внезапно его глаза расширились от ужаса. Он прислонился к стене, не отрывая взгляда от снимков. На первом из них среди множества всяких расчетов и пометок явственно проступали контуры города и план подземной пещеры, обнаруженной его зондом.

— Что с тобой? — воскликнула Герта. — Тебе плохо?

Лауро упал на диван и снова уставился на проклятое изображение. Он не в силах был произнести ни слова.

Герта налила в стакан виски, и Лауро осушил его одним глотком, даже не заметив, что часть жидкости пролилась на рубашку.

— Я так и знала! Да, да, знала! Эти непонятные значки скрывают что-то ужасное. Они пугают тебя. Ты сразу побледнел. И не вздумай утверждать, будто я ошиблась. Я хочу знать всю правду.

Лауро лихорадочно пытался как-то увязать снимки с результатами своих наблюдений.

Чем же тогда занимается Чрезвычайная комиссия? Выполняет секретное правительственное задание? Ну, конечно, так оно и есть. Но пещера, как могли ее вырыть на такой глубине? И почему все это окружено непроницаемой завесой тайны? Ведь работы по Плану Спасения ведутся на средства мирных жителей трех планет! Это отнюдь не военный план. Но тогда против кого же он направлен?

Сразу возникают десятки «почему» и «зачем», и предположения никак не укладываются в стройную систему.

Герта поняла, что за всем этим кроется нечто чрезвычайно странное. Она постарается все разузнать и раздует на страницах газет сенсацию. Черт бы побрал журналистов! С ней надо поговорить серьезно, слегка приоткрыть истину и надавать кучу обещаний. Тем более, что это ему ничего не стоит.

— Послушай, Герта, тебе выпал редкий случай. Я говорю, разумеется, о твоей карьере репортера. Тут пахнет сенсацией. Если мне удастся во всем разобраться, тебя ждет не меньший успех на экранах всемирного телевидения, чем знаменитых актрис и участников полета на Сатурн. Но если ты не слушаешься моего совета и самостоятельно продолжишь расследование, то лишь погубишь дело. Корреспонденты утренних газет, которые пока, будем надеяться, ничего не знают, набросятся на твои новости, словно голодные собаки на кость, и тебе уже ничего больше не достанется. Ясно?

— Откровенно говоря, не очень. Но это не важно. Скажи только, что я должна теперь делать?

Лауро сунул фотоснимки в карман.

— Они мне понадобятся для дальнейшей работы. Возможно, я смогу кое в чем разобраться. Знаешь, я до смерти хочу спать, мне нужно немного отдохнуть. Тебе тоже не мешает выспаться. Ложись-ка на диван, одеяло вон в том ящике. Я лягу в другой комнате. Там кресло-кровать, и я отлично устроюсь. Завтра мы продолжим наш разговор; вернее, сегодня — ведь уже половина шестого. Спокойной ночи.

Герта улыбнулась ему и стала снимать синтексовые чулки. Лауро посмотрел на нее, вздохнул, потряс бутылку. Пустая. А жаль, еще один глоток виски не по-

мешал бы. Он потушил свет и ушел спать в свою комнату. За окнами занималась белесая зоря.

Стереогазета передавала экстренный выпуск: рухнуло здание муниципалитета. Дневной выпуск вышел под огромными красно-черными шапками и был целиком посвящен новой трагедии.

Сидя в кресле-кровати, Лауро укрепил стереогазету на обычной подставке. Впрочем, при желании он с тем же успехом мог бы прикрепить ее к стене или разложить на столе.

На девяти полосах огненными буквами вспыхивали заголовки: «Страшная катастрофа! Обрушились здания на улице Фарсетти! Тридцать шесть убитых и сто шестьдесят раненых!» А подзаголовок гласил: «Героическое поведение Первого Гражданина. Пренебрегая смертельной опасностью, он покинул здание последним. Советник по делам спорта, у которого не оказалось спасательного пояса, выпрыгнул с двенадцатого этажа и бесследно исчез в иле Канале Гранде. Не угрожают ли нам новые подземные толчки? В городе паника».

Затем на семи полосах шло подробное описание трагического события, а под конец один за другим — снимки ужасной катастрофы: великолепные цветные стереофотографии и короткий цветной фильм о различных фазах обвала. На экране берег в районе Карбон раскололся, точно гнилой орех, и исчез в воде, увлекая за собой моторные лодки и гондолы, стоявшие на причале у здания муниципалитета. Затем возник фасад здания, снятый снизу; по нему быстро ползла огромная трещина. Внезапно здание разломилось надвое, и трубы, кирпичи, камни лавиной обрушились на людей, выбегавших из центрального подъезда. Объектив с потрясающей точностью запечатлел все фазы обвала. Вот

люди со спасательными поясами выпрыгивают из окон и на миг повисают в пустоте. Было видно, как депутат Випченцо Гастальди, неловко осенив себя крестным знамением, прыгнул с балкона.

«На предстоящих выборах, — подумал Лауро, — этот снимок Религиозная партия Единства Трудящихся (РПЕТ) наверняка использует, чтобы околпачить избирателей». Снова замелькали патетические заголовки: «Траур на всех планетах. На Луне собирают деньги в фонд помощи пострадавшим. Рабочие Пояса Астероидов в знак скорби прекратили на месяц работу. Кто виноват в трагедии? Документированные обвинения. Партия Роботов против земной научно-технической интеллигенции и правительства. Власти пренебрегли предупреждением рабочего-робота. Ведется парламентское расследование». После серии стереофотоснимков было передано интервью с роботом 431/Н/11, который решительно заявил: «На полу зала заседаний давно появилась трещина, но муниципальные власти не придавали этому никакого значения». Лицо интервьюера в тот миг, когда он протянул роботу микрофон, озарилось торжествующей улыбкой.

В статьях подробно рассказывалось, как произошел обвал, но уже во втором выпуске газеты этому событию отводилось всего четыре полосы. Главное же внимание уделялось футбольному турниру — стереогазета полностью показала матч между сборной всех планет и футбольным клубом Тибета. В третьем выпуске стереогазеты о рухнувшем здании муниципалитета говорилось уже совсем немного, а на первой полосе красовался гигантский заголовок: «Великая певица говорит: „Я хочу родить еще шестерых, а затем снова вернуться на сцену“». Остальную часть полосы занимала реклама. Жизнерадостный Валерио Мандера, ослепительно улыбаясь,

обещает: «Биосолнечные печи — это вечное лето на Лагуне».

Лауро бросил газету на пол. Сразу три выпуска, да еще цветные фильмы. Подробнейшие сведения обо всем, что происходит в Солнечной системе, за исключением истинно важных событий. Впрочем, что теперь считать важным?

Он посмотрел на часы. Десять вечера, а Герты все нет. «Подожду еще несколько минут и, если она не придет, пойду один». Нельзя терять ни минуты, ведь в его распоряжении только два часа. Правда, он сам начал сомневаться. Расшифровать заметки Шнитцера оказалось делом нелегким. Язык был совершенно неизвестен Лауро, но, к счастью, больше половины текста занимали математические формулы. А уж в математике Лауро кое-что смыслил, хотя здесь речь шла о довольно запутанных проблемах. Начал он с размеров «дыры», так как знал их по измерениям с помощью зонда. Те же данные были и в записной книжке председателя комиссии. Затем, прибегнув к методу интерполяции, Лауро благодаря отличной математической смекалке сумел разобраться и в остальном. И тогда он немедленно видеофонировал Герте в редакцию и попросил тут же прийти к нему. Ведь осталось всего два часа, а то и меньше.

Лауро со вздохом откинулся на спинку кресла-качалки. «Последние дни были слишком тяжелыми. Так я долго не продержусь», — думал он, мерно покачиваясь в кресле.

Когда он понял, что их ждет, то в страхе помчался в муниципалитет к Первому Гражданину. Во-первых, тот далеко не глуп, во-вторых, это касается непосредственно его самого, к тому же каждый дорожит своей шкурой. Но Лауро ничего не добился.

Связанный тысячью питей с повседневными политическими интригами и сложными финансовыми махинациями, Первый Гражданин умело пускал в ход всю свою хитрость, лишь когда затрагивали его денежные интересы. Да и как объяснить ему всю трагичность положения, если Лауро сам ясно не представляет себе, где выход из этого проклятого лабиринта? Пришлось отказаться от нелепой затеи заручиться поддержкой Первого Гражданина.

Ключ к раскрытию тайны лежит где-то в глубине, под городом. Впрочем, этим ключом владеют и члены комиссии, но они, очевидно, не властны над собой. Возможно, это гипноз, самовнушение или что-либо в этом роде, но факт остается фактом — вот уже тридцать лет комиссия работает совершенно впустую.

План Спасения напоминал покрывало Пенелопы, его постоянно ткали и тут же распускали. В этом не было никаких сомнений. Однако Шнитцер и другие члены комиссии знали о другом тайном плане, знали во всех подробностях; им были известны даже расчеты и сроки исполнения. Герта сделала огромное дело, но, увы, пользы от этого никакой. Чтобы убедить власти принять меры, понадобились бы месяцы, а в распоряжении Лауро всего два часа. Правда, оставалось крайнее средство, но нужно действовать без малейшего промедления. Тогда есть хоть крохотная надежда. Ну что же, если Герта опоздает, он пойдет один.

В ту же секунду раскрылись дверцы лифта. Появилась Герта: волосы уложены косой вокруг головы, через правое плечо — стереокамера. На ней был комбинезон из аммонийтекса с металлическими нитями, в руке она держала большую битком набитую сумку из аспекса. Светло-зеленые сапожки доходили Герте до колен.

— Садись и слушай меня внимательно, — сказал Лауро. — Так вот, Герта, мы рискуем головой.

— Дорогой мой, я это поняла уже из того, что ты сказал мне десять минут назад по видеофону. В редакции все поспеходило с ума. После того как рухнуло здание муниципалитета, только и слышно, что о новых толчках и обвалах. Похоже, во всем городе осталось не больше тысячи человек.

— И правильно делают, что бегут. Тебе тоже лучше уехать отсюда. Пока есть время.

Герта села рядом с ним в качалку. Она утратила всю свою уверенность. Ее лицо побледнело, и сейчас она казалась испуганной девочкой.

— Нет, ведь мы оба впутались в эту историю. И раз ты остаешься, то и я никуда не уеду. И потом мне не терпится узнать, какой будет конец, хоть я и ужасно трушу.

— Тогда решено. Будем действовать вместе и вместе будем дрожать от страха. Но сначала ты должна узнать всю правду.

Он сверил часы — двадцать минут одиннадцатого. Осталось час сорок минут.

— Так вот, в одном из районов города, где именно — не знаю, имеется реле или, вернее, датчик положения Земли. Конструкция датчика мне неизвестна, но я знаю, что он настроен на космический ориентир и замкнет цепь, когда наша планета будет находиться в определенной точке своей орбиты. Не знаю уж, почему именно тогда, но это абсолютно точно. На основе данных из записной книжки Шнитцера я произвел сложные расчеты. Датчик сработает ровно в полночь, иначе говоря через час сорок минут. На принесенных тобой снимках местонахождение датчика указано с помощью совершенно необычных математических выкладок и уравнений. Надеюсь, что я расшиф-

ровал их правильно, но речь идет об абсолютно неизвестном нам разделе математики, удивительно простом и одновременно абсурдном. Если я уцелею, то, похоже, войду в историю как математический гений нашего века, а мой зонд сочтут лишь невинной забавой, прихотью ума величайшего ученого по имени Лауро.

Ну и задал же мне головоломку этот Шнитцер! Представь себе, что муравьи или пчелы вздумали бы выразить свои мысли с помощью математических формул. Это была бы математика, соответствующая их представлениям о мире, их образу жизни; нам нелегко было бы ее понять. Не знаю, улавливаешь ли ты нить моих рассуждений, ведь это так трудно объяснить. Но вернемся к нашему датчику. Когда он сработает, возникнет силовое поле неизвестного характера. Если я не ошибся в расчетах, это поле охватит город куда теснее, чем стальной пояс. Все жилые кварталы и затонувшие районы Исторического Центра города, начиная от старой Морской станции и кончая улицами Новой Джудекки, будут как бы стиснуты мощным энергетическим поясом. В то же время весь Исторический Центр уйдет под воду. Но это произойдет не постепенно, как случилось с районами Джудекки и Каннареджо. То были лишь пробы, предварительные эксперименты. На этот раз погружение будет молниеносным; думаю, что оно продлится не более одной десятой секунды.

Ну и наконец, еще одна совершенно неразрешимая загадка. Под нами на глубине двух тысяч семисот метров я обнаружил гигантскую яму, своего рода пещеру, непонятно кем построенную. Пещера на таких глубинах! Нам это кажется нелепостью, но, возможно, пчелы и муравьи не видят здесь ничего странного. Так или иначе, размеры, форма и положение «ямы» совпадают с периметром города. Словом, пещера похожа на пу-

стую коробку или столовую ложку, куда, очевидно, хотя «положить» весь Исторический Центр. Я сказал «ложку», потому что трудно подобрать более подходящее слово. Знаешь, совсем недавно я снова произвел проверку и обнаружил, что «ложка» поднимается вверх. В девять часов вечера она находилась уже на уровне пятисот метров. Потому-то город и трясет, и уже обрушилось Ка'Фарсетти. Сейчас «ложка» паверняка остановилась метрах в пятидесяти от поверхности.

Герта впиалась в лицо Лауро застывшими от ужаса глазами, сумка выпала у нее из рук, но он сделал вид, будто не замечает ее смятения.

Продолжая свои объяснения, он одновременно стал собирать в рюкзак вещи, не забыв положить и лучевой пистолет.

— Твои друзья из комиссии ни в чем не виноваты. Кто-то взял над ними полную власть и, не представляю уж как и каким образом, крепко держит их в руках. Они подчинились чужой воле. Голубовато-зеленый шар, который ты увидела тогда на столе, несомненно, кое-что знает.

Он последний раз окинул взглядом лабораторию. Залитые бледным неоновым светом безмолвные комнаты казались самым надежным местом на свете.

— Мы должны отыскать это реле. Возможно, нам удастся отключить его, и тогда цепь не замкнется. Но я сильно сомневаюсь.

Улицы города были темны и печальны, моросил мелкий дождик. Капли падали на мостовую, и ее древние камни стали скользкими и блестящими, а в расщелинах между ними уже скопились лужицы дождевой воды.

Прилив только что схлынул, повсюду были разбросаны морские водоросли и гниющие отбросы.

Лауро шагал мимо полуразрушенных каменных фасадов, похожих на обнаженные кости вымерших животных, мимо скорбных площадей, где окна домов были распахнуты настежь, а погасшие буквы рекламных вывесок сверкали от капель дождя. По каналам проплывали таинственные темно-серые тени.

Герта молча шла рядом, тесно прижавшись к другу. Ее походка, прежде легкая и пружинистая, чем-то напоминавшая Лауро покачивание лодки на волнах, стала тяжелой. В ночной тьме Герта казалась маленькой и беззащитной. Ее тонкий профиль, нежное, истощенное дождем лицо были как бы зримым символом, знаком близкой гибели полуразрушенного города.

Родной город всегда представлялся Лауро в облике женщины, напоминал ему прекрасные, словно картины старых мастеров, лица юных венецианок, которые он видел прежде в окнах старинных дворцов. Гибким и упругим телом женщины всегда казались ему чудесные мосты и женской грудью — высокие купола больших церквей, пламенеющие в лучах заката.

Сейчас, темной сентябрьской ночью, город-женщина покоится на морской глади. Тысячи лет назад возник он из воды и уже от колыбели его преследовало зло — вода его породила, вода и погубила.

Жители покинули город, удрали, словно крысы с тонущего корабля, бросив древние острова, мраморные дворцы которых были всего лишь эфемерным признаком жизни. После долгих лет пышных и шумных празднеств, цветения флагов и гирлянд город чудесной мечты опустел и стал безлюдным. Подобное случалось не впервые. История человечества знает не мало примеров, когда целые города исчезали в морской пучине, утопали в иле и пльвуне. Легендарный Метаманк, еще более древний и некогда более могучий, чем Венеция, в одну ночь поглотило море, от города

не осталось и следа. Не сохранилось ни огромных площадей, воспетых в старинных хрониках, ни церквей, ни дворцов, ни гробниц первых дождей, которые, согласно легенде, покоились в золотых саркофагах, а сбоку лежали их мечи. Над всеми древними затонувшими городами — Метамауком, Аммианом, Констанциакон — бесстрастно катит свои волны море — их отец, супруг и убийца.

Возле Сан Томá они сели в автоматическую гондолу-паром, и черная лодка перевезла их на другой берег. Позади темным холмом вырисовывались дворец Фоскари и развалины моста Ринальто, а с другой стороны руины дворца Ка'Фарсетти длинной тенью опустились на канал.

Они торопливо поднялись по маленькому пластмассовому мостику и в последний раз взглянули на берег. Вода пенилась, что-то шептала и приглушенно всхлипывала, совсем как человек. Волны ласкали потрескавшиеся ступени порталов, накренившиеся стены домов, гнутые причальные столбы, что по двое, по трое высились на берегу. Было время «затишья», когда на какие-нибудь четверть часа вода замирает и каналы превращаются в гигантское зеркало, в котором отражается весь город.

Лауро взял Герту под руку и повел дальше. Да, не только капли дождя орошали сейчас ее лицо. Они шли вдоль безлюдных площадей Сант'Анджело и Кампо Манин. Здесь находилось здание вечерней стереогазеты, но сейчас оно было закрыто на замок, даже сторож и тот куда-то ушел. Они миновали площадь Сан Лука и дошли до берега Орсеоло, где стоявшие рядом гондолы мерно поскрипывали, а их фигурные носы блестели, словно шпаги, зря выхваченные из ножен.

Вот и площадь Сан Марка, напротив здание Новых Прокуратий и обломок рухнувшей Колокольни,

так и не восстановленной. А дальше руины Базилики, напоминающей сейчас фантастическую челюсть; каждый ее зуб — это колонна или кусок полуобвалившейся стены. Лауро посмотрел на водосточные каналы и увидел, как колыхнется там вода. Скоро они с Гертой услышат характерный шум прилива, а через полчаса площадь и развалины церкви накроет неуправляемый вал.

Одиннадцать часов сорок пять минут — нужно поторопиться. Если расчеты точны, то реле должно быть неподалеку, среди развалин. При этом оно наверняка тщательно замаскировано — ведь район буквально загроможден туристами. Лауро предусмотрительно взял с собой рюкзак, где лежал электронный детектор — своеобразный ультразвуковой разведчик, который обязательно отыщет таинственное реле.

Лауро и Герта подошли к Базилике: двери были распахнуты настежь. Внутри храма царили темень и полнейшая тишина. На уцелевших стенах, в просветах между пилонами, на которых прежде покоился купол, еще можно было различить золотистую лазурь старинных мозаик.

Десять минут до полуночи. Лауро вынул из рюкзака лучевой пистолет и укрепил его на поясе. Тем временем Герта вытащила тяжелый детектор, и Лауро опустился на колени, чтобы удобнее было его настраивать. Он огляделся вокруг: все спокойно, полуразрушенные пилоны кажутся огромными стволами безлистных деревьев. Через распахнутые ворота Сант'Издоро, откуда они вошли в храм, видно, как поблескивает неуклонно прибывающая вода.

Лауро повернул ручку, и послушный детектор негромко загудел. В зыбком красноватом свечении стал виден циферблат с делениями, по которому забегала тоненькая стрелка. Она должна была остановиться и

указать, где находится голубоватый шар или любой другой источник энергии в радиусе пятидесяти метров. Лауро застыл в неподвижности, напряженно следя за стрелкой. Он крепко сжимал в руке пистолет и отчетливо слышал за спиной учащенное дыхание Герты.

Внезапно детектор заглох. Ни вспышки пламени, ни толчка, ни свиста, просто прибор перестал работать. Лауро, проклиная все на свете, стал лихорадочно нажимать кнопки, проверять предохранители. Но детектор был мертв, стрелка замерла на нуле.

Раздался отчаянный крик Герты; Лауро вскочил, навел пистолет. «Объект» сверкал, словно крохотное солнце, повисшее в пустоте. Большой зеленовато-голубой шар, похожий на живое существо, спокойно вращался под сводом храма.

Лауро спустил курок: раз, два. И тут земля угрожающе заколыхалась. Волны прилива ворвались в церковь, бурно пенясь у портала. Ровно в полночь возникло мощное силовое поле. Лучевой пистолет тоже отказал, стал бесполезной игрушкой. Лауро в ярости запустил им в шар, но промахнулся. Над ними все ярче сверкал огромный хрустальный кубок, опрокинутый вверх дном. Лауро бросился с кулаками на энергоголовушку, но с тем же успехом можно было бороться с прозрачной стальной стеной.

Герта неподвижно распростерлась на полу. Еще мгновение — и город провалился в пропасть, в гигантский колодец с гладкими стенками. Провалился вместе с дворцами и руинами церквей, с черными гондолами и немногими еще не покинувшими его жителями.

Треск удара о скалы; «ловушка» сработала безотказно. И сразу — крошечная тьма и безмолвие. Прежде чем потерять сознание, Лауро все же понял, что

прыжок с поверхности земли в гиперпространство не смертелен и что сплошное «кольцо» энергии надежно защитит его, Герту и весь город.

Морская вода проникала в новую лагуну через тысячи каналов, которые прорезали длинные острова, защищающие город от подводных течений. Нижний бледно-розовый пласт базальтовых пород казался полированной мраморной плитой.

Огромное голубое солнце нестерпимо сверкало, словно вобрав в себя все краски дня.

Рождался сказочный город с золотыми куполами и островерхими крышами многоэтажных домов, устремленных в голубые выси планеты. Казалось, прямо из моря возникали все новые и новые острова, в воздухе то и дело застывал негромкий металлический лязг. По телу города-гиганта зазмеились зеленые вены каналов, и тут же невидимая рука перекинула над ними мосты. В поднебесье закружились и радостно запели мириады золотистых эльфов.

Город, древний и в то же время новый, покоился на скальной постели, улыбаясь, точно счастливая женщина. На теле его навсегда запечатлелись следы разрушений и рац, но оно останется вечно молодым, таинственно неподвластным времени.

В синеватом небе, задевая крыши самых высоких домов, плыла тонкая белая спираль. Воздух, прозрачный, как хрусталь, наполнился волшебными серебристыми звуками. Белая спираль миновала Центральную площадь и извилистый Канале Гранде, оставив на крышах и колоннах небоскребов красочные гирлянды из пены.

Хор голосов уносился все дальше и выше, в небо, и наконец уплыл за берег моря и острова, куда-то вдаль, к необъятному горизонту.

Город остался наедине с великой тишиной новой Планеты, подобный покинутому и безмолвному кораблю в безлюдной гавани.

Из Центрального Разведывательного отдела Третьей туманности

17-й период вращения (время всемирное унифицированное)

Инспекционному отделу Центрального Управления

К сведению Генерального Инспектора

(Передано по гиперпространству. Крайне срочно, совершенно секретно)

Получив Ваше сообщение, подчиненный мне отдел предпринял розыски, действуя в обстановке строжайшей тайны, что позволило тут же добиться блестящего успеха.

Расследованием установлено:

1. Преступных связей между нашими агентами и членами шайки не существует.

2. Преступники орудовали также на Седьмой туманности и скоплении Звезд 15.

3. На Третьей планете, о которой говорится в Вашем письме, было совершено еще несколько краж, правда, значительно меньших размеров. Главари и члены шайки уже арестованы и впредь до особых Ваших распоряжений помещены в одиночные камеры нашего отдела.

4. При тщательном осмотре подведомственной мне планеты, то есть Пятой планеты 12-й Системы, обнаружен целый галактический «музей», созданный преступниками и укомплектованный предметами, похищенными в мирах «С».

Прилагаю исчерпывающий список этих предметов, находящихся в полной сохранности. Что же касается

Третьей планеты, то шайка, кроме вышеуказанного города, похитила также монумент, именуемый «Колизеем», и несколько пирамид цивилизации типа «F», именуемой также египетской.

Преступники, лихорадочно работая днем и ночью, сумели заменить вышеуказанные монументы абсолютно точными копиями из пластибетона.

5. Подсчитано, что преступная деятельность длилась на протяжении трех периодов вращения. Доходы шайки от мошеннической деятельности в одной только зоне Центрального Управления превышают восемьсот миллиардов кредитов. Часть этих денег, спрятанных мошенниками, найдена при обыске.

6. Я твердо убежден, что Галактический музей древнего искусства, как его называли преступники, должен работать и впредь, разумеется, под контролем Центрального Управления. Полагаю, что если на всепланетной Ассамблее мы объявим о создании такого музея, это весьма поднимет престиж Разведывательного Управления.

7. Двое антропоидов мужского и женского пола, уже развернувших свою деятельность на Пятой планете, выразили желание остаться там навсегда. По всей видимости, они отлично обосновались на новом месте, где выполняют функции сторожей музея и гидов для многочисленных туристских групп. Женщина готовится стать матерью, и это дает основание предположить, что население этой ныне полупустынной планеты со временем увеличится. К тому же оба антропоида утверждают, что естественные условия там весьма схожи с условиями их родной планеты.

8. Что же до города, то шайке мошенников удалось удачно разместить его в искусственной лагуне, почти идентичной прежней, но при этом куда более надежной. Антропоид мужского пола, опрошенный от-

носпетельно того, желательно ли вновь перенести город на Третью планету, высказался резко отрицательно, пояснив, что это означало бы погубить весь город.

Остаюсь в ожидании Ваших распоряжений.

Р. С. Лично я убежден, что дальнейшее расследование лучше всего прекратить. Надо в торжественной обстановке открыть Правительственный галактический музей древнего искусства. Антропонда мужского пола стоило бы зачислить в штат Министерства просвещения и искусств на должность дипломированного сторожа. Не мешало бы также (но это, понятно, не входит в мою компетенцию) повысить размер платы, взимаемой при посещении планеты-музея. Это, кстати, придаст музею большой вес и значимость, каких он не мог иметь ранее в силу частного характера данной коммерческой инициативы. Следует также учесть, что финансовые потребности нашего правительства значительно превышают запросы шайки межпланетных воров.

Остаюсь с совершеннейшим почтением в ожидании Ваших дальнейших распоряжений.

Начальник сектора Третьей туманности

НОЧНОЙ МИНИСТР

— Понимаю... понимаю... — швейцар окинул его бесстрастным взглядом. — Есть три канала: ординарный, срочный, сверхсрочный. Какой вы предпочитаете?

— Сверхсрочный! И как можно быстрее!

— Понятно. Тогда пожалуйста вон туда.

Незнакомец двинулся в указанном направлении, но его остановил окрик швейцара.

— Куда вы? Сначала возьмите бланк.

Незнакомец встал в очередь. К счастью, он был всего лишь четвертым. Получив, наконец, доступ к окошку, он начал:

— Мне надо поговорить с...

— Меня это не интересует. Я продаю бланки.

— Дайте один сверхсрочный.

— В окне рядом.

— А вы сами не могли бы дать этот бланк?

— Вы что, читать не умеете? Тут же ясно написано.

— Молодой человек, не задерживайте других! — возмущилась старушка, стоявшая за ним.

Незнакомец поспешно зашагал к другому окну.

— Встаньте в очередь! — взвизгнул мужской голос.

— Но я уже выстоял...

— А мне какое дело? — крикнул мужчина из самого конца очереди.

Полицейский спокойно объяснил:

— Таков порядок.

Незнакомцу пришлось встать в длиннющую очередь. Он с трудом сдерживался. Наконец он добрался до окошка и получил красный бланк.

— Тысяча двести лир.

— Дороговато!

— Триста за срочность, пятьсот за сверхсрочность и четырехста — почтовый налог. Вас не устраивает?

Незнакомец, не говоря ни слова, отошел и поискал взглядом свободный стол. Потом, размахивая красным бланком, помчался к столику в углу зала, сел и принялся заполнять бланк, пропуская некоторые графы. А теперь куда?

Всю правую стену занимал огромный устав. Он состоял из тридцати трех параграфов и девяноста семи пунктов. Незнакомец терпеливо стал его изучать, но принужден был сдаться уже на пункте пятом параграфа три. Он в отчаянии огляделся и увидел окошко с надписью «Справочное бюро».

У окошка тоже стояла длинная очередь. Тогда он снова подошел к швейцару, который углубился в кроссворд.

— Простите...

Окинув его недоброжелательным взглядом, швейцар буркнул:

— Обратитесь в справочное бюро.

Незнакомец покорно встал в хвост. Через четверть часа он оказался у окошка.

— Кто же так заполняет бланк?! Взрослый человек, а ум как у младенца... — Девушка в окошке правила с такой быстротой, что незнакомцу оставалось лишь изумляться, как она успевает разобрать написанное.

— Ну, знаете, с вашей аккуратностью и точностью вам бы только звездолетом управлять. Воображаю, что это будет!

— Известно ли вам, кто я такой? — воскликнул незнакомец, тщетно пытаясь вытащить значок из петлицы и показать его служащей.

— Меня это не интересует. Теперь все стало важным. Мне время дорого, и если вы небрежно заполнили бланк, тем хуже для вас, — ледяным голосом сказала девушка.

Незнакомец в бешенстве схватил красный бланк и заметался по комнатам. В глубине коридора он увидел курьера и подбежал к нему.

— Извините.

Курьер даже не поднял головы.

— Извините, — повторил незнакомец. Но тут он заметил, что курьер заполняет анкету космототализатора.

— Значит, и вы не прочь рискнуть, — сказал он, притворяясь, будто ему это очень интересно. — А вы играете по какой-нибудь системе?

Теперь курьер поднял голову:

— Как по-вашему, выиграет «Андромеда» у «Кентавра»?

Незнакомец на секунду задумался.

— Корабли примерно одного класса. Надо бы узнать состав экипажей.

— Один мой друг придумал особую систему. Прежде он служил в космической полиции. Я как-то потерял его из виду.

— Когда это было?

— Лет семь назад.

— Давненько. Но если хотите, я могу разыскать вашего друга.

— В самом деле?! — Курьер испытующе поглядел на него. — Вы космонавт?

— Капитан Владимир Кларк.

— Впервые слышу. Вы в какой космокоманде играете?

— Я не играю. Я офицер действительной службы. Послушайте, куда я должен отнести этот бланк?

— Перед уходом заглянете ко мне?

— Конечно, конечно. Я ведь тоже болельщик. Но как же быть с бланком?

— Идемте.

Курьер повел его по коридору, затем отворил дверь и, махнув рукой в сторону лестницы, сказал:

— Второй этаж, комната пятнадцать.

Капитан Кларк поднялся, нашел нужную комнату, постучал. Ему открыла темноволосая женщина в белом платье без следов косметики на моложавом лице.

Она буквально вырвала у него из рук бланк и жестом предложила сесть.

— Ваши документы.

Кларк протянул свои бумаги, женщина мгновенно сунула их вместе с бланком в желтую папку и стала надписывать обложку.

— Имя и фамилия?

— Я же отдал вам все бумаги.

— Повторяю, ваше имя и фамилия?

— Владимир Кларк.

— Кларк — имя или фамилия? А то теперь ничего не разберешь.

— Фамилия, — со вздохом ответил капитан. — Послушайте, дело очень срочное. Речь идет о...

— Не тратьте слов попусту. Красный бланк говорит сам за себя. Доктор примет вас, как только освободится.

— Но при чем тут доктор?

— Вы меня удивляете. Послушайте доброго совета, ведь я вам в матери гожусь, никому больше не задавайте такого дурацкого вопроса. Вы представляете себе, сколько людей приходят к нам со всякой ерундой? Наш отдел совершенно необходим, чтобы выпроваживать этих маньяков.

— Но я...

— Ах, вы не знаете, сколько их развелось!

— Поймите же, я...

— Успокойтесь. Не надо волноваться. Возьмите себя в руки, не то провалитесь на психотестах.

— Но я...

Медицинская сестра осталась неумолимой. Она встала и вышла, не дав ему даже объяснить, что он...

Но вскоре дверь открылась, и сестра, улыбаясь, сказала:

— Входите!

Кларк вошел.

— Доктор, я... мне... — обратился он к врачу.

— Все понятно, — прервал его психоаналист. — Усаживайтесь поудобнее. Ведь вы, наверное, не впервые проходите тест?

— Конечно, нет! Я как раз и хотел сказать...

— Отлично. Садитесь вот сюда. Часы на стене абсолютно точные. Когда все будет готово, вы засечете время. Бланки опускают вот в эти отверстия. Помните, тут три ящика: желтый, красный и синий. Красный бланк следует опустить в красный ящик, синий...

— Мне все ясно, — прервал его Кларк. — Но я...

— Временем мы вас не ограничиваем.

— Но нельзя терять ни секунды, речь идет о жизни и смерти.

— Меня это не касается. Я врач и только врач. Не волнуйтесь и спокойно заполняйте бланки.

И он удалился. На миг у Кларка появилось желание бросить все к черту и без оглядки бежать отсюда, но он тут же взял себя в руки. Сведения слишком серьезны, ему нужно поговорить лично с Генеральным директором — другого выхода нет. С того далекого тысяча девятьсот шестидесятого года, когда электронный мозг доказал, что он способен за четыре дня выполнить работу, которую восемьсот бухгалтеров делают целый месяц, бюрократов охватила паника. И вот, опа-

саясь, что ее уничтожат, бюрократия завладела электронными устройствами и развила вокруг них такую деятельность, что число служащих пришлось удвоить.

Связаться с Директором Министерства Межпланетных дел можно было двумя способами: послать письмо или переговорить лично. Капитан Кларк уже писал, но ответа так и не получил.

Тремя днями раньше он направил в министерство со специальным заданием своего второго пилота Суареца, но тот исчез. Теперь он сам пришел сюда и уже потерял без толку больше часа.

Кларк в бешенстве занялся тестами; ему нередко приходилось иметь дело со всякими вопросниками; он надеялся, что быстро управится и на этот раз.

Итак, каким путем должен идти по лабиринту ваяц, чтобы выбраться на лужок? Э, совсем не так, он все спутал. А, черт с ним! Он взялся за второй тест. Назовите приборы пилотирования. Ну, это легче легкого. Затем шли длиннейшие ряды цифр, одна другой мельче. Надо было подчеркнуть цифры одинакового размера. Тоже не сложно. Он инженер и привык иметь дело с цифрами. Вот эта, эта и эта — одинаковые. О, дьявол, опять ошибся! Чтоб им подавиться, этим психологам! Можно подумать, что от психотеста зависит, примут его на работу или нет.

Он поспешно, не особенно задумываясь, заполнил бланки всех тестов и опустил их в цветные ящики. Довольный собой, постучал в дверь. Медицинская сестра провела его в зал ожидания.

Кларк опустился в мягкое кресло, стараясь сохранять хладнокровие. Он курил одну сигарету за другой и вспоминал о доме, о Марии. Прошел час. Он вскочил и вне себя бросился к двери.

— Зря нервничаете, — заметил мужчина, сидевший в кресле рядом. — Ничего не поделаешь, всем

приходится ждать. Счастье еще, что изобрели сверх-быстрый электронный мозг, иначе мы бы тут сгнили, прежде чем эти господа удосужились нас принять!

Он показал на остальных ожидавших, четырех мужчин и женщин, которые в ответ только тяжело вздохнули, воздев глаза к потолку.

— Сущее безумие! — пробормотал Кларк.

— Нет, просто бюрократия, — сказал весьма элегантно одетый пожилой господин, державший на коленях огромную папку.

Наконец Кларка вызвали.

— Но позвольте... это несправедливо. Явная протекция, — загорячился элегантный господин.

— Этому господину надо вторично пройти тест, — оборвала его сестра. — Он все спутал. Красный бланк сунул в желтый ящик, а желтый в красный. Уму непостижимо! Доктор просто из себя вышел.

Кларка ввели в кабинет к врачу, и тот несколько минут отчитывал беднягу за небрежность и ошибки.

— Довольно! — рявкнул Кларк. — Я не собираюсь снова возиться с вашими тестами. Моя фамилия Кларк, я офицер действительной службы и давно сдал все экзамены.

Врач раскрыл желтую папку.

— Верно, вы капитан звездолета и не должны проходить тест. Это все фокусы доктора Пьяченцы!

— Что же теперь делать?

— Да, пренеприятная история. — Врач нервно забарабанил пальцами по столу. — Значит, доктору Пьяченце известно, что вы старший офицер? Вы в этом уверены?

— Так он же не дал мне слова вымолвить.

Психоаналист подозрительно поглядел на него и сокрушенно пожал плечами. Потом снял телефонную трубку и набрал номер, бормоча:

— Пусть теперь пораскинет мозгами главный врач. Я вас направлю прямо к нему.

Он объяснил главному врачу, что произошло, и вручил Кларку папку с бумагами. Кларк должен был отнести ее в комнату двадцать семь.

Главный врач окинул его неприязненным взглядом.

— Как это вы умудрились все запутать?

— Я тут ни при чем! Мне даже рта раскрыть не дали! Послушайте, мне дорога каждая секунда. Я должен немедленно поговорить...

— Куда и почему вы торопитесь, меня не интересует. Произошла ошибка, а в руководимом мной отделе это недопустимо. Ваши бланки поступили в электронный мозг! Объясните, что вы там натворили?

— Ровным счетом ничего! — Кларк повысил голос. — Целое утро я ношусь из одного отдела в другой. А еще говорят, что личный приход ускоряет дело.

— Если бы все соблюдали Устав, то самые запутанные вопросы решались бы за час. Между тем никто не идет нам навстречу. Все даже гордятся полным незнанием Устава. Это антиобщественное поведение, уважаемый.

— Капитан, черт возьми! — крикнул Кларк.

— Успокойтесь. — Главный врач был явно обескуражен. — Действительной службы?

— Вот именно.

— А почему вы сразу не сказали? Вы свободны. Можете идти куда угодно. Время, мой капитан, дорого не только вам одному, но и служащим моего управления. Вот так-то. Забирайте бумаги — и до свиданья!

Кларк схватил бумаги и выбежал в коридор, еле сдержавшись, чтобы не броситься на главного врача с кулаками. Он с трудом отыскал курьера-болеельщика и рассказал ему про свои злоключения.

— Вы правы, капитан, тут сплошной хаос. Один отдел подсиживает другой. Я сам обо всем позабочусь. Дайте ваш бланк.

Выяснилось, что красный бланк, конечно, задержали в Отделе психоанализа.

— Теперь уж его обратно не выудишь. Даже просить бесполезно. Все бланки пронумерованы. Лучше возьмите новый. Потом приходите ко мне, мы вместе закусим, и вы расскажете об этих чертовых космических двигателях.

Кларк снова встал в очередь, заполнил бланк и вернулся к курьеру.

— Зачем вы купили сверхсрочный? Вот все так делают! Поверьте мне, уж лучше взять простой.

Кларк в полном изнеможении поплелся к окошку, купил желтый бланк, заполнил его и отнес курьеру.

Курьер отвел Кларка в подземелье номер один. Здесь в трех длинных очередях толпились люди, жаждущие поскорее опустить бланки.

— Видите? — с торжеством воскликнул курьер. — К желтому ящику всего человек двадцать. Встаньте в хвост, а я скоро приду.

Кларка охватила дикая ярость: все утро пропало зря! Он разглядывал мрачные лица ожидающих. Время от времени они со вздохом поворачивались друг к другу, ища сочувствия у соседа.

— Следующий раз захвачу с собой обед, — сказала одна женщина.

— Зачем, вполне можно пообедать и тут!

— Какой вы прыткий! А ждать вызова в подземелье номер два вы не намерены?!

— А ведь верно! — Кларк об этом как-то не подумал. Ярость сменилась страхом, что он опоздает.

Не успел он отойти от ящика, как увидел курьера; тот весело ему подмигивал.

— Пошли, капитан.

— Нам надо спешить в подземелье номер два.

— Поверьте моему слову, у нас еще добрый час времени.

В ресторане Кларк невпопад отвечал на вопросы курьера, а тот за обе щеки уплетал обед. Угощал, понятно, Кларк. Ровно через час он очутился в подземелье номер два, стиснутый в толпе людей, ожидавших, когда им вернут бланки. Сытный обед придал ему энергии, и он твердо решил добиться аудиенции, если даже для этого придется взорвать Министерство Межпланетных дел.

— Перестаньте, наконец, толкаться, вас вызовут, — сказала полная женщина.

«Верно, вдова чиновника, сгоревшего на работе», — со злостью подумал Кларк.

Наконец назвали его фамилию. Расталкивая толпу, он стал пробираться вперед. Одни громко запротестовали, другие успокаивали недовольных. Перекрывая шум, полицейский рявкнул:

— Молчать!

Тем временем Кларк подошел к роботу.

— Поторопитесь, — прокаркал робот. — Я вызываю вас уже несколько минут.

— Меня не пропускали.

— Поскорее предъявите удостоверение личности.

Кларк сунул в отверстие свое удостоверение и получил бланк. Справа катилась по лестнице лавина людей, каждый держал в руке бланк. Кларк последовал за ними. Механический голос монотонно повторял:

— Голубой бланк — лестница номер два, красный бланк — лестница номер три, желтый бланк — лестница номер один, голубой бланк — лестница...

Наверху курьер буквально вырвал бланк у него из рук, после чего Кларк направился по коридору в зал

ожидания. Навстречу шел человек, глядя прямо перед собой безумными глазами. Воротник у него был оторван, руки тряслись. Это был Шарье, третий пилот корабля.

— Шарье!

— Капитан, вы?! — пролепетал третий пилот. — Я отыскал Суареца. Его одурманили наркотиками и отправили на психоскопию... Нас сразу разлучили. Меня тоже хотели подвергнуть...

— Что с ним?

— Застрял в Отделе психоанализа. Он впал в буйство.

— Ему так и не удалось ни с кем поговорить?

— Нет, капитан. Тут без лучевого пистолета не обойтись. Может, Суарец и в самом деле сошел с ума. Он здесь уже три дня, а теперь его вообще упрятали неизвестно куда. У меня голова идет кругом. Подумать только, Суарец собирался убить двух зайцев сразу... еще и разрешение на брак получить. Ох, ох!

Шарье зарыдал. Кларк схватил его за руку и сильно встряхнул.

— Ты сегодня ел, Шарье?

Молодой офицер сразу пришел в себя. Густо покраснев, он пригладил рукой волосы и поспешно застегнул воротничок.

— Простите, капитан, но я еще ничего не ел.

— На, держи. Курьер был прав, заставив меня положить в карман эти булочки. Ешь, а потом все объяснишь. Значит, Суарец здесь три дня болтается. А я-то думал, он загулял где-нибудь. Ну, а ты? Что ты тут делаешь? Ведь ты-то женат.

— Я искал вас. Меня посылали из одного отдела в другой. Если бы вы не устроили скандал в Отделе психоанализа, меня бы тоже заставили глотать наркотики. Но едва они услышали ваше имя, как тут же выставили меня вон. Как это вам удалось прижать их к стенке?

— Э, пустяки... лучше объясни, зачем я тебе понадобился?

— О боже! — в ужасе воскликнул Шарье. — Тут немудрено забыть самое главное. Капитан, Торренте пришел наконец в сознание. Он подтвердил все, что говорил в бреду. Врач дал мне заверенную копию его донесения.

Кларк схватил отпечатанные на машинке листы. Положение ухудшается с катастрофической быстротой, а им даже не удалось доложить о себе!

— Владимир Кларк, — раздался чей-то гнусавый голос.

Кларк подскочил.

— Зовут? Идем со мной, Шарье.

— Вызывают вас одного, — сказал курьер.

— Лейтенант Шарье пойдет со мной! — гневно отчеканил Кларк.

Курьер в ответ только пожал плечами и провел их в комнату номер сто семь. Чиновник поднял на них свои близорукие глаза.

— Имя, фамилия, адрес?

— Хватит молоть чепуху. Речь идет о крайне важном деле.

— Имя, фамилия, адрес? — невозмутимо повторил чиновник.

— Капитан Владимир Кларк и лейтенант Роберт Шарье просят срочно принять их по...

— Это Отдел ординарных ходатайств.

— Плевать мне, какой это отдел. Нам необходимо переговорить...

— Одну минуту... — Чиновник перестал писать и позвонил.

Вошел курьер.

— Проведите их к Лампедузе. Не понимаю, чего им надо. Следующий!

— Да, но я... — начал было Кларк. Но Шарье потянул его за рукав. Они пошли вслед за курьером, который отвел их в комнату сто девять.

Кларк лихорадочно обдумывал дальнейший план действий. Неожиданная встреча с Шарье придала ему бодрости. Прямо с порога он громогласно объявил чиновнику:

— Господин Лампедуза, мы офицеры действительной службы. Я буду жаловаться на плохую работу отдела. Нас целое утро гоняют из одной канцелярии в другую. Это недопустимо!

— Действительно, недопустимо. — Чиновник внимательно поглядел на них свинными глазками. — Вероятно, вы не заполнили красный бланк. Ну, конечно, так оно и есть. В канцеляриях уйма дел, а людей не хватает. Нужно расширить штаты. Несмотря на круглосуточную работу, персонал не справляется.

— Вы правы, вы совершенно правы, доктор Лампедуза, — гаркнул Кларк. — Я доложу об этом в вышестоящей инстанции. А пока... я целиком полагаюсь на вас, доктор Лампедуза.

— О, конечно, конечно. Я обо всем позабочусь, — проворковал Лампедуза.

Он сам отвел их в кабинет старшего врача Марии Робертсон.

— Я вас слушаю, капитан, — любезно сказала госпожа Робертсон.

— Нам нужно встретиться с Генеральным директором. Он один может лично поговорить с его превосходительством Министром Межпланетных дел.

— Речь идет о петиции?

— Нет. Это военная тайна.

Мария Робертсон подскочила на стуле.

— Зачем же вы пришли сюда? Вы кому-нибудь уже говорили об этом?

— Простите, но мы не дети.

— Комната четыре тысячи семьсот тридцать три, генерал Пандха Тун! — Она поспешно нажала кнопку.

Курьер проводил их к лифту.

— Предпоследний этаж, — сказал он.

— Ну, кажется, мы своего добились! — воскликнул Шарье, когда они вошли в кабину лифта. Его восхищение Кларком росло с каждой минутой.

— Сразу видно, капитан, что вы в этих делах изрядно поднаторели.

— Отнюдь нет. Я впервые попал сюда. Брачное свидетельство получала моя жена. О, у женщин редкая способность к пассивному сопротивлению! Все же я надеюсь, что Торренте ошибся.

— Боюсь, что нет. Я знаю Торренте много лет. Он упрям и крайне настойчив. Когда мы высадились на Марсе, он уже знал, где и что высматривать.

— В самом деле? Но тогда почему же он не установил связь?

— Было бы только хуже. Тамошняя бюрократия, поверьте мне, мало чем отличается от здешней.

Оба тяжело вздохнули. Выйдя из лифта, они отыскали кабинет генерала Пандха Туна и громко постучали. Открылась дверь, и голубые глаза женщины обдали их ледяным холодом.

— Вы заполнили бланк?

— Какой еще бланк?

— Возьмите у курьера.

Дверь захлопнулась перед самым их носом. Но Кларк упрямо постучал еще раз. Теперь дверь едва приоткрылась.

— Я капитан Кларк.

— Неужели? — ответила секретарша. — Чтобы командовать, нужно самому соблюдать дисциплину. Заполните бланк.

И со злостью захлопнула дверь.

Кларк готов был завывать как собака на луну, но все же сдержался и, сопровождаемый своим верным помощником, пошел искать бланк.

— О, Суарец, как я тебя понимаю, — пробормотал Шарье.

Перед ними лежал фиолетовый бланк и бесцеремонно вопрошал: «Основание для встречи с генералом?» Кларк растерянно посмотрел на Шарье, и тот ответил ему таким же недоуменным взглядом. Наконец Кларк написал: «Крайне важная военная тайна».

Они стали ждать. Но вот их вызвали. Лицо генерала Пандха Туна, и без того темное, при виде их стало чернее черного. Он явно нервничал.

Вытянувшись по стойке смирно, Кларк доложил о случившемся. Генерал схватил папку с документами и сердито спросил:

— А где бортовой журнал?

— У моего помощника. Я еще три дня назад послал его в министерство с донесением.

— Почему же я его не видел?

— Верно, он все еще вас разыскивает.

— Что у вас за помощник, если он за три дня не сумел со мной связаться?

— По словам третьего пилота, он застрял в Отделе психоанализа.

— Что он там делает? Что, я вас спрашиваю?

— Прошу вас, генерал. Сейчас не время рассуждать о бюрократии, об Уставе. Я получил крайне важные сведения. Земля в опасности.

Генерал невозмутимо поглядел на него.

— Это еще не причина, чтобы нарушать установленный порядок. Наоборот...

Он склонился над бумагами.

— Да, верно... Так вы действительно капитан? Нет,

нет, нужно найти бортовой журнал. Секретарша разыщет вашего второго пилота, если только он существует на свете. Как его фамилия?

— Суарец.

Первая секретарша генерала тут же связалась с различными отделами. Все отвечали, что лейтенант Суарец был и только сию минуту вышел в соседнюю комнату.

— Должно быть, это кознии Отдела психоанализа! — возмущенно воскликнула первая секретарша.

Глаза старого генерала сверкнули гневом:

— Рано или поздно мы за все рассчитаемся с этими докторами.

— Смею вам напомнить, господин генерал, — ледяным голосом сказала секретарша, — что, согласно Уставу, каждый человек, если он находится в невменяемом состоянии, должен быть подвергнут психоанализу. Лишь после этого его можно допустить к вам на прием.

— Что за тип, этот ваш помощник? — подозрительно спросил генерал Пандха Тун. — До такой степени потерять голову!

— Простите, господин генерал, но вы, по-видимому, не отдадите себе отчета в серьезности положения. Марсиане хотят напасть на Землю.

Генерал грозно нахмурился.

— Кто вы такой, чтобы делать мне замечания? Его превосходительство Министр? Не забывайте, капитан. У вас, космонавтов, очень бурная фантазия. Марсиане наши друзья... Наши давние союзники. Я вам не верю. И молитесь богу, чтобы я оказался прав. Иначе я просто не знаю, как вы сумеете оправдаться перед военным трибуналом. Ваш второй пилот находится здесь уже три дня и до сих пор не удосужился сообщить мне столь важные сведения!

— Но, господин генерал, я еще в космосе просил вас о встрече.

— Совершенно точно, — подтвердила секретарша. — У меня отличная память. Звездолет «Альтаир Пять», капитан Владимир Кларк, просьба о встрече. Ваше заявление находится на подписи у Генерального директора.

— И оно до сих пор не подписано?

— Он подписывает две докладные в час.

— Так мало?

— Вы хотите сказать — «так много». Секретари пишут письма, кибернетические машины обрабатывают данные, но окончательное, всесторонне продуманное решение вопроса зависит только от Генерального директора. Он один знает, как настроен Министр, и единственный, кто может переговорить с ним лично.

— А если вопрос чрезвычайно срочный?

— Тогда действуют по срочному каналу. Красный бланк...

— Но по милости этого красного бланка я потерял впустую целое утро! Поверите ли, я проник сюда лишь по ординарному каналу, которым никто больше не пользуется.

— И поступили крайне неблагоразумно. Теперь ваша докладная наверняка застряла в секретариате.

Кларк побледнел и грозно простер руку.

— Запомните, на вас ложится вся ответственность за возможную гибель Земли.

— Я не несу никакой ответственности, так же как господин генерал. Ваша докладная идет должным порядком.

Кларк застонал:

— Готов поручиться, что Суарец уже говорил с вами и потому сошел с ума.

— Что это еще за намеки... полегче на поворотах... Устав требует проявлять уважение к работникам отде-

ла. Я здесь работаю и выполняю свой долг, а вы — обычный посетитель. Поэтому прошу вас быть повежливее.

Первая секретарша решительно направилась к двери, а генерал не сводил восхищенного взгляда с ее бедер. Кларк понял, что от старика ничего путного не добьешься. Он в тоске закрыл лицо руками, и на миг ему показалось, что перед ним Мария. Она смотрит на него такими испуганными, умоляющими глазами... Нет, он должен что-то предпринять, должен!

— Я сам поговорю с Директором! — крикнул он.

— Безумец! — воскликнул генерал. — Вас посадят в тюрьму за оскорбление официального лица. Впрочем, раз уж вы впутались в эту скверную историю, — пробормотал он, — то сами и ищите выход... Направить сюда помощника и потерять его вместе с бортовым журналом, словно... словно перчатки!

— Но если в Отделе психоанализа...

— Вот именно! — обрадовался генерал; он нашел козла отпущения. — Забирайте ваши бумаги и отправляйтесь наверх к главному вице-секретарю. А Отделом психоанализа я займусь лично. С ума сойти! Суют нос в дела, которые их абсолютно не касаются, — рявкнул он. — Ставят под угрозу военную тайну! Это вредительство. Вернее, диверсия, явная диверсия. — Он рывком придвинул к себе портативный стенотайп и начал яростно диктовать.

— Главному врачу Отдела психоанализа, а также к сведению...

Капитан вылетел из кабинета со скоростью звука; за ним неотступно следовал верный Шарье.

— Лифт... вон там.

Они вскочили в кабину лифта, поднялись на последний этаж и очутились в коридоре, освещенном мощными лампами.

— Уже ночь! — уныло сказал Шарье.

Образцовые служащие неумоимо трудились, терпеливо ожидая, пока их сменят столь же образцовые служащие. Из кабинета главного вице-секретаря доносились собачий лай и тоненький успокаивающий голосок. У Кларка возникло предчувствие, что Суарец находится именно здесь. Он распахнул дверь.

— Как вы смеете? — с возмущением крикнул вице-секретарь. Кларк даже бровью не повел.

— Суарец, дорогой, наконец-то! — крикнул он, бросившись к помощнику.

— Командир! — радостно завопил Суарец. — Я тут просто очумел. Уже три дня...

— Знаю, все знаю!

Он хлопнул Суарца по плечу.

— Ну вот мы и вместе. Где главный вице-секретарь?

Кларк вместе с двумя офицерами по бокам, казалось, заполнил всю комнату.

Маленький вице-секретарь пропищал:

— Какой? Дневной или ночной?

— Любой. Я ищу человека, который мог бы доложить Министру, что марсиане хотят захватить Землю.

— Вы шутите?

— Но-вашему, трое офицеров пришли сюда шутки шутить?

Маленький вице-секретарь съежился, словно мокрая губка. Он стал рыться в бумагах и наконец в полном замешательстве пролепетал.

— Но вот бланки... читайте сами... Тут написано, что лейтенант Суарец хочет жениться на марсианке, а капитан Кларк не умеет провести кролика на травку, по лабиринту.

— Вредительство в Отделе психоанализа! — гаркнул Кларк. — То же считает и генерал Пандха Тун!

— Возможно... — Вице-секретарь впился пронзительным взглядом в трех офицеров. — Ох, уж эти коллеги, закулисные интриганы, они уже не раз обводили его вокруг пальца!

— Родина в опасности! — крикнул Шарье.

И тут коротышка вице-секретарь вскочил как ужаленный. Настало время показать всему министерству, кто такой вице-секретарь Парапопулос.

— Я истинный патриот, — решительно объявил он. — Но также и неподкупный служащий. В Уставе подобный случай не предусмотрен. Как я могу разрешить переговоры с Министром без соблюдения необходимых формальностей?

— Речь идет о спасении человечества! — прогремел Кларк.

Вице-секретарь испуганно вскинул голову:

— Понимаю, понимаю... родина... марсиане нас предали... Знаете что! — Удостоверившись, что никто не может их подслушать, вице-секретарь сжался в комок и с замиранием сердца прошептал: — Вы пойдете на штурм! А я буду прикрывать вас с тыла. Через несколько минут я заканчиваю работу. Меня сменит мой заместитель. Я объясню ему положение вещей, а вы поскорей бегите в последнюю комнату по коридору; она как раз перед самой приемной министра. Там Дневной директор сдает дежурство Ночному. Постарайтесь проникнуть в комнату и сделайте вид, будто вас уже приняли. А главное, не теряйте драгоценного времени.

Трое космонавтов помчались по коридору.

Пока Дневной Генеральный директор обменивался рукопожатием с Ночным, они проскользнули в комнату. Едва появился Ночной директор, они вытянулись по стойке смирно.

— Господин Генеральный директор! — громогласно объявил Кларк, не дав никому даже рта раскрыть. —

Продолжаю свое сообщение, прерванное в связи с окончанием работы дневной смены. Вам выпала историческая миссия доложить его превосходительству Министру, что марсиане готовятся напасть на Землю. Вот рапорт, завизированный во всех отделах министерства. Нельзя терять ни минуты. Вот снимки вражеских кораблей. Смотрите.

Все трое офицеров стали размахивать бумагами перед носом Генерального директора, посеяв неописуемую панику среди секретарей, которым они не давали произнести ни слова.

— Родина в опасности! — кричал Шарье в лицо каждому, кто пытался хоть что-то возразить.

— Уже три дня! Целых три дня мое донесение блуждает по министерству. И до сих пор никто его вам не показал! — гремел голос Кларка.

— Три дня! — завопил Ночной директор, нажав на все кнопки и схватив оба рапидофона. — Подумать только, три дня! Пошевеливайтесь! — крикнул он личным секретарям. — Пошевеливайтесь! Вы дохлые курицы, а не секретари. Глупцы, стадо баранов, вот вы кто! Живо! Не то я разгоню все министерство. — Он выскочил в коридор, яростно потрясая папкой, а вслед за ним выбежали и три космонавта. Распахнулись двери, из всех комнат высыпали служащие, и вскоре коридор запрудили начальники отделов, их помощники, первые и вторые секретари. Они громко протестовали, размахивая желтыми, красными, зелеными и фиолетовыми бланками.

— Господин Директор абсолютно прав, — спокойно объяснил Кларк. — Марсиане хотят нас победить с помощью секретного тотального оружия.

— Они будут разгромлены! — в патриотическом экстазе крикнул Генеральный директор и постучал в дверь кабинета Ночного министра.

Все умолкли. Послышался замогильный голос.

— Войдите.

«Что-то он мрачен. Может, ему уже все известно?»
Директор нерешительно взялся за дверную ручку.

В этот миг взвыли сирены, со свистом рванулись в небо ракеты, открыли огонь зенитные орудия, небо-скреб качнуло, из окон коридора вылетело несколько стекол. Генеральный директор, судорожно вцепившись в дверную ручку, смотрел на вспышки залпов за окнами.

— Проклятые изменники! — вскричал он. — Но все равно им не победить!

Он распахнул дверь, и все увидели в кресле Министра существо чудовищных размеров с четырьмя змеевидными руками и длинным хоботом.

— Ма... ма... марсиане!

Снаружи грохот взрывов постепенно стихал.

Из приемной министерства вышли двое солдат-марсиан, вооруженных пистолетами-василисками, способными за три секунды превратить человека в каменное изваяние. За солдатами шествовал новый Ночной министр. Его хобот был гордо вздернут. Земляне робко прижались к стене.

— Мы захватили Землю, применив секретное оружие. — Хобот грозно потянулся к служащим. — Что из этого следует? А то, что отдел будет работать как прежде. Господин Генеральный директор, доложите мне о спорных делах. Прошу всех удалиться. Вы нарушаете Устав. За работу, господа, за работу.

Служащие молча разбрелись по кабинетам.

Марсианин направился к своему письменному столу. Тут он увидел трех офицеров, которые, стоя у стены, с ужасом смотрели на него.

— Вы, я вижу, крепкие парни. Потрудитесь-ка отнести вниз моего предшественника и портрет Президента. Да поживее.

Дула пистолетов-василисков заставили всех троих поторопиться. Опустив голову, офицеры вошли в приемную и вскоре появились уже под конвоєм солдата-марсианина, который грозно потрясал хоботом, сжимая по пистолету-василиску в каждой из четырех рук.

Шарье и Суарец с трудом несли окаменевшее тело Ночного министра, — правая рука его так и застыла в торжественном приветствии. За ними тащился Кларк, держа в объятиях огромный портрет Всемирного Президента, старика с грустной улыбкой на лице, которого все называли Отцом человечества.

Печальное шествие замыкал еще один вооруженный до зубов марсианин. Когда смолкли орудия побежденных, среди наступившей тишины в коридоре Министерства Межпланетных дел гулко раздались шаги завоевателей. Служащие, с перекошенными от ужаса лицами, исподтишка смотрели в замочные скважины на марсиан, которые, сломив сопротивление Земли, взяли Бюрократию в свои руки.

ФАНТАСТ ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ

Ровно пять минут в дезинфекционной, предписанный правилами фиолетовый халат с золотой каймой и европейским гербом на нагрудном кармане, над которым красуется большая позолоченная буква Н, и, наконец, коллективная зарядка под просторным искусственным куполом, где кондиционированный воздух остается теплым и прозрачным. Эроальдо Банкони спортивной походкой пересек двор и направился к коллегам.

Внезапно он остановился. Голубые цветы на клумбе совсем поблекли: нужно сказать техническому директору, чтобы он срочно сменил поставщиков пластифлоры — уже не впервые фиалки и незабудки блекнут, не простояв и месяца.

Он придирчиво осмотрел пальмы и пинии, которые ничем не отличались от настоящих деревьев. Впрочем, ему редко приходилось видеть живые деревья. Летом он неизменно участвовал в методических конференциях: щедрые суточные позволяли почти месяц держать жену и сына на даче под целебным куполом Пайден, где обычно проводились общеевропейские конференции, но потом вся семья неизменно возвращалась в Милан. А в городе отдыхать можно было только в двух комнатухах, куда все же поступал очищенный воздух, или в пластифлорном парке, настолько переполненном, что там трудно было дышать.

Ученики входили в классы под наблюдением преподавателей-пенсионеров. Эроальдо направился в учительскую. Он подошел к своему столу, повернул ручку, и на экране появилось расписание: урок в третьем

классе, два урока во втором, «окно» и урок в первом. Превосходно. Теперь взглянем на развешанные по стенам ежедневные методические разработки, одинаковые для всех параллельных классов. Он нажал кнопку класса «Дзета»; на экране зажглись названия уроков. Первый урок: Кг-совр 71; второй урок: Кн-карточка 49; третий урок: Д-ДА; пятый урок: Кг-фильм 85.

Вынув из шкафов учебные материалы, он уложил их на тележку. Затем присоединился к коллегам, выстроившимся в коридоре в ожидании первого звонка, который неизменно раздавался ровно без десяти девять.

— Идет, идет!

Староста третьего класса «Дзета» следил, когда он появится, выглядывая из-за двери; заметив преподавателя, он спрятался, снова высунул голову, вежливо поздоровался, выхватил тележку, подал Эроальдо красную карточку с фамилиями отсутствующих и попросил подписать ее. После этого он приготовился выслушать приказания учителя, радуясь, что остальные ученики отчаянно ему завидуют.

— Сегодня у нас Кг-совр 71. Думаю, вы и сами знаете, что это означает — урок культуры, грамматическая часть. А потом мы просмотрим пояснительный фильм, — сказал Эроальдо.

Староста поставил на магнитофон кассету с уроком 71, сел на место и, пока преподаватель заполнял рабочую карточку, вместе с другими учениками прослушал запись лекции. Затем ученики повернулись на своих стульчиках и просмотрели фильм.

— Все ясно? — спросил Эроальдо. — Если кто-то чего-нибудь не понял, он может днем еще раз посмотреть и прослушать этот урок на семинаре культуры.

Класс недовольно зашумел. Эроальдо прекрасно понимал, что ни один мальчишка не захочет пойти на

дневные уроки — ведь это необязательно. Такое отношение к занятиям раздражало заведующую учебным сектором, но ничего не поделаешь; возможно, в ее времена мальчишки занимались больше и серьезнее.

Когда Эроальдо вошел во второй класс, ему бросилось в глаза, что ученики сильно возбуждены: они со дня на день ждали контрольную работу.

Улыбаясь, он успокоил их — это же очень просто: Кн-карточка 49, даже элементарно! — и велел раздать карандаши и бланки, а сам стал заполнять карточку-образец для вычислительной машины.

— Все готовы? — Эроальдо посмотрел на электрические настенные часы, выждал, пока стрелка встанет точно против деления, и подал сигнал. Ученики принялись за работу. Он взглянул на карточку-образец. Ничего страшного: то же, что и месяц назад. На этот раз все должно пройти благополучно, даже заведующая учебным сектором не придерется.

В соответствии со строго научным методом ежедневную программу, одинаковую для всех параллельных классов, составляли в начале учебного года — плохие результаты контрольных работ вынуждали преподавателей повторять проверку. Если же был неудачен общий итог, то созывался педагогический совет, который принимал решение изменить план лекций. Только совету было предоставлено это право.

Карточка предлагала ученикам три вопросника, по десять пунктов в каждом, на основе учебных фильмов по истории средних веков, просмотренных в течение триместра. В первом из них были такие вопросы: применялись ли в средние века металлы (да или нет)? Где применялись: в домашнем хозяйстве, для украшения храмов, в военном деле (нужное подчеркнуть)? Для второго необходимо было помнить кое-что из пройденного: кто такой Барбаросса — папа, император,

кондотьер (нужное подчеркнуть)? Наиболее трудным был третий вопросник — настоящее испытание способностей: ученику давалось пятьдесят баллов для оценки средневековой цивилизации:

наука (оценить по 50-балльной системе)
религия (оценить по 50-балльной системе) . . .
питание, гигиена, литература

Эроальдо Банкони тоскливо вздохнул и вспомнил, что обязан следить, чтобы ученики не списывали друг у друга: непонятно, почему в Италии не пользуются методом профессора Гольденкаца? Как всегда, несмотря на научную постановку дела, итальянская школа оставалась в плену ложного гуманизма. Мысль о применении роботов в учебном процессе родилась еще в двадцатом веке, но реформаторам пришлось выдерживать упорную борьбу с косностью педологов, считавших вполне логичным и закономерным, что жалкий преподаватель всегда бывает погребен под лавиной тетрадей. Однако в конце концов наука восторжествовала: исчезли устаревшие письменные работы — их заменили ласкающие взор зеленоватые карточки, специальные комиссии аккуратно подготавливали темы для вопросников, а успехи учеников стали оценивать вычислительные машины. Прошли целых три столетия, прежде чем школа полностью избавилась от нелепых анахронизмов. Но разве можно успокаиваться на достигнутом, когда в других областях науки наблюдается такой прогресс? В Германии профессор Гольденкац открыл образцовую школу. А у нас только небольшая часть молодежи — например, приверженцы партии свободомыслящих — высказывается за полную механизацию, с горечью думал Эроальдо.

Гольденкац наладил преподавание латыни и греческого языка в средней школе с помощью роботов.

В центре класса монтировалось особое устройство, связанное с центральным электронным мозгом, а вокруг располагались намагниченные скамейки, которые не давали ученикам поворачиваться без разрешения машины. Само собой разумеется, во время контрольной работы ученики обязаны были надевать на голову почти невесомую каску, а она позволяла пресечь любую попытку списывания: два хороших шлепка — и плуты немедленно унимались.

Электронное устройство само принимало меры против нарушителей дисциплины, заставляя их (каким образом, никто точно не знал) являться с повинной в кабинет директора. Как пригодилось бы такое устройство во время активных обсуждений, особенно для ученика Моранни — этого возмутителя спокойствия!

Прошло полчаса; несколько учеников уже заканчивали работу. Наконец один из них встал, подошел к часам, отметил на карте время и сдал контрольную. Когда все справились с заданием, Эроальдо позвонил. Появился служитель в зеленом комбинезоне с эмблемой школы на нагрудном кармане.

— Отнесите, пожалуйста, работы на проверку.

— Слушаюсь, синьор учитель.

Служитель спрятал карточки в конверт, отметил время и вышел.

Эроальдо улыбнулся ученикам.

— Отдохнем минутку, — сказал он. — Послушаем музыку.

Минута, конечно, превратилась в пять — должны же они были дослушать последнюю популярную пластинку до конца. Ученики откинули спинки сидений и устроились поудобнее, чтобы без помех насладиться музыкой. Эроальдо нервно пощипывал бородку, которую начал отпускать в преддверии конкурса на замещение вакансий в средней школе. Тем временем

техник вводил перфокарты в вычислительную машину. «Каковы-то будут результаты контрольной?» Не хватало только педагогических советов накануне конкурса.

Эроальдо попытался сосредоточиться перед активным обсуждением — наиболее сложной и наиболее деликатной частью учебного процесса, приучавшей ребят разумно пользоваться свободой. Он предложил классу обсудить просмотренную в прошлый понедельник кинопоэму «Одинокий дрозд» (стихи Джакомо Леопарди, музыка Кеде Сурпопулуса, постановка Эджинардо Скарлеттини).

— Синьор профессоре *! — крикнул кто-то (к счастью, стены были звуконепроницаемые). — Нельзя ли еще раз послушать тот отрывок, где играют «ча-ча-ча»?

— Что ты имеешь в виду?

— Я помню только музыку, а слова забыл.

— Кажется, там было про Наполеона, синьор профессоре.

— Возможно, это стихотворение «5 мая» Алессандро Мандзони?

— Не знаю. Там звучит так: ча-ча-ча-ча! Зачем выдумывают слова? Одна музыка куда лучше.

— Но ведь это кинопоэма! Перестаньте галдеть, поговорим о поэме «Одинокий дрозд». Внимание, включаю магнитофон.

Как знать, может, и получится неплохая свободная дискуссия, а значит, прибавится поощрительный отзыв в его личном деле.

— Я люблю фильмы о леопардах. Почему вместо них показывают всяких птичек? — протянула одна из девочек.

* Принятое в итальянской школе обращение к учителю старших классов. — *Прим. перев.*

— А я не люблю. Они слишком шумные!

— Зато там птицы и цветы!

— Нет, слишком шумные!

Как обычно, класс разбился на два лагеря, и каждый твердил свое; кассета неумолимо вращалась. Эроальдо смотрел на нее в бешенстве, но остановить не мог: это противоречило Уставу.

— Синьор профессоре! — выкрикнул кто-то из учеников.

В классе стало тихо; это был, конечно, Моранини. Эроальдо похолодел.

— Синьор профессоре, почему один мальчик стоит в сторонке и не хочет играть с остальными?

— Он хочет играть! — возразила другая девочка. — Но сначала он хочет нарвать цветов — настоящих, которые можно собирать!

— Рвать цветы воспрещается, — вмешался кто-то из ребят.

— Он хочет играть, а его обижают! — и класс снова разделился на две враждующие группы.

— Сам виноват! — твердили одни.

— И вовсе он не виноват! — кричали другие.

— Неправда! — повторял Моранини, упорно повышая голос, пока все не умолкли. — Он уходит, потому что все остальные — стадо баранов!

— Моранини! — крикнул Эроальдо, вскочив с места. — Перестань болтать глупости, мораль басни в том, что...

— ...все дети одинаковы и должны играть вместе, — хором продекламировал класс. Моранини, уязвленный, сел на место, остальные, громко смеясь, с ехидством смотрели на него.

— Синьор профессоре! — на этот раз голос принадлежал другому его мучителю, самому прилежному ученику, который подмечал все на свете, даже муху,

будто бы залетевшую в комнату. — Синьор профессоре, а у Моранини дома есть книги из бумаги.

Все замерли.

Эроальдо невозмутимо отпарировал:

— Частная жизнь учеников школы не касается.

— У Моранини есть тетрадь из бумаги, он в ней пишет на уроках. Смотрите, он ее прячет!

Уставом это было запрещено: никаких личных книг и тетрадей, школа обеспечивает учеников всем необходимым — кинофильмами, карточками, магнитофонными записями, диапозитивами. А этот кретин Моранини принес в класс... но кто же теперь пишет в тетради?! В какой допотопной школе встретишь что-либо подобное, спрашивал себя Эроальдо: только в первых трех классах еще пользуются бумагой и ручкой, хотя профессор Гольденкац давно предложил... И он решительно направился к Моранини, чтобы отобрать тетрадь.

В этот момент прозвенел звонок. Эроальдо подтолкнул тележку и, разъяренный, выскочил из класса. Поспешно спрятав крамольную тетрадь в свой ящик, он прослушал последнюю запись. Так и есть, он не выключил микрофон вовремя, и пленка зафиксировала весь шум. Теперь неприятностей не оберешься.

— Не выпить ли по чашечке кофе? — А, это Бенуччи, самый молодой из учителей. — Что с тобой, Эроальдо?

— Моранини выкинул очередную штучку.

— Я его прекрасно знаю. Учился у меня в классе. Второгодник, его давно пора выгнать из школы. Подумать только, ведь его отец — физик-атомщик... иногда и у гениев рождаются дефективные дети.

— И к тому же они их отвратительно воспитывают. Знаешь, моего милого ученика дома заставляют читать бумажные книги и разрешают ему писать!

— Серьезно? Так его нужно лечить; только в сумасшедшем доме психически неполноценные дети еще пишут на бумаге.

— Я уже пытался сделать это под другим предлогом, но директор школы для умственно отсталых детей прямо заявил, что не намерен его брать: школа и так переполнена. И таких мальчишек становится все больше.

— Ну и времена! — сказал Бенуччи, беря из автомата чашечку кофе. — Просто деться некуда от дураков и дефективных: сегодня, представь себе, я проводил дискуссию по гражданскому воспитанию. Я рассказывал ученикам об озеленении. Класс буквально умирал со смеху: понимаешь, они думали, что на лоне природы растут лишь искусственные купола!

— Да, скверные времена настали! — согласился Эроальдо, жуя булочку.

— А чем занимаются господа ученые в Институтах для умственно отсталых детей?

— Ровным счетом ничем. Один из них как-то сказал мне, что если бы не скудное содержание, он бы с радостью проработал там всю жизнь. Он только наблюдает — тоже мне труд! — а ученики читают самые лучшие книги да целыми часами что-то пишут.

Бенуччи невольно взглянул на часы.

— Как же так, ведь...

Но более опытный Эроальдо многозначительно улыбнулся.

— У многих из них коллективное сознание осталось таким же, как триста лет назад.

— Как идет подготовка к конкурсу, коллега? — к ним подошла молодая преподавательница Норрис. Эроальдо вскинул голову.

— Предстоит трудный бой, уверяю вас, — важно заявил он.

— А что за ерунду вам приходится учить?

— Историю. Всю итальянскую литературу, латынь. И, само собой разумеется, великих писателей-фантастов, да еще надо быть в курсе новейших критико-эстетических проблем.

— Когда же вы успеваете? — засмеялась Норис. Но тут зазвенел звонок. — Ну, мне пора на урок. До свидания.

— А у меня «окно», — сказал Эроальдо.

— Счастливцев. — Бенуччи быстро удалился.

Внеся нарушение в карточку, Эроальдо сунул ее в конверт вместе со злополучной тетрадкой. Затем попытался опустить конверт в голубой ящик для предложений о дисциплинарных взысканиях. Однако щель не была рассчитана на тетради. Пришлось вызвать служителя, что лишний раз подчеркнуло всю серьезность проступка.

Эроальдо бессильно опустился в кресло и, облокотившись о стол, уткнулся подбородком в сплетенные пальцы. Необходимо сосредоточиться, думать только о предстоящем конкурсе, а не о Моранини; писатели-фантасты, сказал он коллегам; хорошо, если спросят об этом — ведь он прекрасно знает их творчество, но есть и другие вопросы... он просмотрел сотни микрофильмов, реферативных карточек, кинолент, и все же в критике такая путаница... Как же раньше готовили преподавателей? Нет ничего удивительного, что почти все глубоко заблуждались. Люди тупели от беспрестанного чтения и писанины, но не догадывались прибегнуть к помощи звукозаписывающих аппаратов. К счастью, всю бумажную макулатуру теперь выбросили на свалку.

Конкурс обещает быть очень трудным, однако подготовка к нему ведется по весьма четким программам: от соискателя требуется глубокое знание истории,

итальянской литературы (по 30 карточек и соответствующих фильмов), латыни (10 карточек и соответствующих фильмов) и вдобавок всех новых кинопоэм.

Многие вопросы Эроальдо знал хорошо, но в некоторых все же немного «плавал».

С латынью у него все в порядке; карточки выучены чуть ли не наизусть, критические работы всесторонне продуманы. Какие же... какие? Да, лучше их повторить. Он стал загибать пальцы. Рудольф Штоппен: «Магия и научные сведения в поэмах Гомера». Микеле Сапонони: «Триумф науки в «Георгиках» Вергилия». Жан Бабель: «Атомистическая гипотеза Лукреция». Алексей Кокофис: «Предпосылки реалистического поспсбилизма в произведениях Лукиана». Джон Уайт: «Память предков» — «Атлантида» Платона, «Меропид» Теопомна, «Кронос» Плутарха. Ну и названия! Но эти микрофильмы наглядно подтверждают теорию великого Кампоффа, и их необходимо знать.

С короткометражными цветными фильмами по классической литературе, где снимались лучшие кинозвезды, дело обстояло проще. Эроальдо прошелся по учительской, мысленно декламируя: «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына». Ахиллеса играл знаменитый Берт Бум — как чудесно он провел сцену с ревущим потоком! Разумеется, это всего-навсего фотомонтаж. Не станет же киноактер, застрахованный на десятки миллионов от всевозможных инфекций, подвергаться риску в кишащих бактериями волнах! А появление Венеры, то бишь Елены, хотя нет, сперва показали статую Венеры, знаменитую обнаженную Венеру Диомеда... Минутку! Я что-то путаю: ведь Диомед — это античный герой? А еще говорят, что у меня хорошая память... скорее всего это был Диомед или кто-то в этом роде; кому нужны все эти доисторические имена?

А ведь за такую ошибку могут слезить балл. Право же, лучше запомнить, что красавицу Елену играет несравненная Сирена Мока, на которую в профиль — увы, лишь в профиль — похожа Лидия, потому-то я на ней и женился, а она ровно ничего не смыслит в литературе, только и умеет, что рисовать в детских журналах Гагарина, летящего к старушке Луне. Теперь, когда подписан договор о дружбе с марспанами, можно было бы отправить Гагарина прямо на Марс, не так ли? А вдруг марсиане сочтут подобный рисунок оскорблением? С такими вещами лучше быть осторожнее, надо предупредить Лидию.

Итак, что же я сейчас повторяю? Ах да, «Илиаду» — как она похожа на «Одиссею»! Не понимаю, почему в фильмах о Гомере никогда не показывают разрушения Трои — видимо, это слишком дорогое удовольствие. На учебных фильмах всегда экономят, ведь школа — та же Золушка.

Раздался звонок на перемену. Теперь его ждут карапузы из первого класса. Они щеголяют в розовых и голубых фартучках и вечно просят выйти... Черт побери, я же не подготовил фильм 85... Впрочем, нет, подготовил. Это чисто профессиональный рефлекс: все было сделано еще утром; я аккуратный, исполнительный, образованный преподаватель, и я должен выдержать конкурс.

Подталкивая вперед себя тележку, Эроальдо добрался до первого класса «Дзета». Установить дисциплину в младших классах было нелегко. Он охотно бы отшлепал этих шалунов, но директор школы в постоянных спорах с заведующей учебным сектором неизменно отстаивал свободу, самовыражение и всевозможные права ребенка.

— Превосходная картина, просто превосходная, мои дорогие ребятки... — повторял Эроальдо со свирепой

нежностью. — А теперь потушим свет и познакомимся с итальянскими провинциями.

Наконец музыка заглушила детскую болтовню, чем-то похожую на щебет искусственных птиц в ботаническом саду. Хорошо поставленным голосом диктор произнес: «Италия — одна из стран европейской федерации...»

— Купола! — закричал весь класс.

На экране возник Турин — центр города затерялся в чаще небоскребов и труб; среди этих железобетонных джунглей поблескивали купола, защищающие парки, школы и больницы.

Как однообразны все города, размышлял Эроальдо. К счастью, люди больше не путешествуют. Ох, уж эти малыши! Они и фильм-то не смотрят. Болтают, вертятся, а потом не смогут заполнить карточки... Когда же звонок? Наконец-то! Нет, мне показалось... А, точно, звонят на перемену.

Быстрота и достоинство несовместимы, но когда за тобой следят фотоэлементы, поневоле становишься изобретательным. И Эроальдо ухитрялся совместить несовместимое: голова гордо поднята, взгляд полон строгости, а ноги еле поспевают за стремительно летящей тележкой. Теперь надо осторожно обогнать других — и поскорей в учительскую. Материал разложить по шкафам, тележку поставить в ряд.

Да, не забыть бы подписать поурочную карточку. Так, кладем ее в красный ящик — теперь я свободен. Нет, на панели стола замигала сигнальная лампочка. Эроальдо с ненавистью нажал клавишу прослушивания: «Всем преподавателям культуры, — раздался голос робота, — педагогический совет состоится в восемнадцать часов. Нажмите кнопку подтверждения».

Проклиная в душе всех и вся, Эроальдо повиновался. Снова зажглась сигнальная лампочка. Что еще? «Синь-ор Банкони, по окончании педагогического совета вас просят остаться. Будет обсуждаться поведение ученика Моранини. Нажмите кнопку подтверждения».

Эроальдо понуро направился к выходу. Рядом оказался Бенуччи:

— Ну и скучища на этих советах! А у меня как на зло весьма многообещающее свидание.

— А мне нужно заниматься. Через семь дней конкурс.

— Ну, ты же голова, это все знают.

— Застегнись-ка. Говорят, на улице смог.

Бенуччи махнул рукой и побежал к метро; прохожие закрывали носы шарфами, платками и противотуманными масками. Едва Эроальдо остановился, чтобы получше застегнуть пальто, как на него напал мучительный кашель. Проклятый смог! Невозможно жить без очищенного воздуха, а он слишком дорог; вот если выдержу конкурс, куплю противотуманную маску, во сколько бы она мне ни обошлась!

Через час он уже был дома, на окраине города. Пока пропитанный кухонными запахами лифт поднимал его на 48-й этаж, Эроальдо мечтал о целебном куполе Пайдеи. Преподаватель средней школы тоже имеет право жить там больше месяца; неужели Гольдсенак — великий защитник учителей — не нашел времени заняться жилищной проблемой? Эроальдо решил написать ему; право же, он, свободный европеец, без пяти минут преподаватель средней школы, может себе это позволить.

Но едва он вошел в свою маленькую двухкомнатную квартирку, как вся его уверенность мгновенно улетучилась. Комнаты походили скорее на кабинки лифта; а подсобные помещения были просто крохотными. Лидия не успела застелить двухъярусную кровать; Эро-

альдо заметил это еще из прихожей, такой узкой, что нельзя было развести руки, чтобы не упереться в боковые зеркала, скрывавшие стенные шкафы.

В комнате сыншики он оправил постель, но когда стал убирать ее в стену, дверца шкафчика, вделанного в койку, внезапно распахнулась и ударила его по колену; он судорожно оперся рукой о стену, но в этот момент сзади откинулась крышка письменного стола и сильно стукнула его. Потеряв равновесие, Эроальдо упал на стол, сломал его шарнирные ножки и очутился на полу.

— Ничего себе детские комнаты, — ворчал он, поднимаясь, — да это настоящие мышеловки. — Уныло созерцая повисшую столешницу, он подумал: опять расходы, в дешевых квартирах им нет конца.

Эроальдо направился было в спальню, но тут же вспомнил, что с утра ничего не ел. Он придвинул к себе телефон и вызвал домашнюю кухню.

— Что желаете? — спросил неприятный скрипучий голос.

— Комплексный обед типа В, впрочем, нет. — Он повесил трубку. — Прикинем... Конечно, неплохо бы заказать обед типа В, но он обойдется в половину моего дневного заработка. Правда, сегодня педагогический совет, и я могу позволить себе такую роскошь.

Он приподнял трубку.

«Нет, я же сломал детский столик. Во сколько это станет? Лучше уж закажу обед типа С и двойную порцию хлеба».

— Обед типа С и двойную порцию хлеба в квартире 288, подъезд 5.

— Контроль, пожалуйста.

— Я учитель Банкони...

— Контроль, пожалуйста.

Эроальдо положил трубку, через несколько минут зазвонил телефон:

— Что желаете?

Он повторил заказ.

— Опустите голубой жетон, а затем маленький белый. Благодарю вас.

Едва он вытер руки, как зажужжал транспортер. Эроальдо снял тарелки с подноса и быстро проглотил макароны с сыром под красным соусом, котлеты с картофелем, четыре булочки и стакан вина, после чего разбил тарелки и поднос и выбросил обломки в мусоропровод. Потом, задерживая дыхание, выпил два стакана воды, чтобы избавиться от подступившей икоты. Какие овощные супы готовят в Пайдее! Если он сделает карьеру, то, может, удастся... И он побежал к магнитофону.

«Ошибка прежней критики» — Эроальдо слушал запись своего доклада и одновременно прибирал в комнате — «состоит в подмене слова, иначе говоря, средства и даже, по выражению Роже Кампоформа, «канала передачи» — искусством: это породило путаницу. Никто из моих предшественников, то есть предшественников Кампоформа, не задумывался над применением в критике эконометрического критерия, который дал блестящие результаты в лабораторных условиях... словом, великий Кампоформ пересмотрел всю историю литературы в соответствии с научным или скорее научно-фантастическим показателем, описанным в работах... Ах да, я забыл сказать о различии между наукой, научной фантастикой и литературой.

Итак, вначале литературные и научные труды резко отличались друг от друга. Но как же классифицировать труды, в которых есть что-то от обеих областей, то есть научную фантастику? Разумеется, сам критерий различия тут не пригоден, поскольку это понятие расплыв-

чато — разве не может ученый одновременно быть художником, а художник — ученым? Конечно, может! Но традиционная критика, извращая... извращает произведения искусства, отрицая их научную ценность. Даже психоаналитическая критика, уже более серьезная, хотя и лишенная рациональной методологии, неверно истолковывала творчество всех великих писателей-фантастов как результат отчуждения собственного «я».

В итоге эстетика Кампоформа рассматривает искусство как: а) научную популяризацию и историческое отражение одних и тех же научных понятий, б) гипотетизацию возможной реальности, будущей или параллельной, в) мемуары предков, следы и признаки которых сохранились лишь в коллективном сознании; художник передает их вернее других, ибо действует подсознательно, г) научную мифологию, то есть раскрытие характера народа или расы в мифологических или романтических образах».

Эроальдо выключил магнитофон. Да, теорию Кампоформа он знает хорошо, но не мешает повторить ее еще разок.

Наконец в комнате воцарился порядок: он мог сесть, поставить магнитофон на стол и сунуть в рот пластинсигарету. Еще одна неразгаданная тайна: герои научно-фантастических произведений обычно зажигали сигарету, выпускали дым, но не вдыхали вкусный запах. Нет, здесь великие люди прошлого просчитались: подумывать только, дымящиеся сигареты... И, вздохнув, он достал кассету классической литературы. До чего похожи друг на друга все эти кинопоэмы! Как только ученики их различают? Кинопоэм чертова уйма, и все они бессюжетны. Кому, например, нужно изучать какого-то Петрарку, который воспевал Лауру и всяких птичек; ну не смешно ли в 2263 году беспрестанно говорить о птичках?

Вот Данте Алигьери — это совсем другое дело. Прежде всего речь идет об учебно-приключенческом фильме, цветном и стереоскопическом, фильме совместного производства всех континентов — в нем есть и сюжет, хотя, пожалуй, слишком много действующих лиц. Словом, по Данте он прекрасно подкован. На экзаменах профессора с коварной придирчивостью задают соискателям вопросы, скажем, такого рода: назовите номер и местоположение стихов Данте о рефракции, отражении, треугольнике, круге и так далее. Он знает карточку наизусть — здесь его не подловишь. Кроме того, он хорошо знаком с новейшими взглядами критиков на проблематику «Божественной комедии».

Так с какой же скоростью летел Данте в рай? Согласно утверждениям самого поэта в первой книге «Рая», — быстрее молнии. Однако Пирелли совершенно правильно подчеркивает, что здесь не может быть и речи о постоянной скорости, поскольку Данте задерживался на небесных кругах, чтобы побеседовать со святыми. К этому замечанию Смайл добавляет... а что добавляет, не помню.

...Кстати, что подразумевал Данте под словом «молния»? Общеизвестно, что во времена Данте не знали электромагнитных явлений. Возникает вопрос, что имел в виду богоравный поэт: скорость звука, то есть грома, или же скорость света, то есть молнии?

В этом вопросе мнения критиков разделились. Одни утверждают, что Данте преодолел звуковой барьер, а другие доказывают, что он мчался со скоростью, несколько меньшей скорости света. Это очень важный вопрос. Подумать только, все исследователи творчества Данте лихорадочно искали «Борзую», и до этих почтенных господ даже не дошло, что если бы Данте летел со скоростью света, то, согласно Эйнштейну, его масса превратилась бы в ничто, поэт аннигилировал бы

и не смог написать «Божественную комедию», не то что «Борзую».

«До чего же головасты современные критики!» — восхитился Эроальдо, вновь прослушав кассету с записью лекций.

Макс Ривье до того тонок, что я его почти не понимаю. Может, прослушать эту кассету еще раз? Впрочем, не стоит: об этом меня вряд ли спросят на экзамене. Я хорошо подготовлен, много занимался, а это, как ни говори, литература прошлого. Ее, собственно, следовало бы спрашивать в самых общих чертах.

Кстати, который час? Уже пять?! Я опаздываю, ведь до Сан-Сиро час езды! Что за блажь строить все школы в центре.

Он заторопился: в городе как на грех смог, переполненное метро, длинная улица — наверняка не успеет. Вот наконец и подъезд! Узнать бы, зафиксировал ли его фотоэлемент. А теперь в дезинфекционную! Ничего не поделаешь, он вошел в Зал заседаний на пять минут позже положенного, его уже ждут, молчат, только укоризненно смотрят, а он сокрушенно разводит руками. Факт опоздания будет, конечно, занесен в его личное дело.

Над собранием как бы господствовал массивный стол, установленный на сцене, слева сидел худой и высокий директор, обладатель римского носа и массивных очков, справа — белокурая заведующая учебным сектором, инженер-кибернетик по специальности (она даже окончила факультет прикладной методики), а посередине восседал технический директор — робот, прямоугольный ящик, усеянный сигнальными лампочками и рукоятками, торчащими из прорезей. С помощью экрана, установленного в головной части, он мог безошибочно руководить всем техническим аппаратом школы, в которой насчитывалось свыше десяти тысяч учеников.

«А все же он не заметил, что голубые цветы поблекли, — с удовлетворением подумал Эроальдо, — своими проклятыми фотоэлементами он фиксирует только опоздания педагогов».

Битый час директор произнесил речь, как две капли воды похожую на все предыдущие... Неотъемлемая свобода личности ученика... согласно фантапсихологии... непринужденные и все более живые обсуждения... активные уроки, разумеется, в строгом соответствии с фантапарапедагогикой.

Когда он наконец умолк, все дружно подняли руки и единогласно одобрили его доклад.

Затем в течение часа монотонно звучал голос заведующей учебным сектором: карточки, карточки... во втором классе мы дали ту же контрольную по истории, а число ошибок возросло в геометрической прогрессии.

— В арифметической, — поправил технический директор.

В конце заседания все дружно одобрили резолюцию о программе летнего методического конгресса, придерживав заодно своих чересчур ретивых коллег, которые пытались было внести какие-то дополнения. Черт возьми, уже восемь часов, а в девять начнется телевизионная программа для взрослых!

Все поспешно разошлись. Эроальдо Банкони, оставшись наедине с техническим директором в огромном пустом зале, громко вздохнул. Наконец он решил нарушить томительное молчание.

— Почему... почему бы не предложить семье Моранини под каким-нибудь предлогом забрать сына из школы? Тогда нам удастся сохранить престиж родителей и свой собственный.

— Я подумаю, — сказал технический директор, раздраженный тем, что его опередили, и вместе с тем ра-

дуюсь столь удобному выходу из положения. — Но в ближайшие дни вам необходимо...

— Позволю себе напомнить, что я просил отпуск для участия в конкурсе, н...

— Заявление подано по форме? — прервал его технический директор.

— Очередное затруднение для школы, — вмешалась заведующая учебным сектором (она только что вошла). — Преподаватели слишком увлекаются своей карьерой в ущерб работе.

В двадцать минут девятого Эроальдо наконец освободился; пока он ехал в метро, ужинал, играл с сыном, стало уже поздно, и повторение конкурсных тем пришлось отложить на завтра.

Мысль о конкурсе не оставляла его ни на минуту. Он все время думал об одном: в школе, в метро, дома, за едой, во сне, даже наедине с женой. Наконец она не выдержала:

— Нет, Дино! Пока ты не сдашь экзамены, я буду спать одна.

— Лидия, дорогая... — он хотел что-то добавить, но сдержался и печально посмотрел на нее.

Лидии стало его жаль.

— Ну, так и быть, послушаю твои откровения. Где же кассета?

— Ты имеешь в виду краткую программу? Да, но там полно моих замечаний.

— Ах так, не хочешь, чтобы я слушала твою ругань?

— Но, Лидия... ведь рядом ребенок... и потом это неприлично.

— Ребенок спит. А на приличия мне... — Лидия сделала гримаску, словно собираясь плюнуть, и взяла протянутую карточку. — Ну, готов? Начинай с первого вопроса.

— Спрашивай лучше вразбивку.

— Ладно. Расскажи-ка о рыца... о рыцарских поэмах.

— Так. Рыцарские поэмы восходят к древним народным легендам. Тут явственны следы памяти далеких предков. Как предполагает Гольц, речь идет о борьбе против пришельцев из космоса, но Пирелли придерживается гипотезы о войне между кроманьонцами и неандертальцами...

— Я и слов-то таких не слыхала! Для чего тебе вся эта ерунда? Скажи, а латынь ты хорошо выучил?

— Конечно. В латинском языке имеется пять склонений: на *a*, *us*, *is*, *us*, *es*.

— Ты два раза сказал на *us*.

— Но так оно и есть!

— Как же ты их различаешь?

— По родительному падежу. Слушай, родительный падеж оканчивается на *ae*, *i*, *is*, *us*.

— Ты опять сказал *us*.

— Ну и что же?

— Ты уверен, что так и должно быть? Почему столько окончаний на *us*?

— Этого никто не знает.

— Зачем же тогда все это учить?

— Боже мой, Лидия, как ты отстала! Вовсе не обязательно понимать все, что учишь... важно знать научно-фантастический индекс и выразить свою индивидуальность. Лучше посоветуй, как вернуть что-нибудь из теории Гольденкаца в любой аргумент.

— Сначала объясни мне, что это такое.

— Гольденкац — гений преподавательской автоматике! Короче говоря, он изобрел безупречный механизм, который сам разъясняет, проверяет и исправляет.

— Тогда вы станете просто никому не нужны? И уж, во всяком случае, тогда тебе придется сдавать экзамен по кибернетике.

— Что?! — Эроальдо свесился со своей кушетки и посмотрел вниз, на кушетку, где лежала жена. Лидия погрозила ему пальцем.

— Сейчас же отодвинься... Ты что, хочешь и кровать сломать? И, пожалуйста, ложись с краю. Знаешь, этот твой Гольденкац мне совсем не нравится. Ведь если примут его систему, министру ничего не стоит уволить всех вас или почти всех и при этом сэкономить на жалованье, слышишь? Почему ты молчишь?

— Пожалуй, ты права! И тогда министерство больше не пошлет нас в Пайдею придумывать новые карточки и кинопоэмы... а жаль, там вкусно кормят и такой чистый воздух! Верно, лучше совсем не упоминать об этом Гольденкаце...

— Вот и отлично. Ну, а теперь спи, Дино. Послезавтра тебе ехать в Рим, в почтовом поезде. А это опасно, да и дорога дальняя, целых шесть часов.

— Да еще в поезд всегда набиваются крестьяне, а на них микробы кишмя кишат. Эти невежды просто одержимы манией путешествий, а то, что они разносят заразу, никого не волнует. Мы в обязательном порядке делаем дезинфекцию ежедневно, а они ее вообще никогда не делают.

— Но, может быть, в поезд пускают только после дезинфекции? Во всяком случае, тебе нечего бояться, поверь мне, все будет хорошо.

— Ты так думаешь? Впрочем, иногда предчувствия тебя не обманывают. Должно быть, в тебе есть дар телепатии.

— Ну, хватит, Дино, ни слова больше о конкурсе.

На другой день Эроальдо повторял все вопросы допоздна, пока жена в ярости не погасила свет. В поезде, до самого Рима, он, закрыв глаза, мысленно перебирал карточки с аннотациями. Уже в метро он напоследок

проверил себя еще раз и только затем решился войти во Дворец Государственных конкурсов. Здесь его ожидала потрясающая новость: на конкурс съехалось около двадцати тысяч соискателей, причем многие из них — пожилые, седовласые педагоги; ясно, что у них благодаря большому стажу все преимущества.

В огромных аудиториях на длинных столах были установлены аппараты с наушниками и биноклями, лежали микрофильмы, карточки. Под каждым столом стоял ящик для карточек, автоматически отмечающий время. Да, это вам не провинциальные конкурсы! Ага, сейчас подадут сигнал. Эроальдо, стоя, ожидал негромкого звука сирены.

Начали! Первый микрофильм и первая карточка: простейший вопрос о латинских склонениях. Лидия принесла мне счастье; должно быть, она и в самом деле телепатка. Эроальдо не пришлось особенно напрягать ум. Обработав карточку, он опустил ее в ящик и перешел ко второму вопросу. Все до нелепости легко, даже не верится! Должно быть, тут какой-то подвох! Ну да, все дело в скорости, скорости подачи ответа! Другие тоже торопятся, нельзя терять ни секунды.

Он решил опустить некоторые подробности и писать сокращенно. Рим. Ист. Ромул, Ганнибал? Цезарь? Диоклетиан? Очки: 7—1—5—12—9... А это что такое? Отрывки из фильма... но их же не было в программе! Как понять, литература это или история? Покрутим еще немного... нет, не то. Разрушение древнего города... Карфаген или Троя? Они так похожи... Нет, это Троя, я уверен и прекрасно помню, хотя в поэмах Гомера этой сцены не было. Ага, понятно, это отрывки из исторических фильмов, тогда все в порядке, но сколько времени пропало, нужно все начинать заново! Ну, быстрее же! Микрофильм, карточка — щель ящика, микрофильм — карточка — щель, микрофильм — карточка —

щель, микрофильм — карточка — щель... Все! Скорее отсюда!

Он вернулся в зал ожидания и, чтобы избавиться от нервной дрожи, несколько раз потянулся. В зале уже собралось человек сто. Черт возьми, как им удалось справиться с вопросами еще быстрее?

— Что же вы стоите, коллега?

— Простите?

— Я говорю, присаживайтесь. Разрешите узнать, как вас зовут?

— Эроальдо Банкони.

— А меня Томмазони. Вы впервые на конкурсе? Чувствуется. Сидите, сидите, ведь ждать придется четверть часа, не меньше. Если за это время наши фамилии не появятся на экране, значит, нас не отсеяли.

Фамилии неудачников вспыхивали на экране зеленым цветом, словно злые кошачьи глаза, и, убитые горем, участники конкурса покидали зал.

— Как по-вашему, не слишком ли сложна вся эта система? — шепнул Эроальдо соседу. — Ведь так недолго и ошибиться.

— Нет: если вы допущены к дальнейшим экзаменам, автоматическое устройство ни в коем случае не передаст вашу фамилию на экран. Отсеивают очень многих. Тут уж ничего не поделаешь. А придираются-то к мелочам, формальностям... требуют последовательности, точности, быстроты: как будто мы роботы! А устные экзамены... Меня уже дважды проваливали из-за того, что я расходился во мнениях с экзаменатором... Представьте себе, старший консультант оказался психоаналитиком!

— Не может быть?! Разве психоаналитики еще не перевелись?

— Конечно нет! А председатели комиссий? Все они рьяные фантапедагоги. О, чтобы победить на конкурсе,

нужно набраться опыта, уж поверьте мне на слово. Самый трудный экзамен — устный. Между нами говоря, в карточках ошибаются все. Робот пропускает тех, у кого меньше всего ошибок. Мне рассказал об этом наш директор. Его брат два года был членом экзаменационной комиссии.

— Как по-вашему, прошло четверть часа? — прервал его Эроальдо, не отрывая глаз от экрана: пока что его нмя там не появлялось.

— Подождем еще немного... осторожности ради. Да успокойтесь же, ведь вы прямо комок нервов. Экзамены — лучшая проверка нервной системы человека. Разумеется, комиссия рассчитывает на то, что мы собьемся и провалим экзамен, иначе и быть не может. Все мы готовились, все учили, мы ведь не дети, верно?

— Что же вы до сих пор сидите? — раздался позади них удивленный голос. — Ведь вы уже были здесь, когда я пришел. К сожалению, меня отсеяли. Вам нечего бояться. Я-то знаю, где допустил ошибку. Из-за дальнорзоркости я вечно путаю строки этих проклятых карточек...

Около трех тысяч претендентов, прошедших первый тур, ожидали решения своей участи в холле перед дверью, за которой заседали члены экзаменационных комиссий. Слышалось недовольное ворчание:

— Позор, заставляют людей ждать столько времени, да еще стоя.

— Сначала нас разобьют на группы в алфавитном порядке, а затем проведут жеребьевку... Каждый обязан сам отыскать нужную комиссию.

— Что же нам теперь делать? Ведь нас так много!

— Тише, тише, идут.

Дверь отворилась, но вошел только служитель, влоча за собой стул; он с кряхтеньем взобрался на него

и приколот к стене какой-то листок. Эроальдо напряг зрение.

— Мы в разных группах, Томмазони, желаю вам удачи!

Эроальдо предстояло сдавать экзамены другой комиссии. Он поспешил на поиски и вскоре узнал, что комиссия заседает на верхнем этаже. В коридоре толпился народ.

— Как вы думаете, успеют сегодня всех пропустить?

— Конечно, — ответила женщина, стоявшая рядом с Эроальдо. (В соответствии с правилами конкурса, она была в очках.) — Вы что, никогда не участвовали в конкурсах?

Соискателей вызывали группами по десять человек.

«При первой же ошибке меня выгонят, — в ужасе подумал Эроальдо. — И за каких-то десять минут надо произвести благоприятное впечатление на комиссию. Тут стоит рискнуть».

Через два часа вместе с девятью другими кандидатами вызвали и его.

— Будьте осторожны, — шепнул ему на ухо председатель комиссии. — Учтите, что каждое ваше слово фиксируется.

Один из членов комиссии проводил его до прозрачной кабины и сунул в руку карточку. Но это была не его карточка. Эроальдо запротестовал. К нему поспешил рассерженный председатель. Эроальдо показал ему карточку и удостоверение личности. Сконфуженный председатель вполголоса пробормотал слова извинения. Эроальдо тут же воспользовался благоприятным моментом.

— Я не сомневаюсь, что комиссия уважает человеческую личность, — напыщенно произнес он любимые слова своего директора.

«Кажется, я попал в точку!» Проспавший председатель чуть ли не в обнимку прошел с ним в кабину другого экзаменатора и сказал:

— Прошу вас, проэкзаменуйте этого замечательного преподавателя, но только побыстрей.

Экзаменатор-историк, очевидно, человек весьма придиричивый, но трусоватый, включил магнитофон и пробурчал:

— Слишком торопитесь, молодой человек. Карточки вы заполнили с космической быстротой, но в них полно ошибок. Куда вы так спешили? Секунда — и вы узнали битву при Лациуме...

«Потому что в этом фильме снималась Сирена Мока...» — чуть не вырвалось у Эроальдо.

— ...за две секунды узнали крестовые походы.

— По характерному вооружению, — сказал Эроальдо, но умолчал, что рыцари в шлемах с отверстиями для глаз, с копьями, щитами, на которых изображены кресты, и лесом знамен впереди всегда чем-то напоминали ему технического директора школы.

— А известно ли вам, что крестовые походы относятся отнюдь не только к 1390 году?

— Все равно это Средневековье, — быстро ответил Эроальдо.

— Хватит! — прервал их заглянувший в кабину экзаменатор по литературе. — Теперь моя очередь. Вы хорошо подготовились? — С этими словами он включил записывающее устройство.

— Я досконально изучил Кампоформа, — заплетающимся языком начал Эроальдо, — Макса Ривье, Пирелли...

— Неплохо, неплохо... Начнем с великих авторов, навсегда вошедших в историю. У кого из них, по-вашему, самый высокий научно-фантастический индекс?

— У Джакомо Леопарди.

— Джакомо Леопарди?!

— Конечно. Психоаналитическая критика пзвратила его научно-фантастический реализм. Но Коллеони в своем чудесном микрофильме о вариантах и столкновениях различных миров в пьесах Пиранделло отмечает (впоследствии его доводы горячо поддерживал швейцарец Ригатони), что правильное понимание...

— Не отвлекайтесь от основной темы.

— Хорошо. В «Патенте» Пиранделло явственно проступают телефоретические и телекинетические элементы. Но стихотворение Леопарди «К Сильвии» нужно понимать не в психоаналитическом смысле, а как уход от времени. «Сильвия, ты еще помнишь?» Ведь это же бегство памяти в другие вероятностные миры, а слова «Какие надежды, какие сердца» можно истолковать как ключевой символ «пустой могилы». Очевидно, поэт и Сильвия бежали в какой-то иной мир, но в пути Сильвия допустила просчет во времени; Леопарди возвращается назад один и, холодея от ужаса, созерцает ее пустую могилу. Возможно, Сильвия когда-нибудь и вернется, подобно мумии Руйша (сцена из потрясающего фантастического микрофильма по произведению того же Леопарди), но уже навсегда потеряет память.

Эроальдо взмок от напряжения; экзаменатор устался на него, обдумывая новый каверзный вопрос. Но Эроальдо уже закусил удила:

— По моему скромному мнению, следовало бы пересмотреть оценку творчества Кардуччи.

— Это уже сделал Гоффредо Нуволари, — торжествующе возразил экзаменатор.

— Да, однако он не учел маленькой, но важной подробности. В микроэтиде Паольери я заметил, что великий филолог бичует отрицательное отношение сторонников научно-мифологического анализа к трудам

Кардуччи и призывает молодежь глубже вникнуть в их суть. Поэтому я хотел бы представить на суд уважаемых ученых, профессоров университета, свою скромную гипотезу. Я считаю, что у Кардуччи мы находим научно-фантастическое обоснование принципа зимней спячки.

— Вы так думаете?

— Бог ацтеков пробуждается от зимнего сна, чтобы отомстить за свой народ. Его могущество привлекает «красавца-блондина Максимилиана» и временно торжествует возмездие. У Кардуччи мы встречаем научный реализм, что характерно и для «Монгольфьера» Монти, и для «Обрученных» Мандзони (сцена чумы). Все эти короткометражные фильмы очень подходят для слабо-развитых районов. Интересна также работа Пирелли о машине времени, использованной Фосколо в «Гробницах». Благодаря машине времени в людях прорывается наружу все подсознательное...

— Да, но эта теория весьма спорна. Приведите, пожалуйста, пример использования машины времени в традиционной поэзии. Смелее, я вижу, что научно-фантастическая эстетика вам не чужда.

— У Пасколи.

— Пасколи? Но мы же используем его творчество, только когда требуется проиллюстрировать ботанические и зоологические фильмы!

— Пора покончить с недооценкой этого великого фантаста. Ригатони прав. Вы помните маленькое стихотворение об Одиссее, возвращающемся в свое прошлое? Так вот, Ригатони открыл, что Одиссей не смог бы этого сделать, не будь у него машины времени. Ведь это очевидно! Одиссей возвращается назад, и происходит то же, что с магнитной лентой, когда нечаянно нажимают на клавишу стирания. Одиссей был слишком примитивен и не умел пользоваться машиной времени, он оста-

вил клавишу нажатой — ж-жик! все стерто: циклоп, сирены, Каллипсо, да и само рождение Одиссея. Помните стих:

Не быть ничем, не быть ничем, и больше ничего.
Но смерть — она страшнее небытия.

— Превосходно. Можете идти.

— А девственно-чистая, разумная собака Паринп?..

— Я же сказал, вы свободны.

— Я могу опровергнуть древнефантастические ошибки Дзанелла в «Хрупкой раковине».

— Убирайтесь!

Служителям пришлось вытолкать Эроальдо, а он все тараторил без умолку. В коридоре его поддержала чья-то заботливая рука.

— Как я отвечал? Как я отвечал? — растерянно спрашивал Эроальдо.

— Все в порядке, уверяю вас. Вы благополучно выдержали экзамен.

— Только вот перестарался немного, — съехидничал кто-то.

— Оставьте его в покое. Идемте со мной, коллега.

Повелительный тон, твердая рука: незнакомец уверенно повел его к лифту. Эроальдо успокоился и взглянул в лицо спасителя: старый седой преподаватель, качая головой, сочувственно смотрел на него.

— Как они калечат молодежь! Нужно изменить всю систему. Но об этом уж я сам позабочусь. Я пишу книгу, которая наверняка вызовет скандал, но она необходима.

— Полную или короткометражную? — поинтересовался Эроальдо, выходя из лифта.

— Я пишу ее пером, это более действенно.

«Какой-то сумасшедший, только этого мне не хватало!» Эроальдо учтиво улыбнулся, одновременно

пытаясь незаметно улизнуть, но старик крепко держал его за локоть.

— Внизу, в подвале, вам придется подождать несколько часов, прежде чем вы узнаете окончательные результаты конкурса. Пойдемте со мной. Тут есть кафе-автоматы.

— Дорого? — с тревогой спросил Эроальдо.

— Не очень. Нельзя же целый день поститься! Успокойтесь, иначе вам непременно станет дурно. Ведь предстоит еще одно трудное испытание. Я-то знаю, не первый год сдаю экзамены.

— И каждый раз проваливаетесь? Вас до сих пор не зачислили в штат? — изумился Эроальдо.

— Я уже двадцать лет состою штатным преподавателем.

— Простите, но зачем же вы тогда приходите?

— В том-то и дело, что все эти конкурсы — бессмысленная затея. Присядем. Судите сами, по правилам конкурс открыт для всех дипломированных педагогов. У меня диплом есть, значит, я тоже могу принять участие. Ну, не глупо ли? Поэтому я и начал писать книгу. Школьная система Италии нуждается в реформе. Я предвидел это тридцать лет назад. Так продолжаться не может. Видите ли...

— Извините, а что это такое? — И Эроальдо показал на огромный экран, занимавший всю заднюю стену; толстая черная линия делила его пополам.

— Здесь появляются фамилии победителей с указанием набранных очков. Но списки поминутно изменяются, ведь еще не все экзамены кончились. Фамилии соискателей постоянно переходят из верхней половины экрана в нижнюю, по мере того как машина корректирует результаты и выявляет новых победителей конкурса. Если ваша фамилия сверху, то у вас есть шансы получить место, ну, а если внизу... Но не расстраивай-

тес, коллега, до появления окончательного списка всегда остается надежда... Простите, ваше имя?

— Эроальдо Банкони.

— Новых сведений пока нет. Успсете подкрепиться. Я подожду здесь.

Эроальдо поблагодарил и подошел к автомату. Прежде чем выбрать блюда, он внимательно ознакомился с ценами.

— Вот теперь-то и начинается обман.

Эроальдо обернулся и увидел рядом с собой преподавателя в роговых очках.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Эроальдо.

— А вы не знаете? Рекомендации, политические взгляды...

— К счастью, машины политикой не занимаются, — убежденно заявил другой соискатель.

— А кто в них данные вводит? — с иронией спросил учитель в очках.

— Члены комиссии вне подозрений: разве вы сами не видите, что их заставляют молниеносно принимать решения? И кроме того, ведь все фиксируется. А чтобы смошенничать, нужно время.

— Зато чтобы ошибиться, достаточно секунды. К тому же магнитные ленты исчезают в чреве машины, а если она чувствительна к индивидуальному магнетизму кандидата, тогда прощай справедливость. И машина может быть пристрастной.

Эроальдо широко раскрыл глаза:

— Я с вами совершенно согласен. Какое тонкое научно-фантастическое объяснение!

И он ринулся к экрану.

Его фамилия была в самом низу. Буквы почему-то все время расплывались. Тысяча чертей! А вдруг его магнетизм не понравился машине? Решительно его фамилия заметнее других прыгала перед глазами, и

мерцание красных букв пугало Эроальдо — он еле сдерживался, чтобы не разрыдаться. Подлый робот, продажная тварь, что я тебе сделал?! Оставь меня в покое!

Он отер слезы и снова впился глазами в экран: ему показалось... или дрожание и в самом деле усилилось? Нет, он не ошибся! Экран словно пустился в пляс, все слилось, ничего нельзя было разобрать. Кто-то крикнул:

— Новые данные! Черт побери, я был двадцать третьим, а стал сорок седьмым!

А его фамилия наверху! Браво, робот! Теперь мы с тобой поладим. Но что это? Буквы снова заколыхались. Ну, ну, перестань шутить, глупец, не то я вдребезги разнесу твой проклятый механизм! Неужели услышал?! Может, я его обидел... Славный, хороший робот, ради всех святых сделай так, чтобы я остался наверху!

Поступили новые сведения и все повскакали с мест, Шум стоял словно на бирже.

— Есть! А моей фамилии нет. Ура, я наверху! Нет, внизу... Слава богу!.. Опять я внизу!..

Наконец экран застыл, его фамилия все еще наверху, но в предпоследней строке, в предпоследней! Может, это предупреждение? О непогрешимый робот, у меня семья!

Снова поступили данные, и снова пляска красных букв; он, Эроальдо, все еще в предпоследней строке. А вот и очередной поток сведений: его фамилия поднимается, достигает середины, оставляет позади другие, колеблется, возвращается обратно... ему удастся обойти еще одного кандидата, но вдруг чья-то фамилия очень быстро поползла вверх, обгоняя одного, другого... Должно быть, у этого типа сильная «рука»! Посмотрите только, как он летит! О да, синьоров с рекомендациями полным-полно! Они насаждают, теснят остальных. Список путается, все кричат, толкаются, а он, Эроальдо, уже внизу! Его фамилия еще мерцает над черной

линией, нет, этого не может быть, верно, произошла ошибка, ведь только что он был почти на середине! Ура! Теперь он поднимается все выше, он победил!

Что такое?! Снова пополз вниз? Остановись, кретин! Куда там, катится вниз, вниз, вот он уже в самом низу. Плевать, лишь бы удержаться! Миленькие буквы, заклиная вас, только не шевелитесь!

— Передача сведений заканчивается, — мгновенно охладил страсти чей-то негромкий тенор, — сейчас поступит окончательный список.

А буквы его фамилии все никак не успокаиваются, они то ползут вверх, то возвращаются, подпрыгивают и снова падают вниз.

Наступили последние минуты сражения. На табло возникла чья-то длиннейшая фамилия. Она прорвалась на самый верх и возглавила список — это по меньшей мере сын помощника министра. Эроальдо все еще держался на предпоследнем месте. Внезапно экран дрогнул: красные буквы замелькали в безумном вихре, словно пляшущие светлячки, потом разом потухли, и вот уже на экране засветились имена победителей.

Пунцовый от волнения, Эроальдо бросился искать свою фамилию: ее не было, не было! О гнусный, лживый робот! Он бессильно опустился на стул. Кто-то несколько раз больно хлопнул его по щеке. Эроальдо очнулся и протянул руку к экрану:

— Я был там... до самого конца... Банкони Эроальдо, предпоследний ряд... Это несправедливо! — и он всхлипнул.

Чья-то рука грубо встряхнула его, и незнакомый голос прошипел прямо в ухо:

— Что вы хнычете? Связи везде помогают. Можете полюбоваться своей драгоценной фамилией, Банкони Эроальдо. Победителей разместили в алфавитном порядке.

Эроальдо вырвался и подбежал к экрану. Верно, все верно: в восемнадцатой строке стояла его фамилия! Он почувствовал себя выжатым, словно губка. С вымученной улыбкой, вперив неподвижный взгляд в пустоту, он на негнущихся ногах пошел к выходу, но тут его словно током ударило. Что случилось? Опять ошибка? Нет!

— Банкони Эроальдо, получите назначение, — произнес монотонный голос робота.

Милый робот, ну, конечно, я обязан пройти непрерывную церемонию улыбок и рукопожатий. Теперь я преподаватель средней школы и должен держаться с достоинством: аккуратная прическа, уверенная походка. Пора научиться ходить неторопливо, выпятив живот, а не зад, как он это делал раньше, в начале карьеры.

И он торжественно пожал руку председателю комиссии. Тот пробормотал:

— У вас, уважаемый синьор Банкони, явная склонность к педагогике.

«Милый робот, отныне будущее принадлежит мне! О Лидия, моя наделенная даром телепатии жена, о поезд, о метро, о дом, о поцелуй, о любовь!»

— Какое у тебя впечатление от экзаменов? — много позже спросила жена.

— В общем вопросы были несложные, правда, слегка придрались на крестовых походах...

— А что это такое — крестовые походы?

— Я тебе потом расскажу, любимая.

— О них, верно, в школе никто и не слыхал, — и она удовлетворенно засмеялась.

Коллеги Эроальдо отчаянно ему завидовали, но делали вид, будто радуются его успеху. Заведующая учеб-

ным сектором, недовольная тем, что придется подыскивать другого преподавателя, хранила хмурое молчание, а технический директор сунул ему в руки тетрадь пропуса уроков, чтобы взыскать с него какую-то сумму. Только директор школы встретил его тепло и неофициально.

— С таким руководителем, как вы... — начал было Эроальдо.

— У вас есть хватка, дорогой мой. Мне обо всем рассказали. Разумеется, я всегда к вашим услугам. Мы, педагоги, должны объединиться против машинного обучения.

— Конечно, конечно... — повторял Эроальдо, ошеломленный быстротой, с какой распространяются новости: ох уж эти вездесущие фотоэлементы!

— Теперь, когда мы остались одни, — продолжал директор, — нам предстоит разрешить один запутанный вопрос... Что будем делать с Моранини?

— Опять этот Моранини! — вспыхнул Эроальдо, но тут же нерешительно добавил: — Разве семья не согласна забрать его из школы?

— Нет. Отец только рассмеялся, когда я рассказал ему о тетради. Высокое же гражданское сознание у этого синьора! Некоторые господа беззастенчиво пользуются тем, что не хватает квалифицированных специалистов, особенно в области атомной физики. Увы, мы вынуждены с этим считаться. Вы сами убедитесь, какие лентяи учатся в средней школе; к счастью, вы настоящий педагог. Мне дали понять, что дело Моранини лучше спустить на тормозах.

— Но как же Устав?..

— Нужно постичь дух закона, а не букву, — назидательно сказал директор. — Кто знает, вдруг этот Моранини поэт? Читайте, читайте.

— Поэт?!!

Эроальдо взял крамольную тетрадь, которую директор сунул ему в руки. Вынув закладку, он прочитал: «Я купался в море, а не в школьном бассейне...»

— Не может быть! Его отец — ученый и прекрасно знает, что море — источник микробов. Ему бы никогда не позволили!

— Вот именно. Это фантазия: Моранини поэтически оживляет воспоминания предков. Ему нравятся стихи Леопарди, которые он вычитал в нелепых книгах, отпечатанных на бумаге. В своем дневнике он пишет всякую чушь; но отец не обращает на это никакого внимания. А раз он доволен, мы не имеем права вмешиваться. Семья для нас священна. Мы предупредили родителей и тем самым выполнили свой долг.

— Леопарди... — вслух подумал Эроальдо. — Ему нравится Леопарди. Хороший признак. Это был великий поэт-фантаст. — И он снова ощутил благодарность к поэту, который помог ему выдержать конкурс.

Директор очень удивился, но внешне остался невозмутимым.

— Да, таковы, кажется, нынешние воззрения критики. У меня, увы, нет времени заниматься литературой. Вы сами скоро убедитесь, что мы должны быть в курсе всех последних достижений науки и техники. Фантабиопедагогика, фантапедагогическая наука или парапедогогика — вот главные проблемы современности! Впрочем, вы на собственном опыте узнаете... Так как же нам поступить с Моранини?

Эроальдо вертел тетрадь, тщетно пытаясь найти выход из положения. «А что, если применить к Моранини принципы эстетики Кампоформа?» Так, посмотрим! Тетрадь могла бы быть выражением фантареализма. В результате школьного конфликта в ученике Моранини пробудилось чувство коллективного подсознания.

— Ну, конечно, в таком случае можно применить фантасихоаналитическую теорию! — воскликнул Эроальдо. — У мальчика обострился процесс самобичевания... и вот появилась эта тетрадь, что явно противоречит Уставу.

— Чудесно, синьор Банкони, чудесно! Я и не знал, что вы столь сведущи в фантапедагогике. Председатель комиссии был прав. Вас ждет блестящее будущее. Идите, мой друг, поговорите с Моранини и постарайтесь просветить коллег в вопросах фантапедагогики.

Итак, сам того не замечая, он стал пользоваться в школе не меньшим авторитетом, чем директор. Какая блистательная карьера открылась перед ним! О, Моранини, ты тоже оказался орудием моей судьбы!

А может быть, — тут он остановился и удивленно посмотрел вдаль, — может быть, это я сам творец своего будущего?

ОН ЖИЛ НЕ ЗДЕСЬ

«...Наконец Джо Рассел, преодолев страх, толкнул дверь, ведущую в сад, и увидел невысокую, словно детскую, движущуюся фигуру, которая даже в бледном свете луны не была похожа ни на ребенка, ни на лилипута. Странное существо можно было принять и за обезьяну с длинными передними конечностями. Незнакомец, стоящий в десяти шагах от Джо Рассела, поднял руку, и из его сжатого кулака или того уродливого вздутия, что заменяло кулак, внезапно вырвалось ярко-фиолетовое пламя. Оно вспыхнуло трижды, и с этой минуты Джо потерял способность двигаться, но сохранял при этом сознание и ясность ума: он вдруг почувствовал, как тело его окаменело, а голос пропал. Он превратился в статую, которая все видит и понимает...»

Джованни Корсетти заснул на этом месте, читая, как и все предыдущие вечера, фантастический роман, который выскользнул из его рук и упал прямо на туфли. Минуту назад, уже погружаясь в сон, Джованни машинально нажал кнопку выключателя и так же машинально или по привычке прошептал неизвестно кому «спокойной ночи». Ведь другое человеческое существо, которое находилось в комнате, его жена, не могла слышать это пожелание, ибо заснула уже полчаса назад. Ее спокойный и глубокий сон почти никогда не нарушался, тогда как Джованни все ночи напролет ворочался с боку на бок, вздрагивал, тяжело и прерывисто дышал, хотя настоящей бессонницей еще не страдал.

Чтение фантастики вошло в привычку Джованни Корсетти совсем недавно, раньше он перед сном всегда читал исторические романы, увлекательные беллетризованные жизнеописания, а иной раз и серьезные книги по истории, но почти никогда не дочитывал их до конца. Жена, безучастный свидетель его чтения, пользовалась этим иногда, чтобы похвастаться мужем, а иногда чтобы вызвать сочувствие к себе, изображая Джованни эдаким философом, который «весь ушел в свои книги», или ученым-мучеником, который «все ночи напролет проводит за книгами...»

На самом же деле Джованни любил чтение, как иные любят кинематограф: он с головой погружался в книгу, пассивно отдаваясь фактам, событиям и интригам псевдоисторических персонажей. А с некоторых пор его страсть к прошлому обогатилась живым интересом к будущему, болезненным любопытством к неизвестному. Открыв для себя фантастические романы после затяжного периода скептического и довольно презрительного к ним отношения, он внес в чтение прежнюю пассивность и прежнюю видимость культурного интереса. Время от времени он щеголял перед женой своими знаниями.

Елена, или, как он ее называл, Лелла, слушала его весьма рассеянно. Она бы предпочла, чтобы муж, как бывало прежде, делился с ней служебными новостями или чтобы он вместе с ней разделял заботы и переживания, которые вызывала непонятная ей жизнь их дочери Луизы. Однако каждый вечер — они почти всегда оставались вечерами одни — она вынуждена была выслушивать рассказы мужа. Она по-настоящему любила его: они были женаты тридцать лет, и, несмотря на ссоры, дурное настроение и вполне нормальное, так сказать, взаимное непонимание, присущее всякой супружеской паре, их союз был мирным и счастливым.

Черноволосый, поджарый Джованни в свои пятьдесят семь лет рядом с женой казался еще совсем молодым мужчиной. Лелла, вздыхая, уверяла его, что он выглядит на десять лет моложе своего возраста.

— А я... — добавляла она.

— А ты... — успокаивал жену Джованни, не глядя на нее, — он видел ее мысленно глазами памяти, — а ты, моя Лелла, ты для меня всегда останешься прекрасной.

Это была неправда: седые волосы, расплывшаяся фигура, морщины на некогда действительно красивом лице — все это переселяло Леллу в мрачный мир пожилых женщин. Но, надо сказать, молодость Джованни была только внешней. Внутренне он чувствовал себя старым, полностью лишенным юных порывов, которыми не был богат и в молодости. Зато в жестах и голосе Леллы, в ее звонком смехе, не говоря уже о настроении и желаниях, — во всем так и светилась молодость; так бросается в глаза яркая лента среди кучи хлама. Лелла пыталась сохранить чувства, душевную свежесть, но, не находя отклика со стороны Джованни, отступала, почти стыдясь своих чувств. Впрочем, ни смущение, которое она испытывала, сталкиваясь с равнодушием Джованни, ни зеркало, из которого смеялось над ней ее собственное отражение, не напоминали ей так остро о том, что жизнь почти прожита, как это делала дочь Луиза, ее дорогая Лилла («Лилла — Лелла», — шутливо напевал Джованни):

— Ох, уж эти твои взгляды... Ты, мама, не можешь понять некоторых вещей...

Сама Луиза понимала все; во всеоружии своего возраста, здоровая, сильная, алчная, самоуверенная двадцативосьмилетняя девушка, она чувствовала себя как рыба в воде в том мире, куда отец и мать не смели войти, а только издали, из глубины своей старости

смотрели на него, как на блестящий спектакль. Луиза, по их мнению, была вовлечена в бурный круговорот любовных и деловых интриг, телефонных знакомств, неожиданных уходов из дома, прогулок, пиршеств, о которых вскользь говорилось всего-навсего два-три слова.

У Джованни тоже была своя жизнь, служба, которой он отдал тридцать лет, и где он, не проявив особых способностей, усердием добился почета и уважения.

Он приходил со службы усталый, еще весь во власти собственных дум, брался за газету или книгу, и до его слуха едва доходил глухой и назойливый шум: жена и дочь, часто ссорясь, повышали голос. Иногда он вынужден был прервать чтение и крикнуть: «Прекратите!» после этого на время воцарялась тишина, потом слышался яростный шепот и в конце концов резкие крики достигали прежней силы.

Джованни хотелось, чтобы вечером, когда они оставались одни, жена проявляла чуть больше интереса к тому удивительному миру будущего, который он обрел во время чтения новых книг; ему хотелось, чтобы она задавала ему вопросы: он сумел бы ввести ее в мир фантастики, где вынужден был жить один, поскольку даже среди своих коллег не мог найти человека, который проявил бы хоть малейший интерес к его увлечению. Жена, правда, слушала Джованни, но не могла обойтись без упреков, говоря, что он увлекается всякой чепухой, а на серьезные вещи (то есть на все, что касается их дочери) смотрит сквозь пальцы; она потеряла надежду, что Лилла выйдет замуж; дочь доставляла родителям немало беспокойства своим поведением. В глубине души Джованни считал себя неплохим отцом и хорошим мужем. Все вечера он проводил дома. Чего же еще от него хотят? Он был заботлив и предусмотрителен. Так, дом с садом и фонтаном, где плавали золотые рыбки, настоящая маленькая вилла из

шести комнат, три — на первом этаже, три — на втором, после двадцати лет выплаты в рассрочку (оставалось всего три года), перейдет в их полную собственность. Правда, жалование его было невелико, но Джованни имел дополнительный доход с двух квартир, которые достались ему по наследству от отца. Когда-нибудь они перейдут в собственность Луизы, поэтому ему не в чем было себя упрекнуть. Он мог позволить себе такую роскошь («Я всю жизнь гнул спину»): думать о марсианах, жителях Венеры, о будущем (которое, как он где-то вычитал, уже началось), о межпланетных полетах, которые будут проще, чем современные путешествия из одного квартала в другой, а, например, полет на Луну будет напоминать поездку Рим — Неаполь. Кроме того, научно доказано, что в будущем люди не будут работать, все станут делать роботы. Наука предсказывала то, что... как ее... кибернетика делала возможным. Джованни, смеясь, вспоминал о невежестве своих коллег.

— Подумать только, — рассказывал он жене, — никто из них даже не знает, что такое кибернетика...

Сам он проштудировал по этому вопросу статью в энциклопедии, но, надо сказать, имел весьма смутное представление о кибернетике.

Джованни знал также, что такое Галактика, он усвоил теорию о бесконечности пространства и не сомневался, что имеются планеты, населенные высшими разумными существами. Все дело во времени: потребуются годы, а возможно, это вопрос нескольких месяцев, думал Джованни, и в один прекрасный день инопланетяне спустятся на Землю, завоюют ее и возродят.

«Завоевание Земли» — так, собственно, и назывался научно-фантастический роман, который в этот вечер

читал Джованни. Когда он погрузился в тяжелый сон, слова книги, на которых постепенно замерло его внимание, не отпечатались в его памяти. Глубокий сон без сновидений продолжался несколько часов, потом внезапно прервался, и Джованни, проснувшись, испытал такое чувство, словно он продолжал читать книгу. Вместе с тем ему показалось, что его разбудил какой-то необычный шум. Он зажег лампу и посмотрел на часы: десять минут второго. Значит, он спал три часа. Он часто просыпался в это время: всегда одно и то же желание влекло его в ванную. Но этой ночью, хотя в данный момент он ничего не слышал, его преследовало какое-то смутное беспокойство не то от громкого жужжания, не то от взрыва. Он прошел в ванную, но вместо того чтобы вернуться в спальню, направился по коридору к лестнице и начал осторожно спускаться вниз. Потом он пил воду, и ему вспомнились слова из книги, будто он выучил их наизусть: «...Наконец Джо Рассел, преодолев страх, толкнул дверь, ведущую в сад...» Ему показалось, что он и есть Джо Рассел и что в саду происходит нечто странное. Он осторожно открыл стеклянную дверь.

Ночь стояла тихая, теплая, почти жаркая: такие ночи нередки в Риме в середине сентября. Нужно было обойти виллу, чтобы увидеть весь сад как на ладони. Шаркая шлепанцами, Джованни двинулся туда, и тотчас почувствовал присутствие в саду чего-то пока невидимого, но заведомо необычайного... От страха его кинуло в дрожь, но он заставил себя остаться на месте, застыть неподвижно на несколько мгновений, стараясь понять причину охватившего его беспокойства. Его сознание, не полностью освободившееся от сна и вечернего чтения, подсказывало ему, что в саду происходят какие-то необычные события.

«Свершилось! Сегодня ночью они действительно придут на Землю! Они уже здесь, в моем саду, в нескольких метрах от меня! Смелее, Джо Корсетти, тьфу, Джованни Рассел! Сомнений нет: в саду кто-то притаился в тени, тяжело дышит, наблюдает за мной!»

Джованни превосходно понимал свое бессилие: он не сможет ни позвать на помощь, ни защищаться. Они могут лишить его голоса, парализовать волю, нервы, мышцы («Джо почувствовал, как тело его окаменело, а голос пропал...»).

Джованни и в самом деле окаменел. Именно это он ощущал. Там, внизу, у стены, в черной тени пальмы возле клумбы двигалось что-то белое. Какая-то расплывчатая длинная фигура низко пригнулась к земле, потом выпрямилась, задевая кусты. «Странно, — подумал Джованни, — на сей раз они почему-то позволяют, чтобы их видели. Они, верно, думают, что за ними никто не наблюдает». Джованни превратился в статую, глаза которой, постепенно привыкая к темноте, начинают различать предметы, деревья в саду, тени... Вот он увидел, как странное существо поднялось на ноги и, продолжая двигаться, как бы распалось надвое. Две фигуры, одна более светлая, другая — темная, расслоились и отделились друг от друга. Темная фигура (ее можно было принять за мужчину) направилась к калитке, отворила ее со скрипом и помахала рукой другой фигуре, а та, неслышно ступая, уверенно двинулась к дому и через стеклянную дверь вошла в столовую.

И хотя Джованни еще не вышел из столбняка, он все-таки сообразил, что фигура, похожая на женщину, очень напоминает его дочь. Ну, конечно, он узнал ее, оставалось только выяснить: была ли это действительно

но она или же «кто-то из них» принял ее обличье. Увы, это и в самом деле была Луиза, однако Джованни никак не мог (да и не хотел) отделить это открытие от того ощущения и тех предчувствий, которые испытал: он продолжал верить, что его разбудило что-то необыкновенное. Он должен был свести свое открытие с высот необыкновенного до уровня неожиданного: допустить, что Луиза принимала в саду мужчину, возлюбленного. Вместо возмущения он испытал только чувство изумления, правда, совсем не то, которое готовился испытать, но и оно сильно его взволновало.

Он дождался, пока Луиза осторожно закрыла дверь, потом попробовал сдвинуться с места: да, он мог двигаться. Он вошел в дом через кухню и тихо поднялся по лестнице. Постель была теплая, слышалось ровное дыхание жены. Елена со стоном проснулась.

— Почему ты не спишь? Вот так все ночи ты бродишь по дому, будишь меня... какой ты эгоист...

— Я спускался в сад, — сказал Джованни, — я там кое-что видел... кое-что...

— Ну, конечно, ты видел марсиан. А теперь поспайся заснуть.

— Я видел кое-что другое.

— Хорошо, хорошо, ты мне об этом расскажешь завтра.

«Завтра, — подумал Джованни, — завтра, я ей ничего не расскажу. Зачем? Что можно изменить? Только вызвать ссору. Луиза — человек самостоятельный. Она скажет: ты что, сошел с ума, папа? Я — ночью, в саду?.. Или же сухо: это мое дело». Да, это ее дела, Джованни в них никогда не вмешивался. А что собой представляет Луиза? Джованни ровным счетом ничего о ней не знал, как не знал ничего и о своей жене. Он жил не здесь, а в космосе, в звездных мирах. Теперь

он, марспанин, должен спуститься на Землю и поближе познакомиться с жизнью землян, понять их поступки, объяснить поведение собственной дочери и удивиться ему, болеть душой за дочь и смутно сознавать свою отчужденность, свою вину перед ней: он не мог точно выразить собственные мысли, но ему казалось, что он слышит чьи-то упреки — он. мол, не понимая настоящего, поверил, что «будущее уже началось».

Отсутствие атмосферы на Меркурии и минимальная сила тяжести позволяли передвигаться необычайно быстро. Но особенно спешить было некуда, и профессор Альберти решил немного сбавить скорость. Вездеход «Бродяга Космоса» мчался по огромной дуге вдоль каменистого конуса потухшего вулкана. Огромные шаровые колеса плавно несли его по безбрежной равнине Беляева, усеянной камнями и небольшими трещинами. Позади вездехода вилась флуоресцирующая пыль.

Все шло как нельзя лучше. Примерно через час Альберти прибудет в Пристли Норд, Центр научных исследований, где его ждут инженер Малинверни и другие сотрудники. Он мог, конечно, воспользоваться атомным ракетопланом, но тогда пришлось бы ждать, пока база выделит в его распоряжение пилота. А он не имел ни малейшего желания опоздать хотя бы на полдня. На своем вездеходе он доберется до цели куда быстрее.

Час назад ему позвонил Малинверни:

— Профессор, расчетчик превзошел все наши ожидания. Он уже выполнил семидесятую операцию.

Да, в Пристли Норд работают, не щадя себя. Альберти знал, что молодые ученые с величайшим энтузиазмом взялись за порученное им дело, и окончательный результат сравнительного анализа данных волнует их не меньше, чем его самого.

Вдохновителем всех этих исследований был он, Альберти. Он начал их по меньшей мере лет десять назад, поручив окончательную обработку данных Малинверни и его помощникам. Сам он был уже не в том

возрасте, чтобы в свободные часы следить за действиями «Франиака», этой самой совершенной вычислительной машины во всей Системе. Но группа молодых ученых не знала ни о конечной цели всех этих вычислений, ни о вводе сотен тысяч данных, которые он сообщил Малинверни. Разумеется, речь шла не о недоверии к коллегам, а лишь о мере предосторожности. Не мешало устранить возможность чужого вмешательства и, главное, умерить излишнее любопытство дирекции научной базы Зигбан.

Конус вулкана остался позади. Перед вездеходом выросли остроконечные вершины горного хребта Черенкова. Этот гигантский темный массив был бы неразличим на фоне бескрайнего черного неба, если бы не освещенные солнцем вершины. Контраст был удивительно резким. Вершины сверкали, точно бенгальские огни, и казались мертвенно-холодными на черном фоне без единого пятнышка звезд. Голые отвесные скалы и узкие ущелья между ними, как бы рассеченные могучим мечом, расплывались в темноте. А небо за горным барьером казалось густым фиолетовым облаком с редкими пепельными полосками. В этом безмолвном краю Альберти чувствовал бы себя совершенно потерянным, словно утонувшим в пустоте, если бы не сознание, что скоро в Пристли Норд его с громкими криками встретят веселые бородачи и поведут в подземную лабораторию, где равномерно пощелкивает «Франиак». И тогда наконец выяснятся результаты всего комплекса химических, физических, биологических и психологических исследований, которые Альберти вел на протяжении многих лет среди разумных существ всех разведанных человеком миров.

— Не задерживайтесь, профессор, мы почти у цели. Нужна ваша помощь, — сказал ему по радиотелефону Малинверни.

И в самом деле, только он, Альберти, может обобщить результаты вычислений. Его вывод будет или окончательным приговором, или торжеством его же собственной теории. Если теория подтвердится, придется пересмотреть все взаимосвязи между землянами и обитателями других планет. А в известной мере и прежние взаимосвязи между самими жителями Земли.

Чтобы одолеть горный массив Черенкова, надо отклониться от прямой линии — идеальной «автострады», обязательной при передвижении вдоль «пояса вечных сумерек». На северо-западе простирался океан Эпплтон — сторона Меркурия, всегда обращенная к солнцу. Поверхность «океана» беспрестанно вздыбливалась от адской жары. Металл плавился и бурлящей рекой, берега которой непрерывно меняли форму и размеры, стекал вниз.

Пояс «вечных сумерек» всегда погружен в полутьму, ибо пролегает между темной и освещенной сторонами. Тот, кому нужно пересечь его, всегда должен считаться с возможностью аварий и случайных отклонений. Этот негостеприимный район напоминает узкий коридор, где от водителя вездехода требуется особая собранность и внимание. Справа и слева простираются две адские зоны. Можно выбирать между зоной, где температура достигает плюс 380 градусов, и зоной холода, где температура приближается к абсолютному нулю.

Альберти обычно выбирал солнечную сторону. Как все пожилые люди, он любил тепло. И хотя это было довольно глупо, но он предпочитал умереть от жары, чем от стужи. «Когда вам стукнет шестьдесят, друзья...»

Сейчас горная цепь осталась слева. Над ним нависали отвесные, гладкие стены высотой до пятисот метров. Свет ослеплял, отражаясь в них, как в мирадах

крохотных зеркал. В самом вздеходе температура стала повышаться. Альберти передал в Центр свои координаты.

— Да, все идет хорошо. В кабине жарковато, но через несколько минут я снова войду в зону оптимальной температуры. Да, все в порядке. Уже видно плоскогорье Гласера.

— Но профессор, почему вы отправились один? Вам следовало подождать водителя.

— Какого еще водителя? По-вашему, я уже не го-жусь даже на то, чтобы управлять этой колымагой?!

А главное, Вульф, начальник базы Эпгбан, вряд ли поторопился бы выделить ему водителя. Ведь в кругу друзей он называл его, Альберти, исследованием «старческими причудами переструженного ума».

Не хотелось сейчас вспоминать о мелких придирках Вульфа. Этот малосимпатичный человек был слишком тесно связан с компанией «Джеперал Хопкинс». Альберти нажал кнопки и передвинул рычаг управления, чтобы изменить траекторию вздехода. Теперь вздеход держал курс к «оптимальной линии». Альберти закончил разговор с Центром и выключил передатчик.

В тот же миг его ослепила ярчайшая вспышка. «Вероятно, обычная магнитная буря». Но уж слишком велика длина волн. Да и вокруг вздехода не заметно никаких изменений. Перед его «носом» расстилась обычная лава и клубилась пыль. Изрезанная трещинами и усеянная камнями неприветливая равнина застыла в неподвижности. Альберти было подумал, что вспышка вызвана упавшим неподалеку метеоритом, однако он не ощутил толчков почвы.

Какая-то доля секунды — и вдруг вздеход встал на дыбы, отклонился влево и совершил оборот вокруг соб-

ственной оси. Альберти выключил двигатели. Вездеход как бы распался надвое, опрокинулся на бок, не сильно ударился о земляную гряду и непостижимым образом снова коснулся шаровыми колесами почвы. Вокруг кромешная тьма и густые клубы пыли. Альберти понял, что вездеход скользит вниз, хотя колеса его блокированы тормозным устройством. Наконец «Бродяга Космоса» врезался в дюну и застыл. Сверху на него снова обрушилась лавина камней, обломков, песка и гальки и погребла его под собой.

Клубы пыли осветились и стали медленно оседать на обшивку вездехода. Альберти осторожно открыл глаза и огляделся. Он остался жив и невредим и теперь мысленно пытался восстановить картину произошедшей катастрофы. Похоже, что кабина не пострадала, экраны поблескивают в свете электрического фонаря.

Альберти ругнулся про себя и подождал, пока сердце немного успокоится. Ему не было страшно, скорее он испытывал чувство изумления и растерянности. Неожиданная авария усилила его смещение перед лицом рока, но она же заставила лихорадочно искать выход из почти безнадежного положения.

По натуре Альберти не был героем, и не раз признавался в этом публично. «Я самый обычный человек, ученый, который в поисках истины нередко рисковал жизнью. Но, поверьте мне, не по своей доброй воле». Так говорил он, полусуто, полусерьезно, лет восемь назад в огромном конференц-зале Сиднейского университета, и сейчас эти слова вслипли перед ним нарядность отчетливо.

Только теперь он признался самому себе, что страшится одиночества в темных глубинах этой проклятой, коварной планеты. Первым его побуждением было позвать на помощь коллег, даже если это и недруги. Вот,

Вульф, скажем, скорее делец, чем ученый. Но и он работает почти в полном одиночестве на своей базе, в девяноста миллионах километров от Земли, от дома, от близких и друзей.

Альберти попытался наладить связь, но радиотелефон был разбит вдребезги. Сняв предохранительную пластину, он пересчитал, сколько транзисторов вышло из строя. Почти все. Он почувствовал, как к горлу подступила тошнота, слегка закружилась голова. Страх и отчаянье дали себя знать. Когда прошел приступ слабости, Альберти внимательно осмотрел пульт управления. Все лампочки погасли. Ток был включен, но, очевидно, короткое замыкание вывело из строя пускатель. Он подумал, что повреждения, очевидно, не так уж серьезны, и немного успокоился, пальцы перестали дрожать. Да, но ведь электронная вычислительная машина «Франиак» не может ждать ни одного дня... Полученные ею результаты необходимо срочно расшифровать и проанализировать. И Альберти со злостью выругался.

Дирекция компании относилась к его работам, как к «капризам чудака», и ему еле-еле удалось заполучить «Франиак» во временное пользование после запутаннейшей переписки и различных бюрократических формальностей. И вот теперь эта авария. А для него так важно опубликовать результаты своих исследований! Конечно, если его гипотеза подтвердится... Но Альберти не допускал и мысли об обратном. Слишком много сил потрачено на поиски, ставшие буквально целью его жизни. С юношеских лет он ночами просиживал за маленьким столом, сравнивал, подсчитывал, набрасывал примерные схемы. И никому не рассказывал о своих мыслях и догадках. Даже отцу — радиотехнику, — тот наверняка ничего бы не понял в его методе моделирования.

Через каких-нибудь полчаса эта гипотеза обретет плоть и кровь, получит экспериментальное подтверждение. Его личные умозаключения будут подкреплены точнейшими статистико-математическими расчетами. Ради этой поистине грандиозной цели не жалко и всей жизни. Как только удастся точно выяснить химическую структуру зародыша жизни, универсальной молекулы, открытой профессором Фрэнсисом Криком, восторжествует его теория о едином происхождении жизни во Вселенной.

Дальнейшее бездействие губительно, надо немедленно что-нибудь предпринять. Альберти снял предохранительный пояс и шлем и осторожно вылез из кресла. Жара в кабине становилась угрожающей. Скинув куртку и рубашку, он проверил температуру снаружи и степень радиоактивности; стрелка стояла у красной черты.

Если он будет ждать спасателей, то погибнет от психической асфиксии — одной из самых распространенных болезней космонавтов, очутившихся из-за аварии «замурованными» в своих кабинах, шлюпках или отсеках.

То и дело спотыкаясь, он с трудом добрался до металлической стенки и нащупал рукой нишу с вмонтированным в нее пускателем. Ему удалось закрепить электрический фонарь, и теперь у него освободились обе руки. В кабину проникали мельчайшие, въедливые пылинки. Пыль Меркурия была коварной и беспощадной.

Обшивка вездехода раскалялась все сильнее. Альберти неторопливо, почти машинально, соединил два оборванных контакта. «Погребен заживо», — пробормотал он так, словно речь шла о ком-то другом, и хотя руки снова противно задрожали, сумел очистить от пыли все приборы. Через час Альберти совершенно

выбился из сил: он тяжело дышал, его преследовала мысль, что если пускатель не сработает, то все будет кончено...

Нарочито медленно он нажал на кнопку. После пяти безуспешных попыток он стал убеждать себя, что этого следовало ожидать; и все же это помогло убить время. И тут ему вспомнился совет Алексея Буннина: даже при поломке самых сложных устройств, вплоть до совершенной аналоговой машины, сильный толчок может пойти на пользу.

Он улыбнулся своему весьма примитивному толкованию этого совета, но все же принялся бить ногой по пускателью, не переставая нажимать кнопку.

Он бил и бил, упорно, методично. У него ломило в висках, полужакрывшие глаза слезились.

Внезапно пускатель слабо заискрился. Зажглась одна из контрольных лампочек, пускатель ожил. Альберти закричал от радости, и в кабине его вопли отдались гулким, оглушительным эхом.

Он судорожно пригладил усики, провел ладонью по лицу и включил зажигание. Теперь необходимо было любой ценой выбраться из обвала на поверхность. Высунуться, пусть хоть одним колесом, дюзой, чем угодно, лишь бы спасатели могли различить вездеход в полутьме. Он и так потерял уйму времени. Малинверни наверняка уже отправил на поиски спасательные тягачи.

Альберти снова попробовал включить зажигание. Затем снял металлическую пластину и очистил пускатель от пыли. Обмазав бобины, реле и проводку, он в третий раз попытался включить зажигание.

«Ты должен, должен отсюда выбраться! Мужайся, Альберти. Неужели дурацкая сила тяготения на этом проклятом Меркурии положит конец всем твоим надеждам?! Тебя ждет «Франиак», длиннейшие колонки цифр, только ты можешь их расшифровать».

Тысячи логических построений, сложнейшие математические действия... Целый комплекс доказательств того, что созидательный принцип материи одинаков для людей и для всех инопланетян, для всех видов жизни, начиная от мельчайшего микроба на спутнике Демос и кончая гигантскими протоплазмовыми образованиями на Венере. Конечно, впоследствии этот единый принцип изменялся, эволюционировал в зависимости от окружающей среды, климата и других обстоятельств.

«Я должен доказать, что профессор Гласер неправ, когда пытается теоретически обосновать мнимое превосходство одних существ и неполноценность других. Он расчит, и не следует недооценивать его влияние. У него много друзей».

Он подумал, что стареет, и представил себя отчаявшимся неудачником. «Да, ничего не скажешь, худой, неказистый, со впалыми щеками. Ему явно недостает обаяния. А жаль! Иначе он мог бы заручиться поддержкой Бахманна, этого атлетически сложенного австрийца, завсегдатая аристократических клубов. Правда, Бахманн занимается чистой наукой в своих великолепных биохимических лабораториях, и «проза жизни» его не интересует».

Но сейчас для Альберти главным было связаться с Малинверни. Молодой инженер прочитал бы ему по радиотелефону одну за другой перфоленты, а он передавал бы ключ к их дешифровке.

Способность к координированному мышлению — индекс 236, способность к анализу — индекс 247, к синтезу — индекс 248, словом, весь комплекс данных о всех известных нам расах необъятной Вселенной.

Альберти посмотрел на бесформенную груду обломков — все, что осталось от радиотелефона, и вместо отчаяния ощутил ярость, столь несвойственную ему,

обычно рассудительному и спокойному человеку. Он должен попасть в Пристли Норд! Уж кого-кого, а Вульфа его смерть только обрадовала бы.

Огромная безжизненная машина внезапно вздрогнула и рванулась вперед. Альберти ударился о кресло, но не выпустил из рук рычаг управления. Заработали вначале правые шаровые колеса, затем левые. В первый момент они вращались вхолостую, но, задев о камень, поползли вверх. Вездеход рванулся назад, потом вперед, прорывая туннель.

«Так или иначе, но я выберусь из этой западни! В узком туннеле мой «Бродяга» не уступит ракете». Теперь вездеход с трудом продвигался по какому-то подобию галереи. Альберти нажал кнопку сцепления, и вездеход с ревом взметнулся вверх, пытаясь вырваться на поверхность, но затем снова обрушился стальным корпусом на стены туннеля — словно огромное животное, отчаянно рвущееся из клетки.

«Предупреждал же меня Малливерни, чтобы я взял с собой водителя! Он-то хорошо знал, что Вульф не остановится ни перед чем, лишь бы обезвредить врага, даже если этот «враг» — пожилой биолог, его коллега». Но может ли он, Альберти, с уверенностью утверждать, что обвал вызван искусственно? Скорее всего, стена горного массива обрушилась самопроизвольно из-за чрезмерно высокой температуры. Внутри стенки образовалась трещина, она стала еще шире из-за вибрации вездехода.

Двигатели бешено ревели, и Альберти вторил им, словно хотел помочь продвинуть вездеход еще на метр, еще на метр... Почва над ним мало-помалу поддавалась, разваливалась. Ведь Меркурий был очень старой планетой.

«И все-таки в следующий раз я поверну в сторону холодной зоны. Хотя бы ради того, чтобы не обливать-

ся потом. Ну-с, дорогие Гласер и Вульф, вы еще обо мне услышите. А пока меня ждут в Пристли Норд. Немного терпения — и я у цели».

Едва сверкающий купол вездехода показался над дюпой, Альберти увидел вдали перемежающиеся огни. Это были спасатели, которых выслал на поиски Малин-верни.

В большом зале клуба инопланетянин в шляпе с зеленым пером и красной рубашке лениво потягивал коктейль. Рукава его рубашки на локтях были окаймлены тесьмой и кистями; жилет в черно-зеленую косую клетку с деревянными и золотыми пуговицами, белый кожаный пояс с металлической вышивкой, фиолетовые шальвары и яркие полосатые носки дополняли экзотический наряд незнакомца. Он был обут в полотняные вышитые туфли, украшенные серебряными пряжками и медными колокольчиками.

Среди шума и гомона, царящих в зале, раздвинулся алый парчовый занавес, на миг заслонив огромную фреску с изображением воскресения великого Бога Покки и поющих ему осанну властителей Межпланетной Федерации. В правом верхнем углу фрески Демон Абубу, злобно оскалив сотню зубов, спасался бегством в допотопном звездолете. И тут в зал ввалился багроволицый субъект. Поддерживая четырьмя руками голову, а двумя другими обмахиваясь как чудовищными веерами, он грузно уселся у самой стойки, обхватил самоходную табуретку двадцатью парами своих лап и зычно произнес: — Тыфу, какая гадость! — после чего стал жадно прихлебывать тройной нектролеум из громадного бокала, который мгновенно поставила перед ним симпатичная полиноидная официантка Гондрана.

— Так дальше не может... не может продолжаться, — воскликнул пунцовый полицефал. — Это позорще!

— Дидинго Броккен-Броккен, — раздался вдруг голос за спиной инопланетянина. Тот в испуге отпры-

гнул на добрый унифицированный метр, опрокинул бокал и пролил коктейль на фиолетовые пальто.

— Я только хотел вам сказать, — молвил Дадо Бимби, — что этот апоплексического вида господин и есть Броккен-Броккен, великий театральный режиссер. Кстати, вы заметили, что ваши пальто залиты вином?

— Свинья! — воскликнул незнакомец. — Жалкий глупец! Кто вас научил гавкать людям в уши?

— Бедный Броккен-Броккен, — как ни в чем не бывало продолжал Дадо Бимби, — он ужасно расстроен.

Инопланетянин только невразумительно хмыкнул в ответ.

— А вас не интересует — почему?

— Нисколько.

— Бедный Броккен-Броккен расстроен, потому что не может достойным образом организовать ежегодный благотворительный спектакль. Набранные им актеры... Вы, если я не ошибаюсь, прилетели с Земли?

— Вы не ошиблись, — сказал незнакомец.

— Ну так вот, актеры в этом сезоне — настоящее скопище болванов. И хоть набирали их из самых аристократических семейств Малой Атланты и Седьмой Майолики, планет-близнецов, все равно сплошные кретины! То и дело забывают подать реплику, путают выходы, перевирают слова, в общем не актеры, а горе одно. Вот уж целый стандартный месяц мысль о предстоящем спектакле сводит с ума Дидинго Броккен-Броккена. Ведь в нашей системе этот спектакль — центральное событие светской жизни. Осталось всего семь стандартных дней, а тут как на грех кончился запас тряпичных рабынь. Это просто песляханно! На день десять рабынь — и тех не хватает!

Незнакомец снова только хмыкнул, пристально глядя в одну точку.

— Вы в самом деле с Земли?

— Я же вам сказал, что с Земли, черт бы вас побрал! А теперь проваливайтесь!

— Тогда вас должно заинтересовать название пьесы, которую сейчас готовят наши почтенные любители, — невозмутимо продолжал Дадо Бимби. — Не угодно ли приобрести билетик? Всего сто галактических кредитов и голая пластмассовая куколка в придачу.

— Нет.

— «Отелло» ставят, — сказал Дадо Бимби.

— Сроду не слышал такого названия.

— Ну как же?! — воскликнул Дадо Бимби с улыбкой, осветившей его шафрановое лицо. — Вы, конечно, шутите. «Отелло», чудесная древняя драма, плод бессмертной фантазии Шекли... Трагическая судьба командора Отелло, космонавта с седьмой Гориллии, робота Яго, Касса с Венеры и прекрасной девушки Электроны. Незабываемая история. Особенно сцена, когда Отелло душит Электрону металлическим вибратором Кинилии. По-моему, эта сцена сведет с ума нашего несчастного Броккен-Броккена. Репетировали ее раз сто, а исполнитель главной роли Текнот Кутни играет так, что даже камни на нашей планете плачут от возмущения. Я же вам говорю — он задушил всех рабынь, каких только можно было раздобыть на рынке; больше их не найти ни за какие сокровища. А где отыскать дублера? Я, — лицо Дадо Бимби вновь озарилось улыбкой, — играю Яго.

Незнакомец пробурчал что-то невнятное.

— Подумать только, — продолжал Дадо Бимби, — что все прекрасно разрешилось бы, если бы мы воспользовались гипносуфлером.

Его собеседник набивал крохотную глиняную трубку мелкими крошками красного нентуновского табака,

извлекая щепотки из кожаного кисета с желто-голубым геометрическим узором. Дадо Бимби был совершенно ошеломлен.

— Как интересно! Вы табак не жуете, а курите!

— Я делаю то, что мне нравится, — прошипел незнакомец. — Неужели на этой планете все такие бесцеремонные?

— Знаете, история гипносуфлера и судьба города Таппи на планете Консул поистине трагичны. Это самый яркий пример человеческой непредусмотрительности, а также свидетельство исключительной любви к искусству.

Незнакомец тяжело вздохнул.

— Хотите послушать, что там произошло? — спросил Дадо Бимби.

— Не имею ни малейшего желания.

— Изобретателя гипносуфлера, — начал ничуть не обескураженный Дадо Бимби, — звали Пик Моландер, родом он был из северной части планеты Консул. Пик окончил факультет кибернетики Планетарного университета в Шиекемберге и специализировался по электронике у Франкопана в Бунигулисе. В разгар весны, когда деревья на Консуле превращаются в фонтаны благовоний, а цветы на лугах нежно позванивают, он обручился с юной актрисой из Таппи. Звали ее Маннита, у нее были иссиня-черные волосы, а на левый глаз ниспадала огненная прядь. Длинные стрельчатые ресницы, мелкие зубки цвета слоновой кости, тонкая шея, высокая грудь... Ее бедра были свежими и пышными, точно оазис в пустыне, а ноги прекрасны, как воркованье земной голубки. Поистине очаровательная девушка, какую не часто встретишь среди жителей Консула, чистокровных землян, переселившихся на планету около трехсот лет назад.

Но жестокий рок, который со своего трона вершит судьбами людей, не позволяет, и никогда не позволит, чтобы на наших злополучных планетах воцарилось совершенство. Нежная, прекрасная Маннита была на редкость бездарна — она абсолютно не умела играть на сцене. Что же в этом страшного? — голос Дадю Бимби звучал все патетичнее. — Ведь миллиарды людей во Вселенной не умеют играть: этого нечего стыдиться. Но прекрасная Маннита, отлично сознавая, что ее появление на любой сцене планеты Консул только позорит искусство и поэзию, с печальным упорством продолжала выступать.

Могло ли это вынести любящее, пылкое сердце Моладера? Слов нет, представления начинались хорошо. Более того, стоило Манните появиться на сцене в героическом одеянии Меден или трагическом — Электроны, как публика в первых рядах партера и даже всякий сброд на галерке тотчас умолкали. Но едва Маннита открывала рот, как по залу пробегал удивленный шепот, зрители начинали кричать, в актрису летели гнилые овощи и фрукты. Повторяю, могло ли сердце Пика Моладера вынести подобные мучения? Безусловно нет. Пик был молод, влюблен и к тому же гениален. И вот в один прекрасный день, держа в руке тяжелый чемодан, он направился к служебному входу крупнейшего театра Таппи, владельцем которого был не кто иной, как любвеобильный отец Манниты, министр транспорта, за несколько лет наживший несметное богатство.

Пик вошел в зал в самый разгар скандала между режиссером Стаккани и Маннитой, прекрасной как никогда в своем роскошном одеянии. Ее щеки покраснели от бешенства.

— Паршивая собака! — кричал великий Стаккани.

— А ты ублюдок, поганый старикашка! — визжала Маннита, размахивая лилейными руками. — Вот возьму и расскажу обо всем отцу, а он отправит тебя на каторгу!

— Не смейши меня, все знают, что этот жирный боров — твой папаша — находится под следствием. Он грязный вор!

— Ах ты, подонок, — кричала Маннита, тоная погами по пластиковому полу. — Нечестивец...

— Господа, — прерывающимся от волнения голосом крикнул Пик Моландер и бросился к спорящим. — Пропу вас, господа!

— Ах, ах, — Стаккани схватился за сердце.

— А, это ты, Пик, — сказала Маннита, глядя на него, словно на гнойную рапу. — Что тебе нужно?

— Я принес тебе нечто, нечто... — пролепетал Пик Моландер и растерянно добавил: — Нечто такое...

— Гоните этого нахала, — приказал Стаккани служителям и актерам, которые преспокойно стояли рядом, лениво жуя листья гуайи.

— Только попробуйте, — вступилась Маннита, — первого же, кто шевельнется, мой отец отправит на каторгу!

— Дрянь! — крикнул Стаккани.

— От дряни слышу, — не осталась в долгу Маннита.

— Господа! — воскликнул Пик Моландер.

— Ну, что тебе? — спросила Маннита. — Проваливай-ка отсюда, Пик.

Вдруг из глубины большого полутемного зала доносились громкие проклятия:

— Что за... кому это взбрело в голову поставить здесь чемодан?

— Это не чемодан, — крикнул Пик Моландер, проворно сбегая со сцены. — Это гипнотизер. Вели-

кое... великое изобретение, Бога ради, не уроните его!

Чемодан с грохотом упал.

— Убийца, — простонал Пик Моландер.

Он схватил чемодан и, что-то горестно бормоча, перенес его на ярко освещенную сцену. Подняв крышку, он извлек на свет какие-то непонятные устройства, мотки проводов, электронные лампы и внимательно осмотрел их. Наконец отерев пот со лба и запустив перепачканные маслом руки в свои каштановые кудри, он громко произнес:

— Кажется... кажется, уцелел. О проклятые бандиты, горе вам!

Он лихорадочно принялся устанавливать аппарат, и через некоторое время перед актерами появилась большая темная коробка с множеством транзисторов, кнопок, переключателей и тонких, словно паутина, антенн. На самом верху загадочной коробки высилась толстая, длинная антенна, укрепленная на двойном шарнире и увенчанная каким-то сложнейшим устройством. Тишину нарушило чье-то харканье; отпрыгнув влево, Пик Моландер еле увернулся от смачного плевка Мортимера Кука, главного машиниста сцены.

— Это что за дурацкая штуковина? — спросил Мортимер Кук, невозмутимо покачиваясь на громадных ногах.

— Невежда! — взвизгнул Пик Моландер. — Не будь здесь дам, я бы тебе показал, где раки зимуют!

Мортимер Кук, согнувшись вдвое, мерзко захихикал:

— Дамы? Подумасшь, дамы!

Но Маннита топнула ножкой, и Мортимер Кук мгновенно утих.

— Пик, дорогой, — проворковала Маннита, — что это за страшный прибор?

— Гипносуплер, любимая, — сладким голосом ответил Пик Моландер. — Я сделал его для тебя. И для всех. Что вы репетируете? Комедию? Драму?

— О, — сказал великий Стаккани, — мы репетируем пьесу «Тиберий, черный царь Капеллы», произведение несравненного Каналиу. Подлинный шедевр. Но... — он покосился на Манниту. Впрочем, Маннита этого не заметила — как и все остальные, точно зачарованная, она не сводила глаз с Пика, который прильнул к окуляру своего аппарата, откуда пробивался ярчайший луч света.

— Угу, Тиберий? — пробормотал Пик Моландер. — Так, все готово.

В аппарате что-то щелкнуло. Пик Моландер вскочил на ноги и, жестом призвав актеров к молчанию, удалил со сцены тех, кто не участвовал в репетиции. Воцарилось абсолютное безмолвие сурдокамеры. Большая антенна наклонилась к центру сцены. И, о чудо — Маннита преобразилась, казалось, она стала выше и еще прекраснее, словно вся была пронизана светом. Сделав рукой нежный, отклоняющий жест, она горестно произнесла:

— О горе мне, мой обожаемый властелин! О тяжкий рок! О коварный город, мириадами своих греховных щупалец ты осквернил весь космос! О столица, символ ужасный произвола и измены... о Тиберий, обожаемый Тиберий, подари мне хоть один взгляд любви! Эта ночь будет последней пред нашей вечной разлукой!

Актер, игравший царя Тиберия, стал словно бы более мужественным и грозным (не забудьте, это был все-таки сам Коно Апострофе!), драгоценные украшения зазвенели на его черном, как эбеновое дерево, теле, выкрашенном экстрактом из остролистника; он вышел вперед и преклонил колена у ног Манниты.

— О, Кательпа, моя возлюбленная Кательпа, мое божество! Здесь, с тобой, чрез мгновение приму я смерть... Презренная жалкая слава, мерзкая тирания — прощайте! Свободные пьеса, свободные судьбы и любовь восторжествуют над временем и пространством. Кательпа, прекраснейшая, чудесная Кательпа! Тебе — нежный и сладкий яд, мне — быстрый и безжалостный кинжал!

И он вонзил себе в грудь ужасный эластичный кинжал фирмы «Бодони», а Маннита в тот же миг томпо склонилась над ним, похожая на престное изваяние; когда же она рухнула на бездыханное тело Тиберия, в таинственно-темном зале вспыхнули бурные аплодисменты.

— Пик, — Маннита бросилась в объятия жениха. — Пик, это было... было...

— Великолпно! — заключил великий Стаккапи, чуть не рыдая от счастья. — В жизни не видел ничего подобного!

— Но как? Как вам это удалось?.. — пробормотал несравненный Коло Апострофе, спускаясь с трагических высот сцены. — Ни с чем не сравнимое впечатление, кажется, будто вступаешь в иной мир. Все становится великим, прекрасным, совершенным! Словно уносишься в заоблачные сферы...

— Да, да! — вскричала Маннита. — Ах, Пик, ты гений!

— Ну что ты, дорогая, — покраснев от смущения, сказал Пик, — пустяки. Магнитная память, антенны, резонанс селекторов... нервные волны.

— Нервные волны? Резонанс? О да! — восторженно повторила Маннита. — Я почувствовала... почувствовала, будто что-то живое и нежное проникает в мой мозг и я подчиняюсь его власти. Потом наступило безмерное счастье, словно аппарат, как бы это лучше выразиться,

пу, словно аппарат испытывал огромную радость, безудержный восторг, переживая вместе со мной эту прекрасную трагическую сцену.

— Само собой, — скромно сказал Пик Моландер.

Его с триумфом вынесли на руках.

— Так оно и есть. Гипносуфлер глубоко переживает и чувствует величайшие драмы, трагедии и комедии Вселенной. Именно так он был задуман и сконструирован. Поверите ли, я опустошил библиотеки тысяч планет и всю мудрость книг вложил в несравненную магнитную память гипносуфлера. Записи всех драматических произведений нашей Вселенной мне удалось сконцентрировать в устройстве величиной с наперсток; игра самых выдающихся актеров, каждая их реплика, каждое движение, каждый нюанс, все запечатлено... Победы и поражения, убийства и предательство, славу, веселье, радость, страдание — все, все должен пережить гипносуфлер, без этого он погибнет, как растение без воды. Волны аппарата достигают вашего мозга и мягко, но неминуемо проникают в него, но заметьте, прибор сохраняет ясность сознания и испытывает бурную радость, что знаменует переход из небытия к бытию, и каждый из вас превращается в необыкновенно искусного исполнителя, ибо он уже не играет, а живет, не представляет, а...

— Но где же тогда искусство? — хором воскликнули Пектация и Липпо Коронно. — Какая участь уготована настоящему искусству?

— Оно останется, — успокоил их Пик Моландер, подписывая десятки автографов и оставляя на память сотни отпечатков пальцев.

— Ведь опыт гипносуфлера всегда можно изменить, сузить или расширить, ввести в его память тысячи других жизненных впечатлений. С помощью гипносуфлера можно обучить актерскому мастерству

даже металлоидов с седьмой Пульхры или тупоголовых с Эквора. Великие писатели еще могут достичь форм нового, глубоко личного искусства, и все это нетрудно будет ввести в гипносуфлер, влить в него новую жизнь, бесконечно обогатить его артистическую палитру.

— Браво, браво! — воскликнул великий Стаккани, подбросив свой берет с огненно-красной кисточкой. — Да здравствует гипносуфлер!

Все грянули «ура!», а Маннита провозгласила троекратное «ура» в честь Пика Моландера. Актеры и слушатели поддержали ее восторженными возгласами.

Внезапно из глубины зала донесся чей-то каркающий голос:

— Что здесь происходит, черт побери? Пора расходиться, пора.

— О, сэр Джеремин, наш мудрый Государственный надзиратель, — пролепетал Стаккани, униженно вобрав голову в плечи. — Мы заканчиваем, да, мы заканчиваем. А завтра мы снова соберемся; итак, до завтра.

Но тут же, воспрянув духом, он с воодушевлением воскликнул:

— Завтра мы вновь вернемся к этому волшебному аппарату и станем... — он осекся, но затем лицо его просветлело, — станем Отелло и Яго!

Его слова подхватил могучий бас Коно Апострофе:

— Да, да! Станем Тиберием и Витулином!

— Сенской! — крикнул Липио Коронио. — И Нероном!

— Дидоной и Клеопатрой! — взвизгнула Пектация.

— Альбуфедой и Берти Бустером! — выкрикнул Стаккани.

— Мальволио и Мандриллио! — еще больше воодушевился Коно Апострофе.

— Джульеттой и Софописбой! — восторженно продекламировала Маннита.

— Бионаппой и Нейтроной! — не унималась Пек-
тация.

— Танталом и Мазурием! — принял вызов Коно
Апострофе.

— И... — крикнула Пектация.

— Вон отсюда! — рявкнул сэр Хатауэй Джере-
мин. — Убирайтесь, олухи безмозглые! Мои роботы в
два счета выгонят вас отсюда. Марш, марш!

Наконец погасла последняя лампа; замер воздуш-
ный кондиционер, воцарилась полная, почти ощути-
мая в тишине тьма; в огромном зале не осталось ни
души.

Прошло несколько минут — все то же глубокое без-
молвие. Синтетические ткани, ворсистые ковры из
ацетилена, биопластиковые кресла, мультистереофони-
ческие динамики, ряды партера с бесконечными укра-
шениями в стиле рококо, климатические аквариумы
для зрителей с Венеры и Бегонии, плазменные све-
тильники, эскалаторы, автоматические интегрирую-
щие переводчики, инфразвуковые возбудители, синте-
тические слезницы, психофренические модераторы,
генераторы запахов, радиаторы осязательных ощу-
щений, — все было неподвижно, бесстрастно. Каждый
предмет словно окаменел.

— Клик! — Дадю Бимби любил эффекты.

Из большого ящика, стоявшего посреди сцены, вы-
скочил длинный металлический стержень с маленьким,
весьма замысловатым устройством вверху. На лицевой
стороне ящика загорелся зеленый огонек. Антенна
сильно завибрировала, послышалось негромкое жуж-
жание, которое постепенно усиливалось.

Зеленоватую полутьму прорезал нечеловеческий
воплъ. Крик печали, ни с чем не сравнимого отчая-
ния, крик исповедного младенца, который до ужаса

одиноч и страдает от голода, мучительного, невыносимого...

Войль повторился. Длинная антенна несколько раз описала в воздухе сложную кривую, потом вся засветилась. Вскоре она так накалилась, что от нее во все стороны полетели спящие искры. Безумный крик прозвучал еще дважды, антенна на мгновение замерла. Когда же она возобновила свое волнообразное движение, крик прекратился, внутри большого ящика с шумом и тиканьем, словно снелся поделиться радостью освобождения, заработало чудовищное сцепление механизмов.

В трехстах метрах от огромного театра, где-то в глубине парка, за высокими дубами и санталами, за клумбами, усыпанными желтыми, голубыми и какой-то невиданной окраски цветами, за поросшими кувшинками водоемами сидел в своем роскошном кабинете сэр Хатауэй Джеремин, Государственный надзиратель Имперского театра города Таппи, и раскуривал электро-трубку из синтетического красного дерева. Внезапно он вздрогнул. Ториевая зажигалка выпала у него из рук, но сэр Хатауэй Джеремин этого даже не заметил.

Его серые навывкате глаза уставились в невидимую, безмерно далекую точку. Обнажив в зловещей гримасе зубы, он громко, с невыразимой печалью, произнес:

— Нечестивая!

И, подавив рыдание, выхватил нож с блестящим стальным лезвием и малахитовой рукояткой, украшенной тончайшей узорной резьбой работы придворного ювелира Великого Гвипаса Хондо.

— Твоим я буду... — воскликнул сэр Джеремин. Стальное лезвие ножа зловеще поблескивало в его руке.

— ...лишь умерев! — и рухнул на пол, чтобы никогда уже не подняться. Драгоценная зеленая рукоятка

его ножа торчала между пятым и шестым ребром, а рубашка из тончайшего шелка, вышитая золотом и серебром, стала красной от крови.

— Это, — сказал Дадо Бимби, — только начало...

— Да ну, — буркнул незнакомец.

Дадо Бимби возобновил свой рассказ.

Из темного ящика на сцене Имперского театра Таппи вновь донесся отчаянный стон, заставивший вздрогнуть огромное здание. Одна из колоссальных люстр с грохотом обрушилась на пол.

Гигантская жаба с изборозженной рубцами спиной, высунув голову из водоема, возвала к безмолвным звездам:

— Быть... гр-р-р... г-р... или не...

— ...быть, — откликнулась маленькая ярко-красная жаба, уютно разлегшаяся на огромном листе-тарелке виктории-реги. — Быть... у-у-у, у-у-у... или не быть...

— Квэ... квэ... — заквакала зеленая лягушка.

— Фью, фью, — запищал из зарослей гонодендрона проснувшийся страусовидный дрозд.

Далеко, за тридцать земель, робот-полицейский, который спокойно рассказывал по окраинным улицам, неожиданно застыл в нерешительности, а затем, словно подстегиваемый бешеной силой, проделал двести семнадцать несуразных прыжков и рассыпался на составные части.

Тем временем невидимые потоки лучей пробилась сквозь листву, разлились над спящим городом и словно замерли в ожидании. Какой-то седовласый мужчина, шатаясь, с громкими криками вышел из ночного кабака великого города Таппи; его живот колыбался под длинной пурпурно-золотистой туникой, усы обвисли. Ухватив его за руку и тоже что-то выкрикивая, брела совсем юная девушка с зелеными крашеными

волосами и черными, сильно подведенными глазами. Они подошли к турбомобиле. Мужчина, словно одержимый, вперил взор в темное небо, что-то крикнул напоследок и громко продекламировал:

Злодей родитель! Колебаться поздно!
Умрем. И сгиньте с моего чела
Следы позора, пятна преступлений!

Его молоденькая спутница испуганно закричала:
— Помогите!

С возгласом: — Умрем! И сгиньте... — старый кутила рванул к ней.

Привлеченный их криками, из кабачка выбежал швейцар. На шум голосов поспешили встревоженные сторожа с турбомобильной стоянки, полицейские, хозяин кабачка, девицы и пестрая лавина посетителей. Девушки в один голос завопили:

— О мои руки! Они в крови! А-а-а...

— Радамес, тебе не оправдаться! — дико закричали посетители кабачка и бросились друг на друга. Мгновение — и схватка перешла в ожесточенный, кровавый бой: в ход пошли ножи и нейтронные пистолеты. Ночь наполнилась криками боли, страха и агонии, ужасная сумятица все нарастала.

— Несчастная!

— Куртизаны, исчадия порока!

Едкое дымное облако проникло в легкие живых, а мостовую уже устилал трупы. Умиравшие стонали, а раненые, среди них растоптанные, изувеченные женщины замогильными голосами бессвязно бормотали:

— Какого обаянья ум погиб!

— Офелия, Офелия, ступай в монастырь...

Люди стреляли, душили, резали друг друга, декламируя стихи из античных и современных трагедий и

величественно жестикулируя; раненые падали, с трудом приподнимались и снова валялись на землю, до последнего дыхания играя роли неизвестных героев.

— Вы счастливы — среди такого горя!..

— Разбейся, сердце, молча затапсь!

— Дункан, не слушай, по тебе звонят...

И в рай препровождают или в ад! О горе мне!..

— Офелия, ступай в монастырь! Ах, Гамлет, сердце рвется пополам!.. О Офелия...

— О тень бывшего!

— Офелия!

Поверженные тела валялись вдоль тротуаров, а уцелевшие жители все еще продолжали выкрикивать хриплыми голосами:

— О, лишь она на жертву ту способна...

Счастливица среди такого горя!

В дальнем конце парка, за античными скульптурами и прудами с кувшинками и камышом, за клумбами с желтыми и голубыми цветами, за высоченными дубами и санталами, посреди огромной залы стоял ящик, излучавший теперь кровавый свет. Пластиковый пол сцены покоробился, от занавесей, кресел, ворсистых синтетических ковров ползли струйки дыма. Из раскаленного ящика раздавалось жужжание, треск, слышались удары, тикание и какое-то неудержимое, восторженное бормотание; гипносуфлер вибрировал, из его чрева то и дело вырывался сдавленный крик, приглушенный плач, бред, словно его душила неудержимая ярость.

В темной комнате дворца, у самой двери, стоял плутониевый сейф, откуда слышался скрежет нейтронной пилы. Дзинь... дзинь... дзинь... и вот уже отвалилась передняя стенка сейфа и из темноты возникли две тени.

— Да, — негромко произнес один из таинственных пезнакомцев. — В земле и в небе более сокрыто, чем спилось вашей мудрости, Азимов...

— Что? — сдавленно прошептал другой. — Бэби, бэби! Где ты, бэби?..

И снова рев:

— О, я безумец! Предатель... преда...

Печальный голос отвечал ему:

— Бэби, ради всех святых, бэби! О, какой актер во мне погибает!

Вздых, предсмертный хрип — и все смолкло.

Из глубины дворца появилась чья-то тень.

— Зачем пришла ты?! — Раздался крик, секунда — и он перешел в звериный дунераздирающий вой и замер. И снова донеслось: — Зачем пришла ты к царскому шатру? О молви!

— А-а-а... — пролепетала тень — я... я... я... бедная служанка!

— О молви, молви же! — рявкнул полицейский.

Тень жепщины покатилаь по мостовой.

— Я бедная служанка, я бед...

— Зачем пришла ты к царскому шатру! О молви! — вновь гаркнул полицейский.

Распахнулись миллионы окон, и к небу вознесся вопль, протяжный, подобный стону:

— Зачем пришла? Зачем пришла ты! — И опять: — О молви!

Целый хор статистов повторял это слово на разные голоса — пронзительные, глухие, гортанные, повторял с отчаянием и ужасом:

— О молви! Молви!

В домах и на улице раздавались длинные автоматные очереди и выстрелы, крики и предсмертные хрипы. Мужья умерщвляли жен, сыновья зверски расправлялись с отцами, любовники убивали друг друга. Спа-

чала обезумевшие люди запрудили все улицы и площади южной части Таппи, а потом хлынули в восточный и западный секторы города. На севере царил полный хаос. Истерические завывания неслись к небу, словно внезапно наступил день Страшного суда.

Эпицентр стихийных сил разрушения находился в северном квартале, где бушевало пламя пожарниц, а воздух был насыщен густым дымом и невыносимым смрадом горящих вещей и человеческих тел.

— Итак, кругом бушевало пламя, — продолжал свой рассказ Даво Бимби, — оно вырывалось из окон, с балконов, горели дома и дворцы, склады горючего казались действующими вулканами.

— Ах! — простонал инопланетянин.

— ...Не осталось и следа от синтетического бархата, ворсистых красных ковров и даже биопластиковых кресел. Все динамики громко выли, а автоматические переводчики гудели, подобно скопищу старинных дымовых труб; возбудители эмоций и синтетические слезницы визжали, как толпа женщин, с которых живьем сдирают кожу. На всей территории необъятного парка испарились пруды, превратившись в гигантские груды извести и обломков, фавны с безумным хохотом гонялись друг за другом, фосфоресцирующие статуи с грохотом разбивались на куски. Лягушки, жабы, дрозды, сороки без конца твердили свос:

— Увы-ы-ы...

— Увы-ы-ы, увы-ы-ы, увы-ы-ы...

— Увы-ы-ы, бедный Йорик..

— Увы-ы-ы, бедный Йорик.

Оставшиеся в живых довершали кровопролитие. Они сносили друг другу головы, отрубали конечности дезинтеграторами и огромными тесаками. Из подъездов, подвалов, комнат доносились страшные вопли:

— О разбитая надежда, о скорбное царство, о угасший род царей наших!

— Меропа, пусть печаль, гнев и подозрение уйдут из сердца твоего...

— О светлый и спокойный день мой!

На груди трупов стоял безобразный старик, грязный и окровавленный. Воздев руки к черному от дыма небу, он успел воскликнуть, прежде чем и его поглотили языки пламени:

Она меня за мук полюбила,
А я ее — за состраданье к ним!

Жители Таппи полностью исчерпали тексты всех пьес — от Софокла до Теллурия с четвертого Онтануса, от Менаандра до Ласки, от Минья до Лопе де Вега, от Моратина до Цаккони, от Крега до Миллера и Меласа, от «Андромахи» до «Бертольдо», от «Пер Гюнта» до «Меропы». Действие страшного представления перенеслось на улицы. Оно растекалось, неудержимое, словно смерч, мощное, словно бег огромного стада рассвирепевших бизонов, и стихало, лишь когда рушились здания и под обломками погибали тысячи обезумевших людей, и вновь вспыхивало, едва пафос драмы овладевал горожанами, доводя их до иступления и экзальтации в самых патетических сценах.

— В конце концов, — невозмутимо продолжал Дадо Бимби, — гипносуфлер не выдержал страшной мощности — ящик раскалился добела и взорвался. Над городом взвился огромный, черный как преисподняя, гриб в нимбе сверкающих молний. Казалось, какая-то чудовищная, непреодолимая сила сжимает город в огненных объятиях. Жители погибли. Планета Консул вздрогнула, и под грохот взрыва невиданной силы на месте злосчастного города Таппи образовался гигантский кратер!

Инопланетянин застонал.

— Да, — повторил Дадó Бимби, — гигантский кратер.

Казалось, чужестранец не понимал всего ужаса трагедии, разыгравшейся на планете Консул.

Дадó Бимби в третий раз повторил:

— Гигантский кратер!

— Я слышал! — взревел незнакомец. Он вскочил, взволнованно размахивая руками, и сдвинул набекрень свою шляпу с зеленым пером. — Слышал, черт возьми! Будь я проклят, если еще раз ступлю на Малую Атланту, самую паршивую из паршивых планет!

Но Дадó Бимби оставался все так же невозмутим. Деликатно поправив кисточку на рубашке незнакомца, он сказал:

— А о Пике Моладере так больше никто и не слышал. Кто знает — может, он погиб вместе с красавицей Маннитой и миллионами других? Сгинул в раскаленной сердцевине черного гриба?

— Нет, — отрезал незнакомец.

— Возможно, он утонул в пружине...

Дадó Бимби загнулся на полуслове и, отодвинув стакан, чуть слышно спросил:

— Что вы сказали?

От страха его начало трясти, лицо постепенно синело.

— Я сказал «нет», — ответил инопланетянин и сплюнул.

— О боже... — пробормотал Дадó Бимби.

Он посмотрел на незнакомца:

— Вы... откуда вы знаете?..

В просторном зале клуба, за алой парчовой портьерой и большой фреской из электроволокна, раздался вопль — это во всю силу своих голосовых связок взревел незнакомец:

— Да потому, — загремел он, с холодным бешенством награждая Дадю Бимби пощечинами, — да потому, что Пик Моладер — это я! Вот уже десять галактических лет как я скитаюсь в космосе, желая забыть обо всем, что случилось. И теперь, когда мне это почти удалось... Будь ты трижды проклят, негодяй, мерзавец, идиот, олух несчастный!

А когда Дадю Бимби от ударов Пика рухнул на пол и под испуганные крики официантки Гондраны покати́лся к стойке, Пик Моладер неожиданно сник и разразился отчаянными рыданиями. И уже никто не в силах был его утешить.

ОПАСНАЯ ИГРА

Когда Алем Промикс появился на сцене, по залу пропелся гул восхищения. Можно не сомневаться, что и миллионы телезрителей, с замиранием сердца следивших за игрой-загадкой «Откажись или удвой ставку», вскрикнули от восторга. Высокий, сухощавый, по-спортивному подтянутый, он огляделся вокруг и ослепительно улыбнулся, широко раскрыв редкой голубизны глаза и встряхивая густыми курчавыми волосами, ниспадавшими чуть ли не до плеч. Одет он был безукоризненно, и даже блондинка-ведущая, у которой за долгое время работы выработался иммунитет к сотням и сотням участников этой весьма популярной телеигры, ощутила трепетное волнение.

— Сеньор Франческо Бриколетти из Рима, — объявила она.

Алем Промикс, несколько не удивившись тому, что назвали совсем чужое имя, изящно поклонился зрителям, фоторепортерам и корреспондентам газет.

— Он хочет испытать свои силы в астрономии, — торжественно объявила ведущая и, чуть слышно вздохнув, удалилась.

Далеко, очень далеко от Милана, в доме, внешне ничем не отличавшемся от тысяч других домов, но обставленном весьма необычно, если ни причудливо, сидела в креслах группа на редкость красивых людей, до того похожих на Алема Промикса, что всех их можно было принять за близнецов. Их взгляды были прикованы к огромному экрану цветного стереовидео.

— Промикс сошел с ума! — воскликнул один из пяти неизвестных, судорожно сжимая ручки кресла.

Остальные согласно кивнули. Перед тем, кто, судя по всему, был старшим в этой группе, стояло загадочное устройство с тремя сверкающими линзами из какого-то совершенно неизвестного вещества.

В большом плексигласовом ящике среди сложного переплетения проводов пзредка вспыхивали искры и красиво поблескивала красная пластмассовая кнопка. Тем временем находчивая ведущая любезно беседовала с обаятельным участником конкурса, задавая ему различные вопросы, на которые новоявленный Франческо Бриколетти из Рима отвечал пепринужденно-развязно. Он объявил себя «скромным почитателем науки Урании» и «дилетантом, влюбленным в ночные просторы, усыпанные звездами», что прпвело в восторг телезрительниц ближних и дальних городов и вызвало саркастическую улыбку у пяти его двойников, сидевших у объемного экрана.

Он сказал также, что никогда не помышлял сниматься в кино (при этих словах пять его «близнецов» снова ехидно улыбнулись) и что в свободное время он любит сочинять лирические стихи. Не дожидаясь приглашения дикторши, он медоточивым голосом прочел несколько отрывков из большой поэмы. Наконец наступил долгожданный миг. Блондинка-ведущая не подошла, а словно подплыла к нему с конвертами, в которых находились листки с коварными вопросами, и, млея от восторга, выслушала комплименты Франческо Бриколетти в свой адрес. И вот в абсолютной, полной напряженного ожидания тишине началось состязание.

— Первая ставка две с половиной тысячи лир. Вам надо ответить на следующий вопрос, — ведущая водрузила на нос очки: — что представляют собой, согласно наиболее вероятной гипотезе, каналы планеты Марс?

— О, это очень просто, — с чарующей улыбкой ответил Алем Промикс. — Речь пдет о гигантских искус-

ственных водных путях, по обеим сторонам которых растут зеленые насаждения. Каналы эти построили жители Марса, чтобы рационально распределить последние запасы воды.

— Ответ совершенно точен! — воскликнула ведущая, и в голосе ее явно звучало изумление. — Но, разумеется, это всего лишь наиболее правдоподобная гипотеза.

Алем Промикс учтиво поклонился.

Пять удивительно похожих на него незнакомцев бессильно откинулись на спинки кресел. Старший снял палец с кнопки — еще доля секунды и он бы на нее нажал.

— Второй вопрос, — сказала ведущая. — Из какого вещества, по-вашему, состоят кольца планеты Сатурн?

— Ну, это легче легкого, — ответил Алем Промикс. — Речь идет о бесчисленных обломках льда с десятипроцентным содержанием кремнезема и бокситов.

— Правильно! — воскликнула ведущая под аплодисменты сидевших в зале. — Впрочем, незачем сообщать все подробности... И вообще странно. Вы отвечаете так, словно не сомневаетесь в достоверности своих утверждений. А между тем это всего лишь теории.

Алем Промикс снова галантно поклонился и ослепительно улыбнулся под аплодисменты зрителей.

— Факсл! — воскликнул один из двойников Алема Промикса, подпрыгнув в кресле. — Этот болван в конце концов всех нас погубит! Ты должен немедленно его остановить!

— Потерпи еще немного, — ответил тот, кого назвали Факслом, снова положив палец на красную кнопку, но все еще не решаясь ее нажать. — В крайнем случае я замкну цепь.

Конкурс продолжался. Но в воздухе витала непонятная тревога. Ведущая, словно улавливая еле замет-

ные колебания атмосферы, глядела на Алема неуверенно и даже робко. Задавая третий вопрос, она на середине фразы умолкла и с трудом сумела ее закончить.

— Не могли бы вы назвать... назвать имена хотя бы четырех звезд из созвездия Большой Медведицы?

— Я могу назвать все семь больших звезд и с десятка два мелких, — ответил Алем Промикс. — Но я человек скромный и потому ограничусь четырьмя основными. Вот они: Дубхе, Алиот, Бенетнаш и двойная звезда Мицар. Так их называют сами жители этих планетных систем.

В зале вновь раздались дружные аплодисменты.

— Как странно вы выражаетесь! — сказала ведущая. — Похоже, что, безмерно любя астрономию, вы считаете себя гостем на нашей бедной Земле!

— Представьте себе, вы весьма недалеки от истины! — воскликнул Алем с добродушной улыбкой.

В зале послышался смех.

На этот раз Факсл чуть было не нажал на кнопку. Пять высоких блондинов с ярко-голубыми глазами вскочили с мест.

— Нет, еще нет! — рявкнул Факсл, заглушая гневные крики своих товарищей. — Алем все ближе подходит к краю пропасти. Но я хочу дать ему последний шанс!

— Потом мы горько раскаемся! — воскликнули остальные.

— Четвертый вопрос, — сказала ведущая. — Перечислите спутников планеты Марс, укажите их размеры и названия.

— О, это сущий пустяк! Итак, Деймос, диаметр десять километров; Фобос, диаметр двенадцать километров, на нем находится искусственная орбитальная стан-

пия, и Абсилл, диаметр один километр, тоже искусственная орбитальная станция...

Тут Алем покраснел и внезапно умолк. Зал замер.

— Что вы сказали? — изумленно переспросила ведущая, придя в себя после секундной растерянности. Тишину прорезал гулкий удар судейского молотка.

— Ответ ошибочен! — воскликнула ведущая и тут же неуверенно повторила: — Но что вы сказали?.. Вы сказали, что...

У Алема Промикса кровь отлила от лица, оно стало мертвенно-бледным. Глаза сверкнули мрачно, беспощадно.

— Ответ абсолютно точен! — зло прошипел он. (Перешептывание в зале постепенно усиливалось, переходя в шум и крики.) — Ответ точен! — нечеловеческим голосом крикнул Алем.

В тот же миг на сцене сверкнула светло-фиолетовая молния. Еще мгновение — и она окрасилась во все цвета радуги, залив слепящим блеском весь просцениум, затем столь же внезапно растаяла в воздухе. Сильнейший удар поверг оглушенную женщину на пол, зал наполнился острым запахом озона. Алем Промикс бесследно исчез.

Факсл с трудом оторвал палец от красной кнопки, которую он судорожно надавил после последних слов Алема Промикса. Огромный экран бесстрастно воспроизводил сцены неопишуемой паники, царившей в телестудии.

— Прах Алема Промикса, распыленный на атомы, сейчас блуждает в пространстве, — сказал Факсл. — Это жестокий урок глупцу, которого обуяла безмерная гордыня. Да послужит это уроком и вам, — продолжал Факсл, обращаясь к остальным. — Сегодня наша

разведывательная группа закончила исследование о быте и нравах дикарей, населяющих Землю и столь милых сердцу нашего Верховного Владыки. К счастью, нам удалось сохранить тайну.

Полчаса спустя, поздно ночью, крыша дома бесшумно раздвинулась, и тоненькая розоватая струйка света взлетела к небу, уносясь все выше и выше к звездам.

СКВЕРНАЯ ШУТКА

Когда огромные двери распахнулись, по залу пронесся многоголосый крик изумления.

Перед восхищенными взорами членов комиссии предстал необъятный и устрашающе-нелепый Контивакс-К-0015-Максимус, самый совершенный электронный мозг-гигант, которому столь многим обязана современная цивилизация. Контивакс-К-0015-Максимус, огромный, как пятиэтажный дом, господствовал над всем залом. Его «внутренности» состояли из бесчисленного множества электронных ламп, кнопок, тумблеров, транзисторов, искателей, из тысяч таинственных металлических ящиков всевозможных размеров. У этого чудовища, сделанного из стекла и металла, были тысячи ртов, сотни кабелей переплетались у него в чреве, на разноцветных циферблатах подрагивали стрелки, перья осциллографов вычерчивали сложные кривые, мириады лампочек то загорались, то гасли, магнитные и перфорированные ленты змеились в глубине, и все это издавало слабый треск и шорох, точно полчище призраков устроило шабаш на собственных могилах.

Атмосфера в зале была заманчива и таинственна, по крайней мере для членов правительственной комиссии.

— Это восхитительно... и ужасно! — воскликнула мисс Айвенго Бекерель, машинально поправляя шляпку с цветком.

— Да, да, это впечатляет! — подтвердил сенатор Триви, отдуваясь и будучи не в силах расстегнуть жилетку. Все члены комиссии инстинктивно прижались друг к другу; затем они встали и гуськом, на цыпочках, пересекли зал.

Генеральный директор Саннисбой снисходительно улыбнулся и наглухо застегнул сверкающий белизпой халат.

— Не бойтесь, господа... Конни (мы между собой называем его просто Конни) вовсе не так страшен, как кажется. Он друг, искренний друг людей и наш верный сотрудник. Вот уж много лет он помогает нам разрешать важнейшие проблемы.

— Но он обошелся нам в несколько миллиардов! Даже теперь он каждый день пожпрает массу денег! — воскликнул сенатор Бьеруски, глава правительственной комиссии.

Генеральный директор снова улыбнулся.

— Господа, — деланно веселым голосом сказал он. — Позвольте вам заметить, что время от времени кто-нибудь из участников межконтинентального конгресса делает запрос о суммах, весьма значительных (я первый это признаю), истраченных на эксплуатацию Контивакса. Немедленно к нам, в вычислительный центр планеты, направляется очередная комиссия... Однако эти визиты меня радуют, можно даже сказать, приводят в восторг. Ведь ни одна из комиссий не покидала нашу лабораторию, не оценив по достоинству ту поистине величайшую помощь, которую оказывает человечеству могучий электронный мозг, тысячу, миллион раз окупая все затраты!

Члены комиссии, включая и мисс Айвенго Бекерель, зачарованно молчали. Вблизи беспрестанное, ритмичное бормотание Контивакса навсало дремоту, а мириады разноцветных огоньков, переливавшихся в электронных лампах, шуршание перфолент и подрагивание стрелок на циферблатах окончательно загнипотизировали уважаемых членов комиссии.

— Все вычислено самым тщательным образом, — продолжал генеральный директор. — Запоминающее

устройство Контивакса с помощью совершенных протонных и нейтринных счетчиков осуществляет строжайший, продуманный контроль за экономичностью работы всех связей и цепей. Ни один потенциометр не потребляет лишнего ватта, ни в одном реле нет лишнего ома сопротивления; мощность всех электронных блоков, схем обратной связи, контактных счетчиков, величина реактивных и комбинированных сопротивлений — все высчитано с точностью до одной миллиардной микроны и одной триллионной микросекунды. Нет таких вычислений, которых Конни не мог бы выполнить, причем в столь ничтожно малые доли времени, что даже самые точные счетчики не в состоянии их зафиксировать. Конни самостоятельно решает для нас самые трудные задачи и уверенно ведет мир к невиданному процветанию. Кто за несколько дней составил межпланетный план развития сельского хозяйства? Кто менее чем за месяц завершил разработку всей континентальной демографической программы? Кто вычислил мощность и размеры суперреактивных двигателей, которые дают нам возможность путешествовать со скоростью мысли? Кто спроектировал могучие космолеты с химико-ядерным горючим, позволившие человечеству достигнуть планеты Плутон?..

Он долго расписывал все достоинства устройства, уверенно ведя правительственную комиссию по лабиринтам Контивакса-К-0015-Максимуса. А Контивакс, чуть поблескивая огоньками, беспрестанно вибрировал и рассказывал что-то на тысяче тоненьких голосков, навевая умиротворенность и покой. У джентльменов и дам из комиссии было такое ощущение, словно их негромко баюкает ласковая мать.

Проведя добрых три часа в чреве Контивакса и осмотрев его механизмы, правительственная комиссия, утомленная и потрясенная всем увиденным, снова очутилась

в центральном зале, выстланном плитами из мрамора и металла. Все были вполне довольны, а больше всех — генеральный директор Саннисбой, хоть он и немного охрип от чрезмерного усердия. И тут мисс Айвенго Бекерель, изобразив на своем пергаментном лице робкую улыбку, подняла пальчик правой руки и проворковала:

— Господин Саннисбой... Нельзя ли нам посмотреть Контивакс в действии? Ну, как он вычисляет что-нибудь простое, совсем простое?..

Генеральный директор, понятно, ждал этого. Он по опыту знал, что политические деятели — те же дети, только слишком рано созревшие, и по возможности надо потакать их нелепым капризам. Он уверенно улыбнулся, понимая, что сражение выиграно, и сказал:

— Пусть кто-либо из вас, господа, сообразовоит написать два числа по двадцати цифр в каждом... Конки с безукоризненной точностью произведет умножение за одну десятую микросекунды!

— Так я и знал! — воскликнул сенатор Бьеруски, хранивший до сих пор гробовое молчание. — Этот фокус с умножением вы демонстрировали всем комиссиям, проверявшим работу Контивакса до нас... Нельзя ли показать нам что-нибудь поновее?

— Разумеется, можно! — воскликнул генеральный директор (а про себя подумал: «Черт бы побрал этого самодовольного кретина!»). — Я в вашем распоряжении, господин сенатор.

— Так вот, — сказал Бьеруски. — Я все время задавал себе вопрос, может ли ваш чудодейственный Контивакс извлечь квадратный корень из минус единицы?

Члены комиссии посмотрели на сенатора словно на новоявленного гения.

— Как вы сказали? — пролепетал Саннисбой с таким видом, точно из-под него украдкой выдернули стул

и он плюхнулся на пол. Но тут же лицо его озарилось улыбкой.

— О, безусловно, может. Это же потрясающая идея, черт побери! Удивительно, что никто из нас до этого не додумался! Лишь вы...

— Тогда приступайте к демонстрации, — резко прервал его сенатор.

Генеральный директор все сделал сам: схватив катушку с лентой, он моментально перфорировал ее и, когда на ленту были нанесены все исходные данные, вставил ее в отверстие и нажал пусковую кнопку.

— Посмотрим... посмотрим, как Конни справится с этой задачкой! — хихикнул он.

Контивакс спокойно проглотил ленту с данными. Затем все его механизмы умолкли, и в полной тишине замигал слабый огонек. Внезапно лампы ярко вспыхнули, и из чрева машины раздался крик отчаяния, такой сильный, что с потолка кое-где отлетела штукатурка. Казалось, будто Контивакс испытывает нестерпимые муки; сотни лампочек лихорадочно мигали. Огромный корпус вычислительной машины шумно содрогался, провода гудели все отчаяннее, магнитные ленты выскочили наружу, корчась, словно обезумевшие змеи, и тут же исчезли. Раздался оглушительный грохот, точно с огромной высоты на металлический пол свалился ящик с бутылками кока-колы.

— Не пугайтесь, — сказал Саннисбой ошеломленным членам комиссии, — задача очень сложна, и Конни (вы, очевидно, знаете, что он обладает и этой редкой способностью) сейчас отбирает из подземного хранилища все материалы, нужные ему для создания новых устройств... Представьте себе, — продолжал генеральный директор, — что три четверти всех механизмов, которые вы сейчас видите, — и он широким жестом обвел гигантский корпус машины, — Контивакс рассчитал и

построил сам, используя лишь центральное ядро этого сложнейшего устройства. Ни одному человеку, ни одному ученому это не под силу.

Тем временем внутри Контивакса что-то беспрестанно свистело, стонало и клекотало. Казалось, будто в его чреве стучали тысячи молотков, крик боли становился все нестерпимее, а стоны — жалобнее.

Вдруг столь же неожиданно, как начался, грохот стих, и слышалось лишь слабое потрескивание введенной ленты. Затем раздался громкий щелчок, и снова наступила тишина. Из уст генерального директора вырвался крик ужаса: в машине открылась металлическая дверца, из чрева Контивакса выкатился колючий металлический шар и с невероятным треском рухнул на мраморные плиты.

— Господи, что тут происходит? — в смятении прохрипел Саннисбой, впившись изумленным взглядом в металлический предмет, который породила вычислительная машина.

Электронный мозг снова заскрежетал и завопил всеми своими электронными транзисторами, лампами и реле. А на полу лежал уродливый металлический робот, маленькая металлическая луковица с четырьмя ножками из хромированной стали в ботинках с острыми шипами.

Отчаянные вопли Контивакса достигли своего пикса, напоминая вой огромной стаи голодных гиен. Робот вскочил и с быстротой молнии бросился к Саннисбою. Словно ураган, обрушился он на беднягу, осыпая его пинками! Сцена зверского избиения уважаемого генерального директора происходила на глазах у потрясенных членов правительственной комиссии. Лишь мисс Айвенго Бекерель, рухнувшая на пол и слабо стоявшая в полной прострации, ничего не видела. Но все остальные навсегда запомнили трагическую сцену —

генеральный директор, совершая поистине невероятные прыжки, тщетно пытался спастись от беспрестанных яростных атак металлического робота. Он отчаянно вопил, а робот все пинал и пинал его своими стальными бутсами. Генеральный директор очумело метался по огромному залу, не находя спасительной двери.

Кровавая расправа прекратилась только через четверть часа. Саннисбой обесспленно свалился на пол, а робот поставил на поверженного противника ногу и с победоносным видом осмотрелся по сторонам. В тот же миг Контивакс с адским шумом выплюнул перфорированную ленту, доверчиво вложенную в него пезадачливым генеральным директором.

Вибрируя и сверкая тысячами разноцветных огней, электронный мозг весьма отчетливо (по крайней мере члены государственной комиссии клялись, что они отчетливо слышали каждое слово) произнес:

— Это послужит тебе уроком, подонок!

И ОПУСТИЛОСЬ ЛЕТАЮЩЕЕ БЛЮДЦЕ

Наступил вечер, в деревне почти все спали. Из маленьких ложбин поднимался лёгкий туман; где-то слышался любовный зов одинокой лягушки. Был час, когда тают даже ледяные сердца: ясное небо, необъяснимая безмятежность Вселенной, запах дыма, шорох летучих мышей, неслышные шаги призраков в старых домах. Именно в эту пору на крышу приходской церкви, что стоит на пригорке, опустился какой-то диск.

Люди, мирно спавшие в своих домах, не видели, как из пространств Вселенной, прямо по вертикали, спустилась блестящая, компактная машина, похожая на гигантское чечевичное семя. Несколько мгновений она висела в воздухе и слабо жужжала, а затем бесшумно, словно голубь, коснулась края крыши. Какое-то время из дюз со свистом вырывался пар, но вскоре все стихло, и диск неподвижно застыл.

Внизу, в своей комнате, окна которой выходили на церковную крышу, священник дон Пьетро, посасывая тосканскую трубку, был погружен в чтение. Услышав необычное гудение, он встал с кресла и подошел к окну, чтобы узнать, в чем дело. Тут-то он и увидел необычную ярко-синюю машину диаметром примерно метров в десять.

Он не испугался, не вскрикнул, даже не поразился. Да и можно ли было чем-нибудь удивить шумливого, бесстрашного дон Пьетро? Он встал у окна и с интересом принялся наблюдать за происходящим. Когда он увидел, что в машине открывается небольшой люк, он, не колеблясь, схватил висевшую на стене двустовку — благо для этого ему понадобилось лишь протянуть руку.

Сейчас трудно с достоверностью утверждать, как выглядели два странных существа, которые вышли из машины. Разве у дона Пьетро что-нибудь толком узнаешь! Он то и дело сам себе противоречил. Однако точно известно следующее: существа эти были тоненькие, словно былинки, и маленького росточка — всего метр с небольшим. Дон Пьетро даже утверждает, что при желании они становились то выше, то ниже, будто были сделаны из какого-то эластичного материала. Что же касается их формы, то тут тоже мало что удалось выяснить.

— Словно струйки, что бьют из фонтана — кверху шире, внизу поуже, — рассказывал дон Пьетро. — То походили на гномов или каких-то насекомых, то напоминали метелки или гигантские спички.

— А глаза у них были как у людей?

— Конечно, по крайней мере у одного из них, только очень маленькие.

— А рот, руки, ноги?

Дон Пьетро колебался.

— Иногда я различал у них две крошечные пожки, а спустя секунду они исчезали... и вообще откуда мне знать? Что вы ко мне привязались?

...Священник позволил гостям спокойно возиться со своим аппаратом. Они негромко переговаривались между собой, их беседа напоминала щебет птиц. Потом они вылезли на чуть покатую крышу и добрались до креста, что установлен на главном фасаде. Они суеились вокруг него, поминутно трогали его и, казалось, что-то вымеряли. Поначалу дон Пьетро не вмешивался в их действия, все еще сжимая в руке двустволку, но затем передумал.

— Эй! — крикнул он своим зычным голосом. — Эй, вы, ребята! Вы кто такие?

Незнакомцы обернулись и, казалось, ничуть не удивились окрику. Быстро спустившись вниз, они подошли к окну отца-настоятеля, а потом тот, что повыше, что-то пролопотал.

Как позже признавался сам дон Пьетро, он был в полнейшем недоумении. Марсианин (с первой же мпнуты священник почему-то не сомневался, что незнакомцы были посланцами Марса; потребовать подтверждения ему и в голову не пришло) говорил на незнакомом языке. Но что это был за язык? По правде говоря, звуки его не так уж резали слух, но все они сливались друг с другом. К своему удивлению, священник превосходно понимал, о чем говорят чужестранцы, будто они говорили на его родном наречии. Что это — телепатия? А может быть, какой-то универсальный язык, который понятен всем?

— Успокойся, — произнес чужеземец. — Сейчас мы отправимся восвояси. Понимаешь, мы здесь уже не впервые, наблюдаем, слушаем ваше радио. Почти во всем мы разобрались. Вот, например, ты говоришь, а я тебя понимаю. Но одна вещь остается для нас загадкой, ради нее мы и спустились сюда. Что это за антенны? — И он указал на крест. — Мы заметили, что они чаще всего встречаются у вас на верхушках башен, на вершинах гор, а еще вы почему-то выстраиваете их в ряды и окружаете стенами, словно они живые. Можешь ли ты сказать мне, землянин, для чего они?

— Да ведь это кресты! — воскликнул дон Пьетро.

Только тут он заметил, что на головах у незнакомцев колыхались хохолки, похожие на небольшие метелки высотой сантиметров двадцать. Нет, то были не волосы, скорее они напоминали тонкие стебельки трав, которые постоянно вбрировали. А возможно, это была корона, образуемая электрическим излучением?

— Кресты? — по слогам повторил пришелец. — А для чего они?

Дон Пьетро опустил приклад винтовки на пол, но так, чтобы она оставалась под рукой, потом торжественно выпрямился:

— Для спасения нашей души, — ответил он. — Кресты — это символ господя нашего Иисуса Христа, сына божьего, который принял смерть на кресте ради нас.

Хохолки на головах марсиан вдруг затрепетали. Что это — признак заинтересованности или волнения? Или же они смеялись?

— А где, где все это случилось? — снова спросил тот из них, что повыше, своим тонким голоском, напоминающим стрекотание морзянки. На сей раз в нем явно слышались иронические нотки.

— Здесь, на Земле, в Палестине.

— Выходит, бог пришел сюда, к вам?

Недоверчивый тон пришельца возмутил дона Пьетро.

— Это длинная история, наверно, слишком длинная для мудрецов вроде вас, — негодующе сказал он.

Легкая корона на голове у марсианина снова качнулась, как от ветра.

— Очевидно, это интересно, — списходительно сказал он. — Мне бы хотелось послушать эту историю, человек.

Кто знает, может, в душе у дона Пьетро шевельнулась надежда обратить в христианство жителя другой планеты? Случись так, он прославился бы навеки.

— Ну, уж коли вам так хочется, — буркнул он, — подойдите-ка поближе. Прошу ко мне в комнату.

Сцена, разыгравшаяся в комнате отца-настоятеля, несомненно, выглядела весьма необычно.

Дон Пьетро сидел за письменным столом, освещенным старой лампой, с библией в руках, а оба марсианина... стояли на его кровати. Священник предложил

было им устроиться поудобней и сесть, но марсианам это никак не удавалось. Не вызывало сомнения, что они просто не умеют сидеть. После тщетных попыток усесться они, чтобы не обижать хозяина, вскарабкались на кровать и в ожидании рассказа выпрямились во весь рост. Их взъерошенные от возбуждения хохолки дрожали сильнее, чем прежде.

— Слушайте же, пришельцы из космоса, — открывающая книгу, отрывисто произнес священник и начал читать.

«И взял Господь бог человека и поселил его в саду эдемском... и заповедал Господь бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь... И сказал Господь бог...»

Оторвав взгляд от библии, дон Пьетро по хохолкам гостей понял, что они крайне возбуждены.

— Что случилось? — спросил он.

Марсианин заговорил:

— Скажи, и вы съели тот плод, да? Не устояли перед искушением, так ведь?

— Да, мы съели плод, — недовольно сказал священник. — Хотел бы я посмотреть, как бы вы поступили на нашем месте! А может быть, и на вашей планете росло древо познания?

— Конечно. Миллионы и миллионы лет назад. Оно и сейчас зеленое...

— И вы... вы не трогали плодов?

— Никогда! — твердо сказал марсианин. — Это запрещено законом.

Дон Пьетро тяжело вздохнул. Ему стало не по себе. Что же это: значит, пришельцы — чистые существа, словно ангелы небесные? Им неведомы грех, зло, ненависть, ложь? Он оглянулся, словно ища поддержку в

привычной обстановке. Внезапно взгляд его упал на висящее над кроватью черное распятие.

Он оживился.

— Да, в этом плоде — причина всех наших несчастий. Но сын божий... — он почти кричал — ...сын божий стал человеком и пришел сюда, к нам!

В горле у дона Пьетро стоял комок. Но собеседник его оставался безучастным, только хохолок раскачивался из стороны в сторону, словно блуждающий огонек.

— Так он пришел сюда, на Землю? И что же вы сделали с ним? Объявили своим царем? Ты, кажется, сказал — он умер на кресте. Значит, вы его убили?

Дон Пьетро не сдавался.

— Но ведь с тех пор прошло почти две тысячи лет! Он же умер ради нас, во имя нашей вечной жизни!

Он умолк, не находя других веских аргументов. А в темном углу хохолки на головах прищельцев светились алым светом; казалось, там полыхает пламя. Стало тихо. Слышалось только стрекотание сверчков.

— И все это пошло вам на пользу? — спросил марсианин с терпением школьного учителя.

Дон Пьетро промолчал и только с досадой махнул рукой, словно говоря: уж такие мы есть, грешники, жалкие, порочные черви, которым так нужна милость господня. И он упал на колени, закрыв лицо руками.

Сколько прошло времени — час, два или несколько минут? Дона Пьетро вернули к действительности голоса гостей. Посмотрев в их сторону, он увидел, что они уже забрались на подоконник и собираются восвояси. На фоне темного неба их хохолки трепетали с неповторимым очарованием.

— Человек, — спросил марсианин, — что ты делаешь?

— Молюсь! А вы, вы разве не молитесь?

— Молиться... зачем?

— Неужели вы ни о чем не просите бога?

— Конечно, нет, — ответил пришелец, и вдруг живая корона на его голове перестала трепетать и безжизненно повисла.

— Бедняжки, — еле слышно прошептал дон Пьетро. Воспрянув духом, он поднялся с колен. Еще несколько мгновений назад он чувствовал себя ничтожеством, а теперь его охватило ощущение счастья.

— Ну, да, — пробормотал он, — вы не poznали первородного греха и всех бедствий, которые обрушились на человечество. Чистые, мудрые, непорочные дети. С дьяволом вы никогда не имели дела. Но хотел бы я знать, каково вам вечерами? Чертовски одиноко, сдается мне, вы, небось, испытываете от тоски и сознания своей никчемности.

(Тем временем пришельцы вошли в корабль и задраили люк. Глухо затарахтел двигатель, послышалось ровное жужжание. Диск незаметно отделился от крыши и, словно воздушный шарик, стал подниматься вверх. Вращаясь вокруг своей оси, он развил колоссальную скорость и устремился к созвездию Близнецов.)

— Нет, — продолжал бормотать священник, — богу угодное мы, это ясно. Уж лучше животные вроде нас, алчные, мерзкие, лживые, чем те чистюли, которые никогда ни единым словом не поминают бога. Что за радость ему от таких созданий? И что это за жизнь без угрызений совести, без слез?

В порыве охватившей его радости дон Пьетро схватил ружье, прицелился и выстрелил вслед летящему блюдцу, превратившемуся в бледную точку где-то на небосклоне. Вдали, на холмах, вторя выстрелу, завывали собаки.

Итало Кальвино

ВОДЯНОЙ ДЕДУШКА

Первые позвоночные, переселившиеся в каменно-угольный период из воды на землю, произошли от костистых рыб с легочным дыханием, которые могли пользоваться грудными и брюшными плавниками как лапами для передвижения по суше.

Было уже очевидно, что времена воды миновали, вспоминал старый Офвфк. Тех, кто не боялся ступить на путь прогресса, становилось все больше. Не было такой семьи, хоть один из членов которой не обитал бы на земле, не рассказывал бы поразительные истории о материке, о широком поле деятельности, открывавшемся там, и не призывал родственников последовать хорошему примеру. Теперь уже никому не приходило в голову останавливать молодых рыб, когда они хлопали плавниками по илпстому берегу, пробуя, могут ли плавники служить им лапами, как служили самым способным из рыбьего племени. Но именно в те времена все отчетливее проявлялись различия между нами: некоторые семьи насчитывали уже по несколько поколений обитателей суши, молодежь в них ничем больше не напоминала даже земноводных и могла похвастать вполне сухопутными повадками. Встречались, однако, и такие, что не только по-прежнему оставались рыбами, но и становились ими в большей степени, нежели это было когда-то принято.

Должен сказать, что наше семейство в полном составе, с дедами и бабками во главе, гоняло по побережью, будто мы отродясь не знали другого призвания. Если бы не упрямство моего двоюродного деда Нба Нга, нас бы давно уже ничто не связывало с водным миром.

Да, у нас был двоюродный дед-рыба, родной брат матери отца, урожденной Челаканти-Девонской. Челаканти-Девонские были пресноводными и доводились... Впрочем, не стоит распространяться о степени родства, тем более что никто в этом деле все равно не разбирается. Так вот, этот самый дедушка жил на мелководье, в грязи, среди корней вековых деревьев, в той части лагуны, где родились все наши старики. Он никогда не покидал этих мест: в любое время года достаточно было забраться на ветки погибче, не утопив их при этом, чтобы самим не искупаться, и внизу, под водой, в нескольких пядях от ее поверхности, мы видели столбик пузырьков, которые пускал дед, отдуваясь по-стариковски, или облачко ила, поднятое его острой мордой, ковырявшей дно скорее по привычке, чем с целью что-то найти.

— Дедушка Нба Нга! Мы пришли навестить вас! Вы нас ждали? — кричали мы, ударяя по воде лапами и хвостами, чтобы привлечь его внимание. — Мы принесли вам насекомых, которые водятся в наших краях! Дедушка Нба Нга! Вы когда-нибудь видели таких крупных тараканов? Попробуйте, они вам придутся по вкусу...

— Можете скормить им, этим вонючим тараканам, свои паршивые бородавки! — Ответ старика неизменно звучал в подобном тоне, а то и еще грубее; он всегда нас так встречал, но мы не обращали на это внимания, зная, что он быстро отойдет, сменит гнев на милость, примет подарки и с ним можно будет разговаривать.

— Какие такие бородавки, дедушка Нба Нга? Когда это вы видели на нас хоть одну бородавку?

Историю с бородавками, этот предрассудок, выдумали старые рыбы, считавшие будто у нас от нового образа жизни высыпали по всему телу бородавки, выделяющие жидкость; так оно и было, но только у жаб,

с которыми мы не имели ничего общего; напротив, кожа у нас была гладкая и чистая, рыбам такая и во-
век не снилась, и дедушка превосходно это знал, однако
упорно сдабривал свои речи подобными выдумками и
предрассудками, среди которых он вырос.

Мы навещали старика раз в год всем семейством,
Судьба разбросала нас по матерiku, и каждый такой
визит давал нам возможность собраться вместе, обме-
няться новостями и съедобными насекомыми, обсудить
семейные дела и нерешенные проблемы.

Дедушка принимал живейшее участие во всех на-
ших разговорах, даже когда речь шла о делах, от кото-
рых его отделяли многие километры суши, таких, на-
пример, как распределение зон охоты на стрекоз, и ста-
новился на сторону того или иного из нас, исходя при
этом из собственных представлений, а они у него всегда
были рыбьими:

— Но разве тебе не известно, что охота на дне
имеет неоспоримые преимущества перед охотой
вплывь?

— Позвольте, дедушка, при чем же здесь плавание,
и о каком дне вы толкуете? Я живу у подножья холма,
а он вот — недалеко от берега... Видите ли, дедушка,
холмы...

И, однако, мнение старика оставалось для нас за-
коном: как бы там ни было, в конечном счете мы про-
сили его совета в делах, в которых он ровно ничего не
смыслил, хоть и знали наперед, что услышим от него
невесть какую нелепицу. Должно быть, его авторитет
объяснялся тем, что дед был осколком прошлого; речь
его изобиловала допотопными оборотами, такими, что
мы и смысла-то их толком не понимали, например:
«А ты, удалец, не ершись!»

Попыток переманить его на сушу мы предприняли
немало и не оставляли их; в чем в чем, а в этом между

отдельными ветвями нашей семьи никогда не прекращалось соперничество, ибо тот, кому посчастливилось бы заполучить деда к себе, поднялся бы, так сказать, в глазах родни. Увы, соперничество это ни к чему не приводило: расставаться с лагуной старик не собирался даже во сне.

— Дедушка, когда б вы только знали, как тяжело нам каждый раз оставлять вас одного в этой сырости, ведь в ваши годы... Знаете, мы решили...

— Знаю, всегда знал, что вы одумаетесь, — перебивал нас дедушка-рыба. — Каково плескаться на суше, вы испытали на собственной чешуе, вот и пора вам возвращаться восвояси и жить как нормальные твари. Воды здесь на всех хватит, а что до пропитания, так столь урожайного на червей года в этих краях еще не бывало. Решили, так за чем же дело стало? Прыгайте в воду, и весь сказ!

— Да нет, дедушка Нба Нга, вы нас не так поняли! Мы хотели взять вас с собой на широкий луг... Увидите, до чего там хорошо; мы выроем вам канавку, сырую, прохладную: в ней вы сможете делать, что вам заблагорассудится, все равно как здесь, а со временем попробуете пройтись вокруг нее. Вот увидите, у вас получится. Да и климат наш в вашем возрасте полезнее. Так что, дедушка Нба Нга, не заставляйте себя уговаривать. Ведь вы согласны?

— Нет, — сухо отвечал дед, ныряя вниз носом, и пропадал из виду.

— Но почему же, дедушка, что вас не устраивает в нашем предложении? При вашей широте взглядов это предвзятое отношение...

Всплеск на поверхности воды приносил последние слова, которыми дед удоиставлял нас, прежде чем зарыться в песок, взмахнув не потерявшим былой гибкости хвостом:

— Пусть плавают на брюхе по грязи те, у кого блохи в чешуе!

В его времена, верно, ходило такое выражение (вроде нынешней куда более краткой пословицы: «У кого свербит, почесись!») со словом «грязь», употребляемым дедом во всех случаях, когда мы говорим «земля».

В ту пору я влюбился. Я проводил целые дни с Ллл, бегая с ней наперегонки. Такого ловкого создания, как она, никто еще отродясь не видывал: на верхушки папоротников — а они были тогда высокими, под стать деревьям, — она взлетала одним махом, и папоротники склонялись почти до самой земли, и она спрыгивала с них и мчалась дальше; медлительный и неуклюжий по сравнению с любимой, я чинно следовал за ней. Мы забирались в глубь материка, где до нас никто не оставлял следов на сухой, схваченной коркой почве; случилось, я останавливался — мне делалось страшно, что я оказался в такой дали от глади лагун.

Но ничто не казалось столь далеким от водной жизни, как она, Ллл: песчаные и каменные пустыни, широкие луга, лесные заросли, скалы, кварцевые горы — все это было ее миром, миром, будто специально созданным для того, чтобы она изучала его взглядом продолговатых глаз и, извиваясь, скользила по нему на своих быстрых лапах. Глядя на ее гладкую кожу, можно было подумать, что на свете никогда не существовало чешуи.

Что меня несколько смущало, так это родственники Ллл: она принадлежала к одной из тех семей, что, обосновавшись на земле в более далекие времена, в конце концов внушили себе, будто они испокон веков жили здесь и только здесь; к одной из тех семей, где женщины даже яйца теперь уже откладывали на суше, и яйца эти были защищены прочной скорлупой. Все

в Ллл — ее порывистость, ее молниеносные движения, — все говорило о том, что она родилась в точности такой, какой я ее видел сейчас, вылупилась из яйца, нагретого песком и солнцем, и не знала стадии плавления, никогда не была головастиком, а ведь это до сих пор обязательно в наших менее развитых семьях.

Пришло время познакомить Ллл с моей родней, и так как самым старшим и уважаемым в нашей семье был дедушка Нба Нга, я не мог не нанести ему визита и не представить свою невесту. Но всякий раз, как для этого выдавалась возможность, полный сомнений, я откладывал важную встречу со стариком: зная, в каком духе воспитывалась Ллл, я все еще не осмелился признаться ей, что мой двоюродный дед — рыба.

Как-то раз мы забрели на один из вдающихся в лагуну сырых мысков, где почва была не столько песчаной, сколько состояла из спутанных корней и сгнивших растений. Ллл по обыкновению бросила мне вызов, предложив помериться ловкостью:

— Офвфк, посмотрим, как ты умеешь держать равновесие! А ну, кто дальше пробежит по самой кромке воды?

И она устремилась вперед, но для нее это был непривычный грунт, и первый же ее прыжок оказался менее уверенным, нежели обычно.

На сей раз я чувствовал, что сумею не только не отстать от нее, но и одержать верх: для моих лап не было лучшей опоры, чем сырой грунт.

— Пока мы у самой кромки, сколько угодно! — воскликнул я. — Как, впрочем, и за кромкой!

— Не болтай глупостей! — одернула она меня. — Как можно бегать по ту сторону кромки? Ведь там вода!

Похоже, это был подходящий случай, чтобы перевести разговор на моего двоюродного деда.

— Ну и что? — спросил я. — Одни бегают по ту сторону кромки, другие — по эту.

— Скажешь тоже!

— А вот и скажу! Мой двоюродный дед Нба Нга чувствует себя в воде не хуже, чем мы с тобой на земле, и вообще с водой никогда не расставался!

— Ишь ты! А нельзя ли поглядеть на этого самого Нба Нга?

Не успела она произнести имя старика, как на мутной поверхности лагуны булькнули пузырьки, образовав небольшую воронку, и из воды высунулась голова, покрытая колючей чешуей.

— Ну, вот он я! В чем дело? — спросил дедушка, уставившись на Ллл круглыми и невыразительными, как камни, глазами и раздувая жабры на массивной шее. Никогда прежде он не казался мне таким непохожим на нас: ни дать ни взять чудовище.

— Дедушка, если вы не возражаете, это... я хотел бы... я имею честь представить вам мою невесту Ллл, — и я указал на нее, а она тем временем для чего-то присела на задние лапы и вся приосанилась, приняв одну из самых изысканных своих поз, которую наверняка меньше всего мог оценить этот старый невежа.

— Здесь так хорошо, барышня! Вы, верно, пришли ополоснуть хвостик? — ляпнул старик.

Возможно, в его времена подобная фраза и была верхом любезности, но для нашего слуха она звучала в высшей степени непристойно.

Я посмотрел на Ллл, уверенный, что она немедленно повернется и бросится прочь, оскорбленно повизгивая. Но я недооценил ее воспитанности, позволявшей ей не обращать внимания на грубость окружающего мира.

— Простите, меня интересуют эти растеньица, — начала она непринужденно и указала на огромные

камышии посреди лагуны. — Не скажете ли вы, где скрываются их корни?

Вопрос из тех, какие задают обычно, чтобы как-то поддержать разговор: еще бы, нетрудно себе представить, сколь интересовали се всякие там камыши! Но старик, казалось, только и ждал случая пуститься в подробные объяснения относительно корней торчащих из воды деревьев и о том, как плавать между этими корнями, — послушать его, так лучшие места для охоты находились там, внизу.

И пошел, и пошел. Я только пыхтел и все пытался перебить его. А что же делает тем временем моя дурочка? Небось, собирается показать ему хвост?

— Ах вот как, вы охотитесь среди плавучих корней? До чего интересно!

Я готов был провалиться со стыда.

А он:

— Не думайте, будто я сочиняю. Червяки там прямо объедине!

И, не долго думая, ныряет, да с такой ловкостью, какой я за ним никогда прежде не замечал. И не просто ныряет, а высоко выпрыгивает из воды, вытянувшись во всю длину, покрытый с головы до хвоста пятнистой чешусь, колючие плавники оттопырены все-рами; описав в воздухе красивый полукруг, старик входит в воду вниз головой и мгновенно исчезает, орудуя серповидным хвостом, точно винтом.

При виде всего этого слова, которые я приготовил, чтобы тут же начать оправдываться перед Лилл, воспользовавшись его исчезновением, застряли у меня в горле, а оправдываться я собирался примерно так:

— Знаешь, дорогая, его можно понять, со своей навязчивой идеей жить по-рыбьи он дошел до того, что в конце концов стал похож на рыбу...

Откровенно говоря, я и сам никогда не отдавал себе отчета в том, насколько был рыбой брат моей бабушки.

Едва я произнес: — Ллл, уже поздно, пойдем... — как старик снова всплыл, держа в губах гирлянду червяков и грязных водорослей.

Когда мы наконец ушли, мне не верилось, что все это происходило наяву. Молча трусая за Ллл, я не сомневался, что сейчас она начнет комментировать виденное, то есть самое худшее для меня впереди. И вот Ллл, не останавливаясь, поворачивает голову в мою сторону:

— А он симпатичный, твой дедушка!

И все, и ни слова больше.

Перед ее иронией я уже не раз оказывался безоружным, но от этой реплики меня пронизал такой холод, что я скорее предпочел бы потерять Ллл, чем возвращаться с ней к разговору о моем двоюродном деду.

Однако мы по-прежнему встречались, вместе гуляли и больше не говорили о том, что произошло на лагуне. Правда, я все время чувствовал себя не в своей тарелке и изо всех сил старался внушить себе, что она все забыла; иногда во мне шевелилось подозрение, что она молчит нарочно, выжидая случая выставить меня на всеобщее посмешище, осрамить в присутствии своих родственников, или — и это было для меня худшим предположением — что лишь из жалости она старается говорить о другом. Так продолжалось до тех пор, пока в одно прекрасное утро она в упор не спросила:

— Послушай, а почему ты больше не водишь меня к своему деду?

— Ты шутишь? — пролепетал я еле слышно.

Как бы не так: она говорила вполне серьезно, она дожидаться не могла нового случая поболтать со старым Нба Нга. Я ничего не понимал.

На этот раз наш визит был более продолжительным. Мы улеглись все троем на покато́м берегу: дед — чуть

ниже, но и мы с Ллл наполовину в воде, так что глядя издали невозможно было сказать, кто из нас водный житель, а кто земной.

Дедушка завел одну из своих любимых песен — о превосходстве дыхания под водой над воздушным дыханием. «Ну, теперь-то уж Ллл не удержится и поставит его на место», — думал я. Ничуть не бывало. В тот день Ллл избрала иную тактику: она горячо спорила, отстаивая нашу точку зрения, но делала это так, будто со всей серьезностью относилась к убеждениям старого Нба Нга.

Земли, выступившие из воды, — это, по мнению дедушки, явление нетипичное, и им предстояло исчезнуть так же, как они появились, либо — и уж это наверняка — ничего хорошего их не ждало: дед предрекал им извержения вулканов, оледенения, землетрясения, образование складок, изменения климата и растительности. И наша жизнь под воздействием всех этих перемен должна была подвергаться постоянным изменениям — в результате целые племена были, по словам старика, обречены на вымирание и выжили бы лишь твари, способные изменить основы своего существования, поскольку представления о том, чем хороша прежняя жизнь, неустойчивы, и им суждено забвение.

Дед нарисовал перспективу, решительно несовместимую с оптимизмом, в духе которого мы, дети суши, воспитывались и с которой я, возмущенный, не мог согласиться. Но подлинным, живым опровержением дедовой теории для меня была Ллл: я видел в ней совершенную, окончательную форму, результат освоения выступивших из воды земель, свидетельство новых неограниченных возможностей, открывшихся перед живыми существами. Как мог, как смел этот старый хрыч отрицать воплощенную реальность, какой была Ллл? Я пылал полемической страстью, и мне казалось, что моя подруга проявляет излишнюю терпимость, что она

заняла соглашательскую позицию по отношению к посетителю чуждых нам воззрений.

Разумеется, и для меня, прежде не слышавшего от дедушки ничего, кроме брюзжания и оскорблений, эти его тонкие рассуждения звучали неожиданно ново, хотя, по обычаю, были основательно сдобрены старинными, высокопарными оборотами речи, да и характерный выговор деда вызывал во мне смех. Поразительно было и то, что старик выказал изрядную осведомленность — пусть даже осведомленность стороннего наблюдателя — в отношении материка.

Но Ллл, как это явствовало из ее вопросов, хотелось побольше услышать от него о жизни под водой, и уж тут-то дедушкина речь становилась еще более цветистой, а подчас и вдохновенной. В отличие от земли и воздуха, которым грозили различного рода неожиданности, за будущее лагун, морей и океанов можно было не беспокоиться. Здесь перемены будут минимальными, жизненное пространство и запасы пищи тут неограниченны, опасные колебания температуры не предвидятся — одним словом, жизнь останется такой же, какой была доньше в ее окончательных и совершенных формах, без изменений, без сомнительных новшеств, и каждый сможет познать самого себя и все окружающее. Старик разглагольствовал о будущем обитателей вод без приукрашиваний, без иллюзий, не скрывая проблем, в том числе и серьезных, которые могли возникнуть со временем (наибольшую тревогу вызывала у него проблема повышения солености вод). Но при этом ценности, в какие он верил, и соотношение вещей должны были, по его мнению, оставаться неизменными.

— Но ведь мы теперь носимся по долинам и горам, дедушка! — возразил я от своего имени и в первую очередь от имени Ллл, которая почему-то молчала.

— Эх ты, головастик, да плюнь ты на все это, ведь вернувшись в воду, ты вернешься домой! — отрезал дед, снова взяв тон, каким всегда разговаривал с родными.

— А вы не думаете, дедушка, что нам уже поздно учиться дышать под водой, даже если бы мы и захотели? — серьезно спросила Ллл, и я не знал, считать ли себя польщенным тем, что она назвала моего почтенного родственника дедушкой, или недоумевать, ибо некоторые вопросы (по крайней мере я привык так считать) даже и задавать ни к чему.

— Если хочешь, солнышко, — молвил дед-рыба, — я тебя мигом обучу!

Ллл как-то странно засмеялась и вдруг бросилась бежать, да так, что за ней было не угнаться.

Я искал ее на равнинах и холмах, забрался на вершину базальтовой скалы, царившей над пустынями и лесами, окруженными водой. Ллл оказалась там. Конечно же, она хотела сказать мне — я-то ее понял! — когда слушала Нба Нга и когда убежала и спряталась наверху, что нам следует оставаться в нашем мире так же упорно, как старая рыба оставалась в своем.

— Мое место здесь, на земле, как место деда — там, в воде! — провозгласил я несколько театрально, и тут же поправился: — Наше место, наше с тобой! — потому что, по правде говоря, без нее мне было плохо.

И что же ответила мне Ллл? Я до сих пор краснею, вспоминая ее ответ, а ведь прошло уже столько геологических эпох! Она сказала:

— Эх ты, головастик, ничего-то ты не понимаешь!

И я не знал, вспомнила ли она дедовы слова, с тем чтобы высмеять одновременно и его, и меня, или же в самом деле усвоила манеру обращения этого старого ворчуна с внучатым племянником. Оба предположения были в равной степени удручающими, ибо и то, и другое означало, что в ее представлении я застрял где-то

на полпути и не принадлежал ни к ее миру, ни к какому-либо иному.

Неужели я потерял Ллл? Охваченный сомнениями, я старался вновь завоевать ее сердце. Я совершал чудеса — в охоте на летающих насекомых, в прыжках, в рытье подземных нор, в схватках с сильнейшими из наших. Я гордился собой, но, увы, всякий раз, как я совершал очередной героический поступок, Ллл меня не видела: она то и дело исчезала неизвестно куда.

В один прекрасный день меня осенило: ну, конечно же, она ходит на лагуну, где мой почтенный дедушка обучает ее подводному плаванию.

Я увидел, как они всплыли вместе: они скользили с одинаковой скоростью, и их можно было принять за брата и сестру.

— А знаешь, — весело сообщила она, заметив меня, — лапы прекрасно действуют как плавники!

— Поздравляю, вот это, я понимаю, — шаг вперед! — не удержался я от саркастической оценки.

Разумеется, для нее это была игра. Но мне эта игра не нравилась. Я обязан был вернуть Ллл к действительности, напомнить о нашем будущем.

Как-то я ждал ее на крутом берегу в зарослях высоких папоротников, спускавшихся к воде.

— Ллл, мне нужно поговорить с тобой, — сказал я, едва увидел ее. — Ну, порезвилась немного и хватит. У нас с тобой есть дела поважнее. Я обнаружил проход в горной цепи: по ту сторону лежит необъятная каменная равнина, еще совсем недавно покрытая водой. Мы первыми обоснуемся там, заселим безграничные просторы — мы и наши дети.

— Безгранично только море, — изрекла Ллл.

— Да перестань ты повторять бредни этого старого рамолика! Мир принадлежит тем, у кого есть ноги, а не рыбам, ты же прекрасно знаешь!

— Я знаю, что он — это он.

— А я?

— Ноги ногами, но ни одному из тех, кто имеет ноги, с ним не сравниться.

— А твои родственники?

— Я с ними поссорилась. Они никогда ничего не понимали.

— Да ты с ума сошла! Нельзя же возвращаться вспять!

— А вот я вернусь.

— И что же ты собираешься делать вдвоем со стариком из рыбьего племени?

— Выйти за него замуж. Снова стать рыбой с его помощью. И давать жизнь другим рыбам. Прощай.

И ловко, как она одна умела, Ллл в последний раз вскарабкалась па верхушку папоротника, наклонила ее к поверхности лагуны и бултыхнулась в воду... Всплыла она уже не одна: массивный серповидный хвост дедушки Нба Нга и ее хвост дружно рассекали воду.

Это был жестокий удар. Но что поделаешь? Я продолжал идти своим путем. Менялся мир, менялся я сам. Время от времени среди множества живых существ я встречал кого-нибудь, о ком можно было сказать, что «он — это он», кого-нибудь, кто предвещал будущее, — орниторинхуса, кормящего молоком младенца, вылупившегося из яйца, тощую жирафу в еще невысоких зарослях, или же кого-либо, кто свидетельствовал о безвозвратном прошлом, — динозавра, дожившего до начала кайнозойской эры, или крокодила, — о прошлом, которое сумело пройти неизменным сквозь века. Всем этим существам было свойственно нечто такое, я знаю, что делало их в чем-то выше меня и что делало меня по сравнению с ними посредственностью. И все равно я бы не поменялся ни с кем из них.

ДИНОЗАВРЫ

Таинственными остаются причины быстрого вымирания Динозавров, которые развивались и увеличивались в размерах на протяжении всего триасового и юрского периодов и в течение 150 миллионов лет были безраздельными властителями материков. Возможно, они не сумели приспособиться к резким изменениям климата и растительности, происшедшим в каменноугольное время. В конце этого периода все они вымерли.

Все, кроме меня, уточнил Офвфк, ведь я тоже какое-то время был Динозавром, эдак, скажем, с полсотни миллионов лет, и нисколько об этом не жалею: в ту пору быть Динозавром — значило стоять на правильном пути, и мы умели заставить уважать себя.

Потом положение изменилось; не вдаваясь в подробности, скажу только, что начались всякого рода неприятности, напасти, поражения, ошибки, сомнения, предательство, эпидемии. На Земле росло новое население, враждебное нам. На нас нападали со всех сторон, мы ничего не могли поделать. Теперь вот говорят, будто вкус к упадку, жажда гибели еще раньше были свойственны нам, Динозаврам. Не знаю, лично я ничего подобного отродясь не испытывал; если же это можно сказать о других, то лишь потому, что они уже давно чувствовали всю безнадежность своего положения.

Я не люблю вспоминать времена великого моря. Сам я никогда бы не поверил, что останусь в живых. Путь долгих скитаний, которым я обязан своим спасением, проходил через кладбища скелетов, где только какой-нибудь гребень, рог, пластинка панциря или

обрывок чешуйчатой шкуры свидетельствовали о славном прошлом. И над этими останками трудились клювы, клыки, присоски новых хозяев планеты. Когда мне перестали попадаться следы не только мертвых, но и живых, я остановился.

На плоскогорьях я провел великое множество лет. Я уцелел, несмотря на засады, голод, стужу, эпидемии, но остался один. Вечно отсиживать там, наверху, я не мог. И тогда я направился вниз.

Мир изменился: я не узнавал больше ни гор, ни рек, ни растений. Когда я впервые увидел живые существа, я спрятался. Это было стадо Новых—не крупных, но сильных экземпляров.

— Эй, ты! — Мне не удалось остаться незамеченным, и первое, что меня поразило, была их фамильярная манера обращения. Я бросился наутек, они за мной. Тысячелетиями я привык наводить ужас на все живое и боялся одного — как бы не напугать других. А тут хоть бы что:

— Эй ты!

Они преспокойно приближались ко мне, нисколько не испуганные, настроенные вполне миролюбиво.

— Ты чего убегаешь? Что с тобой?

Они хотели спросить у меня дорогу не знаю куда, только и всего. Я пробормотал, что сам нездешний.

— А все же, что это тебе вздумалось убежать от нас? — не отставал от меня один из них. — Можно было подумать, что ты увидел... Динозавра!

И остальные засмеялись. Но в этом смехе я впервые уловил тревожные нотки. Что-то горькое слышалось в нем, в этом смехе. И один из них вдруг стал серьезным и сказал:

— Не говори так даже в шутку. Ты ведь не знаешь, что они собой представляют, Динозавры.

Выходило, что Новые не избавились еще от панического страха перед Динозаврами, но, очевидно, вот уже несколько поколений Новых не видели моих сородичей и не знали, как они выглядят. Я продолжал путь, и мне не терпелось проверить, насколько справедливо это мое заключение. У какого-то ручья я увидел юную особу из Новых. Девушка была одна. Я медленно подошел, устроился рядышком, вытянул шею и тоже стал пить. Я уже представлял себе крик отчаяния, который она испустит, едва заметив меня, ее стремительное бегство. Разумеется, она поднимет тревогу, нагрянут в несметном количестве Новые и устроят облаву... На мгновение я пожалел о своем неосторожном поступке; если я хотел спасти шкуру, мне следовало, не раздумывая, прикончить незнакомку и продолжать...

Девушка повернулась ко мне и спросила:

— Ну как, хороша водичка?

Она завела со мной любезный разговор, состоявший из приличествующих случаю, ни к чему не обязывающих фраз, как бывает, когда беседуют с чужестранцем, поинтересовалась, издалека ли я, не застал ли меня дождь в дороге, благопритствовала ли погода моему путешествию. Никогда бы не подумал, что можно вот так запросто болтать с Динозавром, и потому я все время держал ухо востро и почти ничего не говорил.

— Я всегда хожу пить сюда, — сказала она, — к Динозавру.

Я вздрогнул, широко раскрыл глаза.

— Да, да, мы называем его именно так — ручей Динозавра. С давних времен. Говорят, как-то здесь спрятался Динозавр, один из последних, и набрасывался на каждого, кто приходил на водопой, и разрывал на куски, только поминай как звали!

Мне хотелось исчезнуть. «Сейчас она сообразит что к чему, — думал я, — вот только получше приглядится

и увидит, кто я такой!» И как всякий, кто не желает, чтобы его рассматривали, я потупился и попытался спрятать предательский хвост. Нервы мои были до того напряжены, что, когда она, приветливо улыбаясь, распрощалась со мной и отправилась своей дорогой, я почувствовал себя смертельно усталым, будто только что выдержал одну из былых схваток, в которых оружием были когти и зубы. Я вспомнил, что даже не соизволил в ответ сказать ей «до свидания».

Я вышел к берегу реки и увидел норы Новых. Новые жили рыбной ловлей, и я застал их за работой: они строили запруды из веток, создавая искусственный затон, где более медленное течение задерживало бы рыбу. Заметив незнакомца, они разом подняли головы, остановились, посмотрели на меня, переглянулись между собой, как бы о чем-то спрашивая друг друга, — и все это молча. «Плохи мои дела, — решил я про себя, — остается только подороже продать шкуру», — и приготовился к прыжку.

К счастью, я вовремя остановился. Эти рыбаки ничего против меня не имели: просто, увидев такого верзилу, они решили предложить мне остаться у них и работать на доставке леса.

— Место здесь надежное, — убеждали они, по-своему истолковав мою озабоченность. — Динозавров в этих краях не видно со времен дедов наших дедов...

Никому и в голову не приходило, кто я такой. Я остался. Климат там был хороший, питание, разумеется, не для наших вкусов, но приличное, да и работа не такая уж тяжелая, если учитывать мою силу. Они дали мне прозвище — Урод — оттого, что я был не таким, как они, а вовсе не почему-то там еще. Эти Новые, не знаю уж как вы их величаете, тут сам черт ногу сломит, принадлежали к виду еще довольно расплывчатому, нечеткому, и действительно из него потом выде-

лились все остальные виды; уже в то время между отдельными особями наблюдались самые невероятные сходства и различия, так что мне, хоть я и не имел к ним никакого отношения, пришлось убедить себя, что в общем-то я не так уж бросаюсь в глаза.

Нельзя сказать, чтобы я окончательно привык к этой мысли: я постоянно чувствовал себя Динозавром, оказавшимся в стане врагов, и каждый вечер, когда они принимались рассказывать истории о Динозаврах, истории, передаваемые из поколения в поколение, я отступал в тень, и нервы у меня были напряжены до предела.

Страшные это были рассказы. Слушатели, бледные, то и дело прерывая их криками ужаса, заглядывали в рот рассказчику, голос которого выдавал не меньшее волнение. Вскоре мне стало ясно, что эти истории были уже всем известны (несмотря на то что составляли весьма обширный репертуар), однако внимали им каждый раз с неизменным ужасом. Динозавры представляли в них скопищем чудовищ, расписанных в таких подробностях, что после этих рассказов настоящего Динозавра во век не узнать. Выходило, что мы, Динозавры, только о том и помышляли, чем бы это навредить Новым, будто главное Новых с самого начала никого не было на земле, а мы не ведали других забот, кроме как гоняться за ними с утра до вечера. Мне же, когда я думал о нас, Динозаврах, представлялась длинная цепь мытарств, сомнений, утрат; истории, которые рассказывали Новые, были до того далеки от пережитого мной, что, казалось, я должен был относиться к ним равнодушно, как если бы речь шла о посторонних, о чем-то незнакомом. Однако, слушая их, я ловил себя на мысли, что никогда не задумывался над тем, как мы выглядели в глазах других, и понимал, что при всем вздоре, которого во всех этих рассказах было

предостаточно, в чем-то они, пусть даже однобоко, отражали истину. В моем сознании рассказы о том, какой ужас мы нагоняли на других, соединялись с воспоминаниями о пережитых ужасах: чем больше я узнавал, как мы заставляли дрожать других, тем сильнее дрожал сам.

Каждый рассказывал одну историю, по кругу, и вдруг мне говорят:

— Ну-ка, Урод, а что мы услышим от тебя? Неужели тебе нечего рассказать, а? Разве в твоём роду никому не случалось сталкиваться с Динозаврами?

— Конечно, но... — бормотал я, — прошло столько времени... ах, если бы вы знали...

Кто приходил мне на помощь в подобных случаях, так это Цветок Папоротника, девушка, которую я повстречал тогда у ручья.

— Да оставьте его в покое... Он чужеземец, еще не освоился здесь, плохо говорит по-нашему...

И от меня отставали. Я с облегчением вздыхал.

Между Цветком Папоротника и мной установились добрые отношения. Ничего интимного: я ни разу не осмелился даже прикоснуться к ней. Но мы подолгу разговаривали. Вернее, это она много рассказывала мне о своей жизни; я же из страха выдать себя, вызывать у нее подозрения, которые разоблачили бы меня, отделывался общими фразами. Цветок Папоротника поверяла мне свои сны:

— Сегодня ночью я видела огромного страшного Динозавра, у него из поздрей вырывалось пламя. Он подходит, хватает меня за голову и тащит, хочет съесть живьем. Это был жуткий сон, жуткий, но я, как ни странно, несколько не испугалась, мне — как бы это объяснить? — было даже приятно...

После этого сна я должен был бы многое понять, и прежде всего самое главное: Цветок Папоротника

только о том и мечтала, чтобы на нее напали. Мне следовало обнять ее. Но Динозавр, живший в воображении Новых, был слишком не похож на того Динозавра, каким был я, и эта мысль делала меня еще больше не похожим на их Динозавра и увеличивала мою робость. Одним словом, я упустил подходящий случай. А потом с равнины, где кончился сезон рыбной ловли, вернулся брат Цветка Папоротника, девушка оказалась под бдительным присмотром, и наши беседы стали редкими.

Этот ее брат, Дзан, с первой же минуты, как увидел меня, преисполнился подозрительности.

— Это еще кто такой? Откуда он взялся? — спросил он, указывая на меня.

— Да это же Урод, чужеземец, работающий у нас на заготовке лесоматериала, — объяснили ему. — А что? По-твоему, в нем есть что-то странное?

— Этот вопрос я хотел бы задать ему самому, — грозно произнес Дзан. — Эй, ты, что в тебе странного?

Как я должен был ответить ему?

— Во мне? Ничего...

— Выходит, по-твоему, ты никакой не странный, — и он засмеялся. Тогда все ограничилось этим, но ничего хорошего для себя я уже не ждал.

Дзан был одним из самых отчаянных типов в поселке. Он постраниствовал по свету и щеголял тем, что знал больше других. Стоило ему услышать разговоры о Динозаврах, как с ним начинало твориться что-то неладное.

— Сказки, — заявил он однажды. — Все это пустые сказки. Поглядел бы я на вас, если бы здесь появился настоящий Динозавр!

— Вот уж сколько времени, как они перевелись, — заметил один из рыбаков.

— Положим, не так уж много... — ухмыльнулся Дзан, — и неизвестно еще, не бродят ли их стада

где-нибудь неподалеку... На равнине наши по очереди стоят в дозоре днем и ночью. Но они хоть могут положить друг на друга, они не подпускают к себе проходимцев, которых никто не знает... — и он намеренно задержал взгляд на мне.

Бессмысленно было затягивать эту историю: такому лучше сразу показать, что ты не намерен проглатывать оскорбления. Я сделал шаг вперед.

— У тебя на меня зуб? — спросил я.

— У меня зуб на тех, про кого мы не знаем, кто их породил и откуда они пожаловали, на тех, кто объедает нас и волочится за нашими сестрами...

Кто-то из рыбаков вступился за меня.

— Так ведь Урод зарабатывает себе на жизнь, он трудится на совесть...

— Таскать бревна на горбу он, наверное, горазд, не отрицаю, — отпаривовал Дзан, — но в минуту опасности, когда нам придется защищаться когтями и зубами, кто поручится, что он поведет себя как должно?

Все заспорили. Странно, но никому даже в голову не приходило, что я могу быть Динозавром; обвинение против меня по-прежнему сводилось к следующему: я был не таким, как они, был чужестранцем, а потому неблагонадежным, и спор шел о том, в какой мере мое присутствие увеличивало опасность возвращения Динозавров.

— Хотел бы я поглядеть на него в бою, на этого молодчика с пастью ящерицы... — презрительно продолжал Дзан с явным намерением вывести меня из себя. Я решительно подошел к нему вплотную, нос к носу.

— Можешь поглядеть хоть сейчас, если не убожишь без оглядки.

Этого он не ожидал. Он посмотрел на своих. Они образовали круг. Теперь оставалось только драться.

Я бросился вперед, увернулся, выгнув шею, от его зубов, тут же нанес ему удар лапой, перевернувший его на спину, и подмял противника под себя. То был ошибочный прием, и мне ли этого не знать, я ли не видел, как умирали Динозавры от когтей и зубов, впивавшихся в грудь и в живот, когда они, Динозавры, уже не сомневались, что обезвредили врага! Но я умел еще действовать хвостом, чтобы сохранить устойчивость; мне не хотелось давать противнику возможности вот так же уложить меня, я напрягал все силы, но чувствовал, что начинаю сдавать...

И тогда кто-то из зрителей крикнул:

— Давай, Динозавр, держись!

Понять, что меня разоблачили, было равносильно тому, чтобы снова стать самым собою, стать таким, как прежде: терять мне было нечего, тем более что на них следовало нагнать бывшего страху. И я ударил Дзана раз, другой, третий...

Нас разняли.

— Дзан, мы же тебя предупреждали, что сил у Урода хватает. С Уродом шутки плохи!

И они смеялись и поздравляли меня, хлопали лапами по спине. Я считал себя разоблаченным и потому ничего не понимал; только позже я сообразил, что словом «Динозавр» они обычно подбадривали участников состязаний; оно означало не что иное, как «А ну-ка нажми, ведь ты сильнее!», и не известно было, к кому в данном случае относилось—ко мне или к Дзану.

С того дня меня уважали, как никого другого, все, в том числе и Дзан, который приходил смотреть, как я работаю, чтобы лишний раз убедиться в моей силе. Должен сказать, что обычные разговоры Новых о Динозаврах со временем приобрели несколько иной оттенок, как бывает, когда надоест вечно мерить все одной и той же меркой и мода начнет меняться. Теперь

у них вошло в привычку говорить, обсуждая происшествия в поселке, что между Динозаврами то-то и то-то никогда бы не случилось, что с Динозавров во многом следует брать пример, что о поведении Динозавров в той или иной ситуации (например, в личной жизни) и говорить не приходится и тому подобное. Одним словом, казалось, наступает полоса чуть ли ни посмертного возвеличивания Динозавров, о которых никто ничего толком не знал.

Однажды я не удержался:

— Не стоит преувеличивать. Ну, как по-вашему, что такое Динозавр, если уж на то пошло?

Они в один голос зашикали:

— Молчи, что ты понимаешь, если сам их никогда не видел?

Минута была подходящая, чтобы назвать вещи своими именами.

— А вот и видел, — воскликнул я, — если хотите, могу вам объяснить, как они выглядели!

Мне не поверили: думали, что я хотел посмеяться над ними. Для меня эта их новая манера распространяться о Динозаврах была столь же невыносима, как и прежняя. Потому что — я уж не говорю о скорби, которую испытывал при мысли о жестокой участи, выпавшей на нашу долю, — кто-кто, а уж я-то знал Динозавров, помнил, как вредила нам ограниченность, сколько в нас было предрассудков, как все это мешало идти в ногу со временем, приспособливаться к новым обстоятельствам! И теперь я вынужден был смотреть, как они берут за образец наш узкий мирок, столь отсталый, столь — скажем так — неинтересный! Я должен был выслушивать, как не кто-нибудь, а именно они внушают мне подобие священного уважения к Динозаврам, уважения, которого я никогда не испытывал! Но, в сущности, так оно и должно было

быть: эти Новые, чем они так уж отличались от Динозавров золотых времен? Уверенно чувствуя себя в своем поселке с запрудами и рыбными садками, они тоже зачванились, стали самонадеянными... Порой я испытывал к ним такую же нетерпимость, какую некогда вызывала во мне моя собственная среда, и чем больше они восторгались Динозаврами, тем сильнее я ненавидел Динозавров и их, вместе взятых.

— Знаешь, сегодня ночью мне приснилось, будто мимо нашего дома должен пройти Динозавр, — как-то сказала Цветок Папоротника, — великолепный Динозавр, принц или король Динозавров. Я прихорошилась, обвила ленту вокруг головы и подошла к окну. Я старалась привлечь внимание Динозавра, сделала ему реверанс, но он не обратил на меня внимания, даже взглядом не удостоил.

Этот сон по-новому раскрыл передо мной душу девушки, и я понял, что она думала обо мне: должно быть, приняла мою робость за презрительное высокомерие. Сейчас, воскрешая в памяти прошлое, я вижу, что мне достаточно было не разубеждать ее в этом еще какое-то время, сохраняя видимость гордой неприступности, и я бы ее окончательно завоевал. Но рассказанный сон до того растрогал меня, что я со слезами на глазах бросился к ее ногам:

— Нет, нет, о Цветок Папоротника, все не так, как тебе представляется, ты лучше любого Динозавра, в сто раз лучше, я чувствую себя настолько ниже...

Цветок Папоротника опешила, отступила на шаг.

— Да ты понимаешь, что ты говоришь?

Нет, не этого она ждала: она растерялась, сцена показалась ей отталкивающей. Я понял это слишком поздно; я поспешил сделать вид, будто ничего не случилось, но все равно между нами что-то уже нарушилось, появилось чувство взаимной неловкости.

То, что произошло вскоре, заставило нас забыть это недоразумение. В поселке появились выбившиеся из сил гонцы. Динозавры возвращаются! На равнине было обнаружено обезумевшее от стремительного бега стадо неведомых чудовищ. Если оно будет продвигаться с той же скоростью, позавтра поселок окажется в осаде.

Можете себе представить, какие чувства всколыхнуло в моей душе это известие: вид, к которому я принадлежал, не вымер, я мог воссоединиться со своими братьями, снова зажечь былой жизнью! Но воспоминания об этой жизни, проспавшиеся в моем сознании, представляли собой бесконечную цепь поражений, отступлений, опасностей; начать все заново — значило, быть может, лишь то, что я на время вернулся бы к прежним мучительным сомнениям, вернулся к этапу, который, хотелось верить, пройден раз и навсегда. А ведь к этому времени я наконец достиг здесь, в поселке, некоего душевного равновесия, и мне жаль было терять его.

Новых тоже обуревали противоречивые чувства. В их душах панический страх сменялся желанием торжествовать над давним врагом, и в то же время они считали, что коль скоро Динозавры выжили и теперь наступают, мечтая о реванше, значит, никто не может их остановить, и не исключено, что победа Динозавров, как бы жестоки ни были победители, послужит ко всеобщему благу. Иначе говоря, Новые хотели и защищаться, и спастись бегством, и уничтожить врага, и оказаться побежденными; и неуверенность эта сказывалась в той неорганизованности, с какой они готовились к обороне.

— Стойте! — крикнул Дзан. — Среди нас лишь один способен взять на себя командование! Самый сильный из всех нас, Урод!

— Правильно! Нами должен командовать Урод! — хором откликнулись остальные. — Да, да, пусть Урод принимает командование! — И они вытянулись передо мной по стойке смирно.

— Да нет, неужели вы хотите, чтобы я, чужестранец, я не достоин.. — возражал я. Но переубедить их было невозможно.

Что оставалось делать? В ту ночь я не сомкнул глаз. Голос крови повелевал мне дезертировать и присоединиться к братьям, тогда как чувство долга по отношению к Новым, которые приняли меня и приютили, подсказывало, что я должен оставаться на их стороне. Но в то же время я прекрасно знал, что ни Динозавры, ни Новые не заслуживали того, чтобы пальцем ради них шевельнуть! Если Динозавры стремились восстановить свое господство путем нашествий и кровопролития, значит, опыт ничему их не научил, значит, они выжили лишь по ошибке. А Новые — это было очевидно, — возложив на меня командование, нашли наиболее удобный выход из положения: всю ответственность взвалили на чужестранца, и этот чужестранец мог стать их спасителем, а в случае поражения — козлом отпущения, коего не жалко выдать неприятелю, чтобы задобрить его, мог, наконец, стать изменником, который, предав Новых врагу, осуществил бы их тайную мечту оказаться под властью Динозавров. Одним словом, я не желал знать ни тех, ни других; мне было на них на всех наплевать — пусть себе перебьют друг друга до последнего. Я должен был, пока не поздно, бежать, оставить их вариться в собственном соку, не вмешиваться в эти старые дразни.

В ту же ночь, крадучись в темноте, я выбрался из поселка. Первым побуждением было убраться подальше от поля боя, вернуться в мои тайные убежища; но любопытство оказалось сильнее: мне хотелось увидеть

себе подобных, знать, что они победили. Я укрылся на вершине скалистых гор, высящихся над излучиной реки, и стал ждать рассвета.

Когда занялось утро, на горизонте показались какие-то фигуры. Они стремительно приближались. Еще раньше, чем мне удалось их как следует разглядеть, я мог поручиться, что передо мной не Динозавры: чтобы хоть один Динозавр бежал вот так, неуклюже, это для меня исключалось. Когда же я узнал Носорогов, я не ведал — смеяться мне или плакать. Да, то было стадо первых Носорогов, крупных, нескладных, покрытых роговыми наростами, но совершенно безобидных, — им бы только пощипать травки. Так вот кого Новые приняли за древних Царей Земли!

Стадо Носорогов пронеслось с шумом, подобным грому, остановилось подкрепиться кустарником, вновь устремилось к горизонту, даже не заметив укреплений рыбаков.

Я бегом вернулся в поселок.

— Вы ничего не поняли! Это не Динозавры! — возвестил я. — Носороги, вот это кто! Они уже ушли! Опасность миновала! — И добавил, желая оправдать свое ночное дезертирство: — Я ходил в разведку! Чтобы все выяснить и сообщить вам!

— Мы могли не понять, что это были не Динозавры, — спокойно заметил Дзан, — зато мы поняли, что ты не герой, — и он показал мне спину.

Разумеется, они разочаровались — и в Динозаврах, и во мне. Теперь их рассказы о Динозаврах уступили место анекдотам, где страшные чудовища выглядели комическими персонажами. Но меня больше не трогало это убожество Новых, я оценил, наконец, величие духа, заставившее нас предпочесть исчезнуть с лица земли, чем жить в мире, который нас не устраивал. Если я еще жил, то лишь потому, что Динозавр продолжал

чувствовать себя Динозавром среди этого народишка, прикрывавшего банальными шуточками царивший в нем страх. Да и какой другой выбор оставался Новым, кроме выбора между насмешками и страхом?

Но у Цветка Папоротника было свое отношение к Динозаврам. Как-то она рассказала мне очередной сон:

— Там был Динозавр, неуклюжий, зеленый-презеленый, и все издевались над ним, дергали его за хвост. Тогда я вышла вперед и заступилась за него, увела, приласкала. И я поняла: при всем том, что он был такой смешной, это было самое грустное создание на свете, и из его красновато-желтых глаз ручьями лились слезы.

Что испытал я при этих словах? Было ли мне унижительно отождествлять себя с героем сна? Отвергал ли я чувство, которое, казалось, с неких пор основывалось на жалости? Или находил возмутительным стремление девушки унижить достоинство Динозавра?

Меня обуяла гордыня, я похолодел, я презрительно бросил ей в лицо:

— Вечно ты пристаешь ко мне со своими детскими снами! Тебе и присниться-то ничего путного не может, одни глупости!

Цветок Папоротника расплакалась. Я повернулся и ушел, пожав плечами. Это случилось на плотине, мы были не одни; рыбаки, правда, не слышали нашего разговора, но заметили, что я был вне себя, заметили ее слезы.

Дзан счел своим долгом вмешаться.

— Ты кем это себя возомнил,— спросил он резко,— что позволяешь себе невежливо обращаться с моей сестрой?

Я остановился, но не ответил. Если он собирался драться, пожалуйста, я готов. Но в последнее время в поселке появилась новая мода — они все обращали в шутку. Из толпы рыбаков кто-то крикнул фальцетом:

— Катись, катись, Динозавр!

Я знал, что это шутливое выражение, недавно вошедшее в обиход и означавшее: «Не петушись, не перебарщивай» или что-нибудь в том же духе. Но меня оно только распалило.

— А я и есть Динозавр, ежели вам угодно знать, — вскричал я, — да, да, именно! Если вы никогда в жизни не видели Динозавров, то вот один из них перед вами, полюбуйтесь!

Раздался дружный хохот.

— Я вчера видел одного, — сказал кто-то из стариков, — он вылез из-под снега.

Все тут же замолчали. Этот старик недавно вернулся из похода в горы. Оттепель растопила старый ледник, скрывавший скелет Динозавра.

Весть разнеслась по поселку.

— Пошли смотреть Динозавра! — Все устремились на гору, и я тоже.

Миновав морену, покрытую поваленными стволами, скелетами птиц, я увидел широкую котловину. Первый лишайник зеленил валуны, освобожденные ото льда. Посреди котловины, вытянувшись, будто во сне, покоился скелет гигантского Динозавра: просветы между позвонками удлиннили его шею, огромный хвост извивался змеей. Грудная клетка вздымалась дугой, как парус, и когда ветер ударял в гладкие полукружия ребер, казалось, что под ними все еще бьется невидимое сердце. Череп был повернут назад, пасть разинута, словно в последнем крике.

По дороге Новые радостно горланили, но вот они увидели череп, сверливший их пустыми глазницами, и, умолкнув, остановились поодаль; потом отвернулись, охваченные новым приступом неуместного веселья. Достаточно было кому-нибудь из них перевести взгляд со скелета на меня, неподвижно стоявшего рядом, и

ему стало бы ясно: это скелет моего двойника. История этих костей, этих зубов, этих смертоносных клыков звучала на языке, уже не поддававшемся расшифровке, никому больше не напоминала ничего, кроме прекрасного имени, далекого от сегодняшнего дня.

Я продолжал рассматривать скелет Отца, Брата, Себе Подобного, Самого Себя; я видел как бы свои собственные обнаженные кости, узнавал свои очертания, отпечатавшиеся на камне, все то, чем мы были когда-то и чем перестали быть, наше величие, наши грехи, нашу гибель.

Теперь этим останкам суждено было сделаться составной частью пейзажа для тех, кто возмнил себя новыми завоевателями планеты, разделить участь имени «Динозавр», превратившегося в пустой, бессмысленный звук. Все, что имело отношение к истинной природе Динозавров, должно было остаться в тайне. Ночью, пока Новые спали вокруг украшенного флагами скелета, я перенес и похоронил — косточка за косточкой — моего покойного сородича.

Наутро Новые не обнаружили скелета. Они не долго ломали себе голову над причинами его бесследного исчезновения. К чудесам, приписываемым Динозаврам, прибавилось еще одно. Вскоре все забыли, как он выглядел.

Но зрелище скелета оставило след в сознании Новых: отныне представление о Динозаврах они связывали с представлением о горьком, бесславном конце, и теперь в их рассказах преобладал оттенок сострадания, боли за нас, мучеников. Я не знал, куда деваться от этой жалости. Кого они жалели? Если когда-нибудь хоть один вид достиг полного развития, если хоть один вид долго и счастливо властвовал на Земле, то это были мы. Наша смерть явилась величественным эпилогом, достойным славного прошлого. Что они понимали,

эти глупцы? Меня так и подмывало зло посмеяться над ними, рассказывать им небылицы всякий раз, как я слышал их сюсюканье о бедных Динозаврах. Все равно теперь уже никто не понял бы правды о Динозаврах, она была тайной, которую мне суждено хранить лишь для самого себя.

Как-то в поселке остановилась ватага бродяг. Среди них была девушка. Увидев ее, я вздрогнул. Если зрение меня не обманывало, в ней текла не только кровь Новых: это была мулатка, и без Динозавра тут не обошлось. Знала ли она об этом? Нет, конечно, судя по тому, как непринужденно она держалась. Быть может, не один из ее родителей, а кто-то из дедов, прадедов или даже прапрадедов был Динозавром, и от него она унаследовала свойственные нашей породе манеры, движения, давно ни о чем не напоминавшие никому, в том числе и ей самой. Это было прелестное веселое создание, у нее тотчас появились поклонники, и самым ретивым и влюбленным из них был Дзан.

Начиналось лето. Молодежь устраивала праздник на берегу реки.

— Пойдем с нами, — пригласил меня Дзан, который после стольких ссор старался показать, что по-прежнему остается моим другом, и тут же снова пристроился рядом с Мулаткой.

Я приблизился к Цветку Папоротника. Кажется, пришло время объясниться, найти общий язык.

— Что тебе снилось сегодня ночью? — спросил я, чтобы завязать разговор.

Она не подняла головы.

— Я видела раненого Динозавра, который корчился в агонии. Он уронил благородную усталую голову, он так страдал... Я смотрела на беднягу, не могла оторвать от него глаз и вдруг почувствовала, что мне приятно видеть его страдания...

Губы Цветка Папоротника были растянуты в подобной улыбке, которой прежде я у нее не замечал. Мне хотелось показать ей, что к этой мрачной игре двойственных чувств лично я не имею никакого отношения, только и всего: я был существом, наслаждающимся жизнью, наследником счастливого племени. Я стал приплясывать вокруг нее, обдал ее брызгами, ударив хвостом по воде.

— Ты только и умеешь, что ныть, — бросил я. — Хватит, давай лучше потанцуем!

Она меня не поняла. Она промолчала, недовольно скривившись.

— Ну что ж, раз ты со мной не танцуешь, приглашу другую! — воскликнул я. И взяв за лапу Мулатку, увел ее из-под носа у Дзана, который сначала не сообразил, что произошло, провожая Мулатку влюбленными глазами, а когда рассвирепел от ревности, было уже слишком поздно: мы плыли к противоположному берегу, чтобы укрыться там в кустарнике.

Наверное, мне хотелось только показать Цветку Папоротника, с кем она все-таки имеет дело, опровергнуть сложившееся у нее ошибочное представление обо мне. А возможно, на этот шаг меня толкнула старая обида на Дзана, который снова навязывался мне в друзья. Или же виной всему послужила внешность Мулатки: ее формы, чем-то родные и в то же время необычные, возбуждали во мне желание, с ней хотелось ни о чем не думать, не вспоминать...

Наутро бродяги собирались в путь. Мулатка согласилась провести ночь в зарослях. Я ласкал ее до рассвета.

Это были лишь эпизоды в целом спокойной и бедной событиями жизни. Я похоронил в молчании правду о себе и об эре нашего господства. О Динозаврах

уже почти никто не говорил; возможно, никто больше не верил, что они вообще когда-либо существовали. Даже Цветку Папоротника они перестали сниться.

И вдруг однажды она мне рассказывает:

— Я видела сон, будто в пещере живет последний представитель рода, название которого всеми забыто, и я пошла туда, чтобы спросить его имя. Там было темно; я знала, кто он, но не видела его, я прекрасно знала, кто он и как выглядит, но не могла бы описать его, и я не понимала, я ли отвечала на его вопросы или он на мои...

Для меня это было признаком того, что мы наконец начинаем понимать друг друга, что она тоже ищет близости со мной, о чем я мечтал с тех самых пор, когда впервые подошел к ручью, когда не знал еще, суждено ли мне остаться в живых.

Начиная с этого дня я многое понял и прежде всего — как побеждают Динозавры. Раньше я считал, что исчезновение было для моих сородичей благородным признанием поражения; теперь же я знал: чем больше вымирает Динозавров, тем шире простирается их господство, причем в чащах, куда более бесконечных, нежели те, что покрывают материки: в дебрях мыслей у тех, кто выжил. Из сумрака страхов и сомнений теперь уже неизвестных поколений они продолжали вытягивать шен, вздымать когтистые лапы, и когда последняя тень их образа стерлась, имя их по-прежнему властвовало над всеми словами, увековечивая тем самым их присутствие в отношениях между живыми существами. Теперь, когда стерлось даже имя, им суждено было раствориться в безмолвных и безымянных штампах мысли, при помощи которых представления обретают форму и содержание, — представления Новых и тех, кто должен был прийти им на смену, и многих других.

Я посмотрел вокруг: поселок, где некогда я появился чужеземцем, я мог теперь с полным правом называть своим, и своей мог назвать Цветок Папоротника — настолько, насколько это может сделать Динозавр. Вот почему, молча кивнув девушке на прощание, я расстался с ней, покинул поселок, ушел навсегда.

По дороге я глядел на деревья, реки и горы и не мог больше отличить те из них, что были еще во времена Динозавров, от тех, которые появились позже.

Вокруг нор расположились бродяги. Я издали узнал Мулатку, по-прежнему привлекательную, чуть-чуть располневшую. Избегая встречи, я укрылся в лесу и оттуда смотрел на нее. За ней следовал сынишка, который едва перебирал ногами, виляя хвостом. Сколько времени я не видел маленького Динозавра, столь совершенного, полного собственной сущностью Динозавра и настолько не ведающего, что означает имя «Динозавр»?

Я подождал его на лесной поляне, мне хотелось поглядеть, как он играет, гоняется за бабочками, ударяет кедровой шишкой о камень, выбивая из нее орехи. Я подошел к нему. Да, это был мой сын.

Он посмотрел на меня с любопытством.

— Ты кто? — спросил он.

— Никто, — ответил я. — А ты знаешь, кто ты?

— Вот сказанул! Да это все знают: я Новый! — заявил он.

Именно это я и ожидал услышать. Я погладил его по головке, сказал ему: — Молодец! — и ушел.

Я пересек горы и равнины. Вышел к станции, сел в поезд, смешался с толпой.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Ошеров. Предисловие</i>	5
<i>Лино Альдани. Луна двадцати рук. Перевод Л. Вершинина</i>	21
<i>Лино Альдани. Абсолютная технократия. Перевод Н. Георгиевской</i>	42
<i>Лино Альдани. Шахта. Перевод Т. Блантер</i>	58
<i>Лино Альдани. Приказы не обсуждаются. Перевод А. Васильева</i>	63
<i>Джулио Райола. План спасения. Перевод Л. Вершинина</i>	75
<i>Анна Ринонаполи. Ночной министр. Перевод Л. Вершинина</i>	120
<i>Анна Ринонаполи. Фантаст Джакомо Леопарди. Перевод Л. Вершинина</i>	143
<i>Либеро Биджаретти. Он жил не здесь. Перевод Т. Блантер</i>	182
<i>Инисеро Кремаски. Обвал. Перевод Л. Вершинина</i>	191
<i>Сандро Сандрелли. Гипносюфлер. Перевод Л. Вершинина и А. Васильева</i>	202
<i>Сандро Сандрелли. Опасная игра. Перевод Л. Вершинина</i>	223

С андро С андрелли. Скверная шутка. <i>Перевод Л. Вер- шинина</i>	229
Д ино Буццати. И опустилось летающее блюдо. <i>Пере- вод В. Кривули</i>	236
И тало Кальвино. Водяной дедушка. <i>Перевод Е. Соло- новича</i>	243
И тало Кальвино. Динозавры. <i>Перевод Е. Солоновича</i>	257

ЛУНА ДВАДЦАТИ РУК

Сборник научно-фантастических рассказов

Редактор *И. Я. Хидекель*

Художник *О. Ф. де Арайужо*

Художественный редактор *Ю. Л. Максимов*

Технический редактор *А. В. Грушин*

Корректор *Т. П. Пашковская*

Сдано в производство 20.II 1967 г.

Подписано к печати 19/VI 1967 г.

Бумага тип. № 1. $70 \times 108^{1/32} = 4,38$ бум. л.
12,25 усл. печ. л.

Уч.-изд. л. 12,19. Изд. № 12/3790.

Цена 80 к. Зак. 611

Темплан 1967 г. издательства «Мир»,
пор. № 205.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «Мир»

Москва, 1-й Рижский пер., 2

Ленинградская типография № 2

имени Евгении Соколовой

**Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР.
Измайловский проспект, 29.**

80к.

